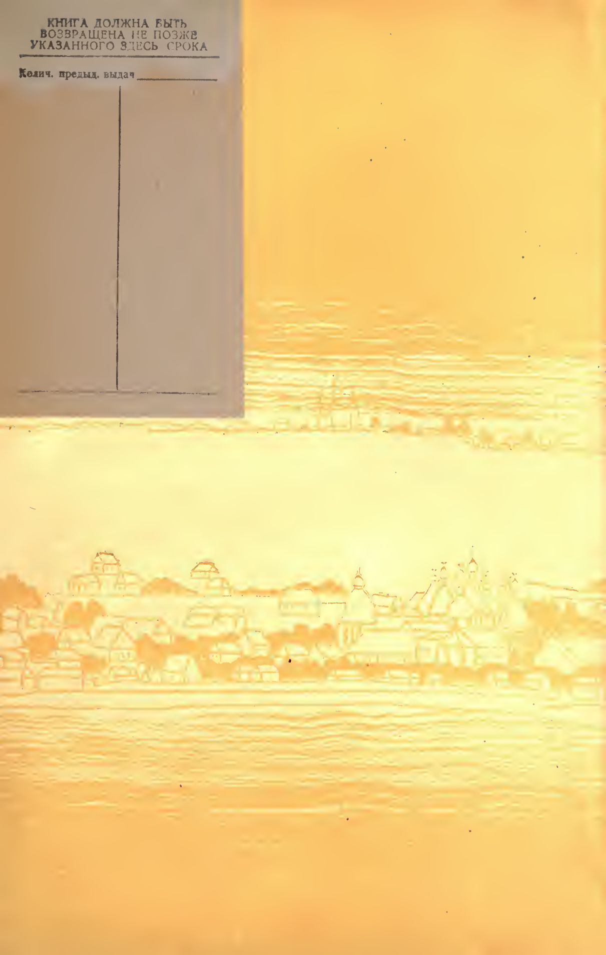
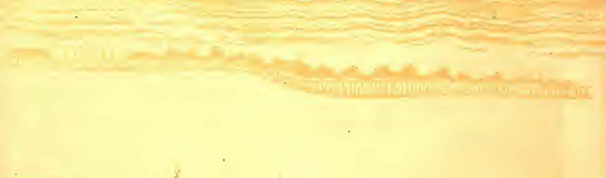
В. В. ДАНИЛЕВСКИЙ

ЛОМОНОСОВ НА УКРАИНЕ





МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
ЛОМОНОСОВ
(1711—1765)

В. В. ДАНИЛЕВСКИЙ

ЛОМОНОСОВ НА УКРАИНЕ

Под редакцией
проф. В. В. Мавродина

Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство
1954

В. В. Даналевский
Ломоносов на Украине

Редактор Е. И. Михлин
Титул, форзац и переплет И. З. Копеляна
Художник-редактор Б. Ф. Семенов
Технический редактор Н. И. Родченко
Корректор В. Л. Новицкая

Сдано в набор 5/IV 1954 г. Подписано к печати 4/V 1954 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 8,5. Перев. печ. л. 11,65.
Уч.-изд. л. 11,23. Тираж 20.000 экз. М-32328. Заказ № 534.

Лениздат, Ленинград, Торговый пер., 3.
Типография им. Володарского
Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 7 р.

ВВЕДЕНИЕ

1

Украина и Ломоносов — эти слова еще никем не были поставлены рядом.

О жизни и деятельности М. В. Ломоносова создана столь обширная и разносторонняя литература, что полный библиографический перечень всех печатных выступлений на эту тему вряд ли уместился бы в большом томе. Но до сих пор нет пока ни одного исследования по вопросу о пребывании М. В. Ломоносова на Украине. Между тем этот вопрос необходимо поставить и разрешить, ибо он представляет большой интерес для русского и украинского народов.

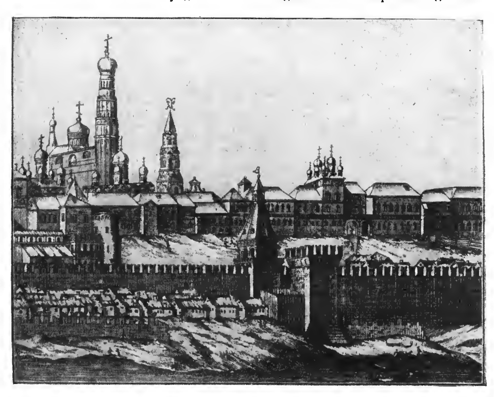
Вопрос о пребывании М. В. Ломоносова на Украине, о его связях с украинским народом приобретает особенную актуальность в наши дни, когда отмечается 300-летие воссоединения Украины с Россией как большой праздник не только русских и украинцев, а как великое торжество всех народов Союза Советских Социалистических Республик.

История взаимоотношений России с Украиной включает в себя в качестве неразрывной составной части историю русско-украинских культурных связей. При освещении этих связей очень важно выяснить место, которое занимал в них великий русский ученый М. В. Ломоносов.

Советский народ справедливо назвал бессмертного ученого знаменем русской науки. Он навсегда вошел в историю как защитник передового

материалистического мировоззрения, как автор множества мировых открытий и изобретений, как неутомимый борец за развитие, честь и достоинство отечественной науки. Его творчество было столь разносторонним и глубоким, что вряд ли можно назвать такую отрасль науки и техники, культуры в самом широком смысле слова, которая не была бы обогащена замечательным вкладом М. В. Ломоносова.

Придя с далекого Севера в столицу нашей Родины, он именно здесь, в Москве заложил основу для всей своей дальнейшей творческой деятельности.



Московский Кремль. — По гравюре первой четверти XVIII века.

ности. Опираясь на эту основу, он затем непрерывно накапливал и углублял свои знания, овладевал лучшими достижениями современной науки. Критически изучив и обобщив весь предшествующий опыт народа, он своими открытиями и теориями проложил путь для последующего развития науки, техники и промышленности.

Глубже, чем кто-либо иной в далеком XVIII веке, М. В. Ломоносов заглянул в самые сокровенные тайники природы. Научно обосновав атомно-молекулярную теорию строения вещества, он дал человечеству современное представление о механической природе теплоты, разработал общепринятую теперь кинетическую теорию газов. Он создал замечательную теорию света, явился основоположником современной науки о цвете. М. В. Ломоносов стоит у истоков современной теории электричества, которую он разрабатывал с позиций передового материалистического мировоззрения. Он открыл многие важные законы природы, в том числе и основной закон современного естествознания — закон сохранения массы и энергии. В трак-

товке М. В. Ломоносова «всеобщей естественной закон», как называл его великий ученый и мыслитель, охватывает не только массу и энергию, но и все существенные стороны живой, вечно подвижной, изменяющейся материи.

Физики и химики, механики и оптики, минералоги и геологи, географы и астрономы, историки и экономисты, литературоведы и филологи — до сих пор открывают всё новые и новые стороны в творчестве М. В. Ломоносова, которое явилось основополагающим для обширнейшего круга наук. Общепризнана и его выдающаяся роль в создании научных основ, на которых развивались горное дело, металлургия, химическая технология, производство стекла, фарфора и красок, а также многие другие отрасли промышленности.

Приборостроители и конструкторы механизмов и машин, заводские технологи и строители чтят его память как зачинателя великих дел, как мужественного новатора, боровшегося за сознательное применение естествознания в промышленности. Для развития мореплавания он разработал десятки новых видов приборов. Он был одним из творцов научных основ для последующего создания воздухоплавания и авиации, автором таких изобретений в этой области, как геликоптер, применение которого открывает теперь новые возможности в деле покорения воздушной стихии.

Из живого родника его литературно-художественного творчества черпали знания и вдохновение поколения поэтов. Ему, зачинателю современной русской литературы, принадлежит также слава одного из основоположников современного русского литературного языка. Именно М. В. Ломоносов, как выдающийся организатор науки, возглавлял борьбу передовых русских деятелей, превратившую Академию наук в Петербурге в русскую и вызвавшую к жизни первый отечественный университет в Москве, носящий ныне его же имя.

Народ, выдвинув из своих рядов М. В. Ломоносова, воплотил в его жизни и делах свои лучшие черты и стремления. Сын народа, он отдал ему весь свой опыт и знания, свои замыслы, труды и дерзания. Источник силы и величия творчества М. В. Ломоносова — в глубочайшей народности.

Обо всем этом необходимо напомнить, ставя рядом слова Украина и Ломоносов, ибо речь идет о замечательном сыне русского народа, великом деятеле, одном из самых выдающихся гигантов мысли, возвеличившем нашу Родину и снискавшем вечную признательность всего передового человечества.

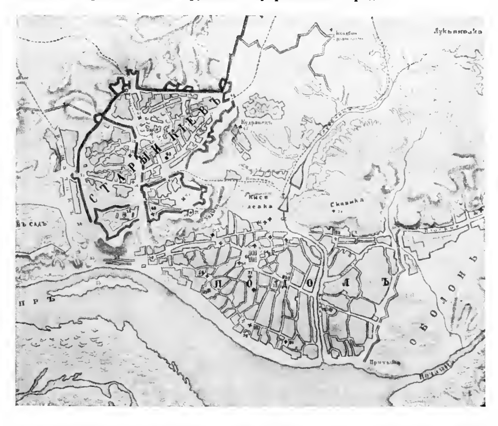
2

Украинский народ, вышедший из единого корня древнерусской народности, постоянно стремился к объединению с братским русским народом. Воссоединение Украины с Россией, осуществленное 300 лет тому назад, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории.

Воссоединение содействовало росту производительных сил России и Украины, культурному взаимообогащению двух братских народов.

Учитывая исключительную роль М. В. Ломоносова в истории нашей культуры, естественно поставить вопрос: не проявилась ли кровная, нерасторжимая связь двух великих народов в жизни и делах одного из самых замечательных сынов русского народа? Необходимость постановки и

разрешения этого вопроса тем более настоятельна, что М. В. Ломоносов побывал на Украине, посетил Киев и другие украинские города, общался с украинским народом. Необходимо выяснить, чем обогатило его такое общение и что из осуществленных им творческих замыслов явилось в свою очередь непосредственным вкладом в дело укрепления нерасторжимой дружбы и братского союза русского и украинского народов.



Киев в XVIII веке. На Подоле: 71. Братский монастырь, в котором находилась Киевская академия во время пребывания М. В. Ломоносова на Украине. 74. Бурса, т. е. общежитие студентов Киевской академии. — По Н. Закревскому.

При этом необходимо не только разыскать и изучить всё, что связано с поездкой в Киев и пребыванием на Украине М. В. Ломоносова, но и устранить те внутренние противоречия, которые до сих пор имеют место при освещении его биографии.

У многих авторов, писавших о М. В. Ломоносове, общепринятой является весьма странная схема, согласно которой его жизнь распадается примерно на такие этапы:

ученик в России — вплоть до того времени, когда М. В. Ломоносову исполнилось 25 лет и он отправился (23 сентября 1736 г.) из Кронштадта за границу; [1]

[1] В последней по времени и лучшей биографии в перечне основных дат жизни и деятельности М. В. Ломоносова читаем: «1730, декабрь — Ломоносов уходит из дому в Москву учиться. 1731, 15 января — Ломоносов принят в число учащихся Славяно-греко-латинской академии в Москве. 1734, август — 4 сентября — Ломоносов пытается принять

ученик за границей — с 3 ноября 1736 года до лета 1741 года,[1] — где одновременно с обучением он приступил к разработке своих первых исследований. К 4 октября 1738 года относят появление его первого пробного ученого сочинения, называя последнее «образчиком знания»;[2]

только с июня 1741 года (когда М. В. Ломоносов, доживший до 30 лет, возвратился из-за границы в Петербург) изображают начавшимся расцвет его творчества.

Итак, общепринято считать, что из 54 лет своей жизни М. В. Ломоносов бо́льшую ее часть «ходил» в учениках и что первые его научные работы были выполнены за пределами России.

Противоречия в его биографии этим не ограничиваются. Она освещается так, что выходит, будто М. В. Ломоносов непосредственно знал только очень малую часть родной страны и общался с народными массами лишь в ничтожном количестве мест. В то же время изучение его работ показывает, что он был глубочайшим знатоком жизни русского и других народов, всей тогдашней России в ее настоящем и прошлом.

Если на карте, оставляя пока в стороне поездку в Киев, нанести пути поездок М. В. Ломоносова, то получится своеобразная картина:

1) Пути, пройденные до декабря 1730 года, т. е. в возрасте до 19 лет, в районе Холмогор и Архангельска, а также плавания с отцом на гукоре «Чайка» у берегов Белого моря и на Мурман.

2) Путь от Холмогор до Москвы, совершенный в декабре 1730 года, в возрасте 19 лет, когда он отправился из дому учиться в Москву.

3) Путь от Москвы до Петербурга, совершенный в декабре 1735 года, в возрасте 24 лет, когда он был направлен для продолжения образования в Академию наук.

4) Пути, пройденные осенью 1736 года, в возрасте 25 лет, когда он поехал для учения за границу: Кронштадт — Травемюнде — Марбург.

5) Путь, совершенный в июле 1739 года, в возрасте 28 лет, по маршру́ту Хиршфельд — Эйзенах — Гота — Наумбург — Вейсенфельс — Лейпциг при переезде из Марбурга в Фрейберг для обучения горному делу.

6) Пути, совершенные с мая 1740 года, когда он выбыл из Фрейберга, стремясь возвратиться в Россию. После ухода из Фрейберга М. В. Ломоносов побывал в 1740—1741 гг. в городах: Лейпциг, Кассель, Марбург, Дюссельдорф, посетил Голландию, был в Амстердаме, попал в крепость Везель, оттуда бежал, а затем бродил по Гарцу и снова посетил Марбург.

7) Путь, совершенный в 1741 году, при возвращении на родину как теперь принято считать: из Марбурга через Ганновер в Любек и морем в Петербург, куда он прибыл 8 июня 1741 года.

участие в Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова. 1734 (осень) — предположительное время пребывания Ломоносова в Киеве. 1735, 23 декабря — Ломоносов выезжает из Москвы для продолжения образования в Петербургской Академии наук, 1736, 1 января — Ломоносов прибыл в Петербург и зачислен в число академических студентов. 1736, 3 марта — Ломоносов представлен к отправлению за границу для изучения горного дела. 1736, 23 сентября — Ломоносов отправляется из Кронштадта за границу». (А. Морозов, Михаил Васильевич Ломоносов, 1711—1765. Л., 1952, стр. 837.)

[1] 3 ноября 1736 года М. В. Ломоносов прибывает в Марбург, где он 17 ноября записывается в число студентов Марбургского университета. Здесь учение М. В. Ломоносова длится до 20 июля 1739 года. С 25 июля того же года он переезжает в Фрейберг, где его учение продолжается до мая 1740 года. (А. Морозов, ук. соч., стр. 838.)

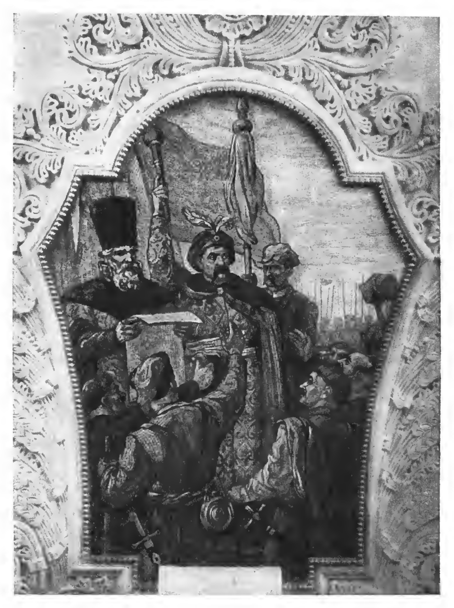
[2] Новейший биограф указывает, что в Марбурге М. В. Ломоносов пишет «первое ученое сочинение „специмен" („образчик знания") „О превращении твердого тела в жидкое"». посланное им 4 октября 1738 года в Петербург. (А. Морозов, ук. соч., стр. 838.)

Этим последним путешествием, совершенным М. В. Ломоносовым в возрасте 30 лет, по существу заканчиваются все его поездки. Биографы называют еще только одно путешествие М. В. Ломоносова после его возвращения из-за границы: поездку в Москву 22 февраля — 23 марта 1753 года по делам, связанным с Усть-Рудицкой фабрикой. Согласно существующим жизнеописаниям М. В. Ломоносова, он с 8 июня 1741 года и вплоть до своей кончины в апреле 1765 года, т. е. на протяжении почти 24 лет, кроме поездки 1753 года в Москву, ограничивался только местными выездами из Петербурга в Усть-Рудицу.

Город Переяслав: *А.* **Крепость, сооруженная при Петре I.** *Б.* **Украинская крепость, или „Черкасский город", существовавшая во время Переяславской Рады.** *В.* **Полуразрушенные валы внешней ограды, прикрывавшей пригородные строения. — По чертежу первой половины XVIII века.**

В итоге получается, что М. В. Ломоносов очень много путешествовал по Западной Европе и очень мало — по России. Поездке на Украину при этом не придается никакого значения: она рассматривается как совершенно бесплодная для него. Таким образом, если нанести на карту поездки М. В. Ломоносова по России (помимо поездки в Киев), то доведется ограничиться очень немногими линиями, связывающими район Холмогор и Белое море с Москвой, а Москву с Петербургом, т. е. охватывающими всего лишь один северозападный угол необъятной страны.

Необходимо обратить внимание и на самый характер поездок по этим ограниченным маршрутам. Все эти поездки совершались очень быстро и в таких условиях, при которых М. В. Ломоносов был лишен малейшей возможности где-либо задержаться, даже на самое короткое время. В 1730 году он ехал в Москву вместе с обозом, от которого не мог отставать; в 1735 году его везли из Москвы в Петербург вместе с другими

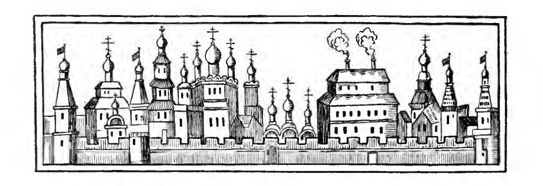


Переяславская Рада, 1654 год. — Мозаичная картина на станции „Киевская-кольцевая“ Московского метрополитена, 1954 год. Авторы — член-корреспондент Академии архитектуры УССР А. В. Мизин и А. Т. Иванов. Исполнители — Л. Е. Хаютина и К. К. Сороченко.

учениками; в 1753 году поездка из Петербурга в Москву была крайне напряженной и, по тому времени, весьма быстрой.

Всё это придает особое значение поездке М. В. Ломоносова на Украину. Если учесть и эту поездку, то на карте путешествий М. В. Ломоносова по России будут не два направления (Москва — Поморье, Москва — Петербург), а три, соединяющие Москву со значительной частью страны: от берегов Северной Двины и Белого моря, от берегов Невы и Балтийского моря — до берегов Днепра, до южных, украинских, земель.

В связи с этим существенно раздвигаются рамки практического знакомства М. В. Ломоносова с жизнью страны, по-новому встает вопрос о его непосредственном общении с народом и о том месте, которое занимал в этом общении украинский народ, который за 80 лет до путешествия М. В. Ломоносова в Киев историческим актом воссоединения навеки связал свою судьбу с братским русским народом.



Глава первая

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ О ПОЕЗДКЕ М. В. ЛОМОНОСОВА НА УКРАИНУ

1

16 июля 1738 года киевский архиепископ Рафаил Заборовский, которому подчинялась Киевская академия во время пребывания в ней М. В. Ломоносова, сообщил Синоду о невозможности удовлетворить требование последнего — дать сведения об учившихся в Киевской академии в 1730—1737 гг.[1]

Синод не в первый раз направлял Заборовскому подобные предписания.[2] В Киев присылались «формы» ведомостей для точного указания в них сведений обо всех учившихся, о возрасте каждого из них, времени поступления, чему обучен и что изучает, как усваивает науки, когда и куда выбыл.[3]

Из Киева, однако, не могли не только ответить ни на один из этих вопросов, но даже назвать фамилии студентов академии. Больше того: оказалось невозможным назвать хотя бы число студентов, обучавшихся в те годы в академии. Р. Заборовский вынужден был написать в Синод: «...ведомости учинить отнюдь невозможно».

Ссылаясь на «древние обыкновения», он сообщил, что нет никакого учета студентов, «ибо они, студенты училищ Киевских, всяк на своем коште, хотя и скудном учаться, суть люде разного звания з Малоросии, а паче болшое число з зарубежа Полской области приходящии, яко свободнии люде в школах Киевских принимаются, и сколко кто пожелает, учится».

---

[1] Доношение киевского архиепископа Синоду от 16 июля 1738 года, № 4756 (см. Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, отделение II, т. I, ч. II, Киев, 1904, стр. 90—91).

[2] Протокол Синода от 6 февраля 1738 года с ссылкой на подобные же указы, посылавшиеся дважды в 1737 году. (Там же, стр. 89—90.)

[3] «Ведомость» должна была содержать ответ на вопросы о студентах: «Кто имяны и из каких чинов». «Сколько кому от роду лет», «Время определения в школу», «Чему обучены», «Что ныне обучают», «Кто к науке понятны и кто не понятен», «Кто, когда и куда выбыли». Ни на один из этих вопросов не смогли ответить.

Докумеит показывает, что число и состав студеитов иепрерывио измеиялись. Оии могли свободио поступать в Киевскую академию и уходить из нее в любое время: «И всегда с временем прибавляются, а с времеием убывают ученики. И иииыи в другие училища Черневские и Харковские, а иииие за рубеж Полской области, близ Киева лежачий, ради обучения отходят».

Уход за рубежи империи бывал очеиь частым, так как государствениая граница иаходилась всего лишь в иескольких десятках километров от Киева.

Миогие из киевских студеитов, пользуясь возможиостью свободио покииуть академию, отлучались из нее в любое время, когда кто хотел: «Иииие же в разиие какие кто похощет когда зваиия, по древным здешиым обыкиовеииям, отлучаются».[1]

Ответить иа вопрос о составе обучавшихся в Киевской академии было очеиь трудио и в дальиейшем, когда списки студеитов уже составлялись и посылались из Киева в Сииод. В 1751 году префект Георгий Коиисский, отвечая на требоваиия митрополичьей каицелярии дать аттестат окончившему академию И. Вишиевскому, писал, что по классам фары и риторики даже журиалов («каталогов») ие сохраиилось «яко таковым каталогам особитного хранеиия и сдачи с рук иа руки поиине ие было, да из богословия... о бывших его учеииках каталиога иет же».[2]

Списки учившихся в Киевской академии велись столь иебрежио, что даже для младших классов, состав которых был более постояииым, иевозможио было дать точиые сведеиия об учеииках, иаходившихся в классе в течеиие одиого года.[3] Особеиио плохо обстояло дело с учетом в те годы, когда в Киеве побывал М. В. Ломоиосов.

Если до 1732 года и с 1736 года какие-то списки учившихся всё же составлялись, то за 1733—1735 гг. решительно иикаких списков ие обнаружеио, иесмотря иа тщательиые поиски их миогими исследователями.[4] Таких списков и не было, как показывает ответ Р. Заборовского Сииоду.

В архивиых фоидах Киевской академии ие обиаружеио также иикаких других докумеитов, говорящих что-либо о пребываиии в Киеве М. В. Ломоиосова или хотя бы упоминающих его имя. Фоиды же эти неодиократио изучались, особеиио в иачале XX века, когда была предприията попытка выявить и опубликовать все осиовные докумейты, освещающие историю Киевской академии.[5]

---

[1] Р. Заборовский счнтал подобное положенне иеправнльным н проснл Снпод отмеиить обычай свободиого прихода и ухода из академии. Одиако Синод ие поддержал его и ответил: «о вольиости Киевскнх училищ студеитов до рассмотрення, быть по прежиему обыкновению, как о том грамотами высокомонаршимн повелеио».

[2] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 42—43. О том, как учитывали успехи студентов и какне при этом давалн оцеикн, говорят, иапример следующне записн в «аттестате» И. Вишневского: «З ннфимн так: по р. х. (рождестве хрнстове — *В. Д.*) ие по достоинству пришол, и мало, або и ничего даже до конца ие вразумелся. З грамматнкн: днтя занковатое, весма подло училось... С фнлософии: честен, ие ленив, ие несмнслен».

[3] По одному из докумеитов в 1736—1737 гг. в классе «сннтаксима» значилось 112 учащихся, а по другому документу — лишь 71 учащийся. В классе «пиитика» по документам указывается н 64 и 67 учащихся. Общее чнсло студентов в 1742 году определялось в разных документах цифрами: 940, 1234 и т. д. Это привело к появленню примерных записей — «до тысячи». (См. Д. Вишиевскнй, ук. соч., стр. 296.)

[4] См. В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училнщем Академнею. Киев, 1856, ч. II, стр. 177—178; Д. Вишиевский, ук. соч., стр. 42 н др. — Списки учеииков до 1732 г. и с 1736 г. см. Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к историн Киевской академнн, т. I, ч. II, Киев, 1904, стр. 1—35 н 95—194.

[5] 26 сеитября 1901 года совет Киевской академин поручил эту работу комиссин, в которую вошли профессора Н. И. Петров, С. Т. Голубев и доцент Ф. И. Титов. Во всем издаиии предполагалось до 20 томов, охватывающих следующне перноды: 1615—

Ничего нового не дало и специальное обследование архивных фондов, произведенное нами.[1] Ни списки студентов Киевской академии за интересующие нас годы, ни какие-либо иные документы, относящиеся к пребыванию М. В. Ломоносова в Киеве, не были обнаружены.

В связи с подобным положением уместно обратить внимание на одно существенное обстоятельство. Общеизвестно, что в 1731—1735 гг. М. В. Ломоносов был в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Однако никаких списков учеников или других документов, хотя бы называющих имя М. В. Ломоносова в связи с ходом его учения здесь, в архивах до настоящего времени также не найдено. Обнаружено всего лишь несколько документов, касающихся попытки М. В. Ломоносова принять участие в экспедиции И. К. Кирилова, а также относящихся к выделению и отправке в 1735 году учеников из Москвы для обучения при Академии наук в Петербурге.[2] При этом необходимо учесть, что речь в данном случае идет не об относительно кратковременной поездке М. В. Ломоносова в Киев, а о его длительном пребывании в стенах Славяно-греко-латинской академии в Москве.

Руководители обеих академий не обеспечили ни должной документации об учащихся, ни сколько-нибудь удовлетворительного хранения документов. В результате они лишили нас возможности располагать архивными документами о пребывании М. В. Ломоносова и в Киевской, и в Московской академиях.

2

Значительное количество сообщений о поездке М. В. Ломоносова на Украину имеется в литературных источниках.[3] Среди них наиболее важны свидетельства его современников.

Первое печатное сообщение о том, что М. В. Ломоносов побывал на Украине, помещено в его биографии «Жизнь покойного Михайла Васильевича

1720 гг. (С. Т. Голубев), 1721—1794 гг. (Н. И. Петров) и с 1795 года до позднейшего времени (Ф. И. Титов). Но было издано всего два выпуска документов, относящихся к годам пребывания М. В. Ломоносова в Киеве (Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II, 1721—1795 гг., том I, 1721—1750 гг., ч. I. Со введением и примечаниями Н. И. Петрова, Киев, 1904, XXII, 463 и ч. II. Приложения. Со введением и примечаниями Н. И. Петрова, Киев, 1904, XXI, 508). Н. И. Петров изучил местные архивы, в том числе указные книги Киевской духовной консистории за 1721—1735 гг., рукописные сборники указов и распоряжений, указные книги «разных протопопий Киевской и соседних с ней епархий Черниговской и Переяславской», документы Киево-Братского училищного монастыря, рукописные сборники актов и документов, составленные В. Аскоченским и Д. К. Вишневским, а также «старый архив» Киевской академии, рукописи Церковно-археологического музея при Киевской академии и рукописные собрания библиотек Киево-Печерской лавры, Киево-Софийского собора, Киево-Михайловского монастыря и Киевской духовной семинарии. Изучив столь обширный круг архивных источников, Н. И. Петров не обнаружил ни списков студентов 1733—1734 гг., ни каких-либо других документов, в которых хотя бы называлось имя М. В. Ломоносова.

[1] Розыски производились нами в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде, а также в Центральном Государственном историческом архиве УССР. При розысках в фонде Синода и в других, хранящихся в Ленинграде, существенную помощь оказал нам один из лучших знатоков этих фондов Л. И. Полянская, которая пришла к заключению, что документы о поездке М. В. Ломоносова в Киев вряд ли сохранились в архивах.

[2] Центральный Государственный архив древних актов в Москве, ф. Московская синодальная контора, № 245, л. 13, № 337, лл. 1—10.

[3] Приступая к розыскам литературных материалов о Киеве и Киевской академии XVIII века, мы получили ценные советы от члена-корреспондента Академии наук УССР С. И. Маслова.

Ломоносова», открывающей первый том собрания его сочинений, которое было издано в 1784 году Академией наук.[1]

В более ранних биографиях М. В. Ломоносова совершенно отсутствуют хотя бы упоминания о его поездке в Киев.[2]

Здесь же, в биографии 1784 года, этому вопросу уделено относительно много внимания. Автор жизнеописания М. И. Веревкин после рассказа о пребывании М. В. Ломоносова в Заиконоспасском училище, т. е. в Московской Славяно-греко-латинской академии,[3] сообщил о его поездке в Киев следующее:

«Заиконоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам, прибегнул к архимандриту с усильною прозьбою, чтобы послал его на один год в Киев учиться философии, физики и математики; но в Киеве против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии: не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь больше в чтении древних летописцев и других книг, писанных на славенском, греческом и латинском языках».[4]

М. И. Веревкин, следовательно, считал основной причиной поездки М. В. Ломоносова то, что «Заиконоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам», и отмечал, что в Киеве М. В. Ломоносов изучал главным образом древние летописи и другие книги «на славенском, греческом и латинском языках».

Далее у М. И. Веревкина сказано, что скоро по возвращении М. В. Ломоносова в Спасское училище[5] сюда поступило требование из Петербурга о посылке в Академию наук «нескольких семинаристов, которые бы уже разумели по латыне, для учения физики и математики у тамошних профессоров». Биограф при этом замечает: «Ломоносов возрадовался давно желанному случаю и неотступно просил архимандрита, чтоб его туда послал».

---

[1] Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Часть первая. В СПб. иждивением Академии наук, 1784, стр. III—XVIII. — Д. С. Бабкин установил, что автором жизнеописания М. В. Ломоносова, опубликованного в 1784 году, является М. И. Веревкин, один из первых сотрудников Московского университета, член Российской Академии, писатель и переводчик (см. Д. С. Бабкин, Биографии М. В. Ломоносова, составленные его современниками. Сб. «Ломоносов», т. II, М.—Л., 1946, стр. 21.)

[2] В 1765 году А. П. Шувалов откликнулся на смерть великого русского ученого одой, предисловие к которой содержало некоторые сведения о жизни и деятельности М. В. Ломоносова. Произведение А. П. Шувалова было напечатано на французском языке (см. Д. С. Бабкин, ук. соч., стр. 7—10 и 48—50). Первая биография М. В. Ломоносова, напечатанная на русском языке, была написана знаменитым деятелем XVIII века Н. И. Новиковым (Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. Собрал Николай Новиков, СПб., 1772). Эта биография, с незначительными редакционными изменениями, была затем включена в собрание сочинений М. В. Ломоносова, изданное в 1778 году. У А. П. Шувалова и Н. И. Новикова нет указаний на поездку М. В. Ломоносова в Киев или какие-либо связи его с Украиной.

[3] М. И. Веревкин особо подчеркнул, с каким рвением работал М. В. Ломоносов в библиотеке Заиконоспасского монастыря: «...в свободные часы, вместо того, что другие семинаристы проводили их в резвости, рылся в монастырской библиотеке. Находимые во оной книги утвердили его в языке славенском. Там же сверх летописей, сочинений церковных отцев и других богословских книг, попалось в руки его малое число философических, физических и математических книг» (ук. соч., стр. VI—VII).

[4] Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова, СПб., т. I, 1784, стр. VII.

[5] К этому сделано примечание о неправильности, допущенной в биографии 1778 года. Согласно последней М. В. Ломоносов был направлен из Москвы в Академию наук в Петербурге в 1734 году. Но это опровергается распиской о получении им в Заиконоспасском училище жалованья за январскую треть 1735 года. Тем самым точно устанавливается, что М. В. Ломоносов мог быть в Киеве только до 1735 года. Всё же дата поездки в Киев М. И. Веревкиным не указана. Однако самый текст М. И. Веревкина

Кроме биографии М. И. Веревкина известны еще два источника XVIII века, упоминающие о поездке М. В. Ломоносова. Они были опубликованы только в XIX веке.

Первый из этих источников представляет собою конспект похвального слова М. В. Ломоносову, написанный, видимо, вскоре после его смерти Я. Я. Штелиным.[1] Здесь о поездке М. В. Ломоносова сказано кратко: «В 1733 году отправился в Киев, но не нашел там лекций физики и философии, которых добивался. Возвратился в Москву и с жаром предался науке».[2]

Второй из названных источников имеет название: «Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелиным».[3] Здесь в конце рассказа об учении М. В. Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии в Москве говорится: «Кроме латинского он выучился греческому языку, и горел желанием изучить физику и математику; но не имел к тому случая. Так как жажда его к познаниям не могла быть вполне удовлетворена в семинарии, то он просил начальников отослать его на год в Киев для изучения философии, физики и математики. Там он нашел одни сухие бредни вместо философии, но совершенно никаких материалов для физики и математики. А потому не остался и года в этой Академии, где за недостатком других книг, прилежно перечитывал он летописи и творения св. отцев».[4]

Итак, о поездке М. В. Ломоносова знали и о ней писали еще его современники. В дальнейшем сообщения о пребывании М. В. Ломоносова на Украине неоднократно помещались в различных изданиях.[5]

Отмечая, что на развитие русской поэзии оказали существенное влияние люди, учившиеся в Киеве, Е. Болховитинов в 1845 году в своем биографическом очерке о М. В. Ломоносове писал о причине его поездки в Киев:

«Ломоносов чувствовал уже тогда красоту древних классических стихотворцев и ораторов и, сравнивая их с отечественными, находил все недостатки в последних. Он думал найти больше руководства в Киевской академии и отправился туда в 1734 году. Но, приехав, нашел там больше польщизны и вскоре возвратился опять в Москву».[6]

Данный автор не только выдвинул новую точку зрения на причины поездки М. В. Ломоносова в Киев, но и попытался обосновать свое

не содержит каких-либо противоречий, не вызывает сомнений и не расходится со свидетельствами других авторов, писавших о поездке М. В. Ломоносова в Киев.

[1] См. А. Куник, Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII веке, ч. II, СПб., 1865, стр. 383—390. — Текст конспекта был напечатан до этого в «Москвитянине» в 1853 году.

[2] Там же, стр. 384. Замечание о том, что в Киеве не читались лекции по физике и философии, не соответствует действительности. Эти предметы преподавались, но их содержание было очень далеким от того, что нужно было М. В. Ломоносову. В том же конспекте в одном из примечаний имеется подсчет Я. Я. Штелина о времени пребывания М. В. Ломоносова в различных местах: «В Москве пробыл шесть лет. В шестой год был в Киеве. 23 лет (в 1734) прибыл в Петерб. Академию» (стр. 385). Здесь имеются ошибки (М. В. Ломоносов пробыл в Москве не шесть, а менее пяти лет), но суть для нас не в них, а в еще одном указании на поездку в Киев.

[3] Подлинник написан на немецком языке. Русский перевод был впервые опубликован в «Москвитянине» (1850, ч. I, отд. 3, стр. 1—14). См. А. Куник, ук. соч., стр. 390—405.

[4] А. Куник, ук. соч., стр. 391—392.

[5] Вопрос о поездке М. В. Ломоносова в Киев привлек внимание писателя Ксенофонта Полевого (К. Полевой, Михаил Васильевич Ломоносов, М., 1836, стр. 86—121), сочинение которого было подвергнуто известному критическому разбору В. Г. Белинским.

[6] Митр. Евгений, Ломоносов Михайла Васильевич. Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России, т. II, М., 1845, стр. 15.

утверждение. В качестве доказательств он не ограничился рассуждениями о судьбах русской поэзии до М. В. Ломоносова и участии в ее развитии питомцев Киевской академии. Е. Болховитинов считал, что причины, побудившие М. В. Ломоносова побывать на Украине, начали действовать еще в те годы, когда он жил дома, до поездки в Москву, т. е. до 1730 года. Рассказав о том, как М. В. Ломоносов изучил грамматику М. Смотрицкого и арифметику Л. Магницкого, Е. Болховитинов далее пишет:

«После того попалась ему еще Псалтырь, переложенная в стихи Симеоном Полотским. Сей случай был для него роковою, так сказать, встречею. Воображение его столько поражено было симфониею рифм и единомерностью слогов, что искусство стихотворения представлялось ему сверхестественным даром. Он любопытствовал, кто и где находится этот Симеон Полотский и где он мог научиться сему очаровательному искусству. Ему сказали, что он умер уже в Москве, а искусству его не инде где научиться можно, как в Московской или Киевской академиях; ибо тогда еще не было в России других школ Русской словесности».[1]

Таковы, по мнению Е. Болховитинова, причины, побудившие М. В. Ломоносова отправиться на Украину.

1734 год, указанный этим биографом в качестве даты поездки М. В. Ломоносова в Киев, был принят еще одним автором, выступившим в печати незадолго до Болховитинова. Питомец Киевской академии М. Булгаков составил ее историю, в которой писал:

«Известно, между прочим, что сюда, как в более цветущее училище, прислан был около 1734 г. и Ломоносов, после того, как в Московской академии он успел уже превзойти всех своих товарищей».[2]

Упоминания о поездке М. В. Ломоносова в Киев встречались в те годы у ряда авторов. В 1849 году в Одессе вышло сочинение о русской словесности Н. Мизко. Рассказав о трудностях, которые преодолевал М. В. Ломоносов в Заиконоспасских школах, этот автор писал о нем: «Не взирая, однако ж, на все это, он учится прилежно и своими успехами изумляет своих наставников и заставляет уважать себя своих товарищей. Но смутное предчувствие говорит ему, что это не то, к чему рвалась душа его: ему удалось побывать в Киеве; но свежая голова его не помирилась с схоластическими умствованиями, встреченными им там».[3]

В 1850 году Н. Закревский в своей «Летописи города Киева», называя имена «великого числа знаменитых мужей, духовных и светских», воспитывавшихся в Киевской академии, кратко упомянул: «Михаил Васильевич Ломоносов, ск. 1765 г.».[4]

Упоминания о поездке М. В. Ломоносова в Киев имеются и во многих последующих изданиях, в том числе в «Истории Московской Славяно-греко-латинской академии» С. Смирнова, напечатанной в 1855 году. В разделе о выдающихся питомцах Академии, рассказывая о М. В. Ломоносове, этот автор писал: «Неизвестно, почему Ломоносов решил перейти в Киев для слушания лекций философских; могло быть, что ему много наговорили о процветании философии в Киевской Академии. Он отправился туда, но

---

[1] Митр. Евгений, Ломоносов Михайла Васильевич. Словарь русских светски[х] писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России, т. II, М., 1845, стр. 13—14.

[2] История Киевской академии. Соч. воспитанника ее иеромонаха Макария Булгакова, СПб., 1843, стр. 169.

[3] Столетие русской словесности с 1739 по 1839 год. Соч. Николая Мизко. Одесса, 1849, стр. 25—26.

[4] Летопись и описание города Киева. Сост. Николай Закревский, ч. I, Летопись, Киев [1850], стр. 50.

в 1735 году воротился назад, не нашед в лекциях Иеронима Миткевича никаких особенностей».[1]

Наиболее обстоятельное сообщение о поездке М. В. Ломоносова на Украину опубликовано В. Аскоченским в 1856 году. Оно существенно отличается от всех предшествующих, как это видно из текста, приводимого нами полностью:

«В 1733 году в обители Братской появился знаменитый пришлец, которому суждено было потом сделаться преобразователем русского слова. К ректору Академии Амвросию Дубневичу препровожден был, при отношении киевского генерал-губернатора Леонтьева, Михайло Ломоносов, которому высочайше повелено было здесь продолжать науки, начатые им в Московском Заиконоспасском училище. В короткое время этот человек, полный гениального ума, успел присмотреться к порядку, существовавшему в киевских школах: но повинуясь высшему призванию, оставил училище, мало соответствовавшее его планам и надеждам. Не диспуты испугали его, как уверяют некоторые, не схоластическая ученость, обыкновенно ставимая в упрек Академии, а отсутствие того, к чему стремилась творческая душа великого человека. Ломоносов имел в виду изучить собственно русский говор: но в Киеве он не мог его услышать, ибо народ говорил наречием малороссийским с примесью польского, а в академических аудиториях слышался малопонятный ему язык латинский. Ломоносову хотелось изучать естественные науки — физику, химию, минералогию, а их тогда не было в Академии, точно также как не было во всей России. Впрочем нельзя положительно говорить, чтоб пребывание его в Академии Киевской осталось решительно без всякой пользы. Как ни несовершен был склад речи тогдашних ораторов юга; но все же они были первыми витиями и проповедниками в России, все же из Киева призывала их Москва и Петербург, а не обратно. Следовательно, Ломоносову, как будущему преобразователю Русского слога, было кого послушать, было чему поучиться. Здесь он глубже и ближе мог вникнуть в красоты того языка, из которого почерпали силу и богатство св. Дмитрий Ростовский, Яворский, Прокопович, Конисский и подобные им. Самый латинизм, господствовавший в училище, был полезен Ломоносову, ибо он тверже познакомил его с тем наречием, которому он учился в славяно-греко-латинской школе, которым говорила тогда вся ученая Европа и который должен был в последствии послужить ему в далеком странствовании по чужим землям. При всем том, конечно, Киевская Академия не могла показаться ему верхом совершенства, точно также как не удовольствовала его Академия Наук, в сознании своей немощи отправившая своего гениального питомца за границу».[2]

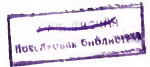
В сообщении В. Аскоченского прежде всего привлекает внимание указанная им дата приезда М. В. Ломоносова в Киев — 1733 год. Кроме того, у В. Аскоченского впервые называются официальные лица, к которым М. В. Ломоносову пришлось являться по приезде в Киев: ректор Киевской академии и киевский генерал-губернатор.[3]

---

[1] История Московской Славяно-греко-латинской академии. Соч. Сергея Смирнова, М., 1855, стр. 251.

[2] В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856, ч. II, стр. 85—86 (см. также стр. 508).

[3] Ректором Киевской академии в то время был действительно Амвросий Дубневич. Указание же В. Аскоченского на то, что киевским генерал-губернатором являлся тогда Леонтьев, ошибочно, так как последний занял эту должность лишь в 1738 году. (Н. Закревский, Летопись и описание города Киева, 1850, стр. 245.) Некоторые авторы предполагают, что В. Аскоченский писал на основании каких-то неизвестных нам документов. (Д. С. Бабкин, Биографии М. В. Ломоносова, составленные его современниками, сб. «Ломоносов», М.—Л., 1946, стр. 64.)



Что же касается причины, побудившей М. В. Ломоносова приехать в Киев, то она определена В. Аскоченским крайне неудачно: утверждение, будто «Ломоносов имел в виду изучить собственно русский говор» и именно для этого отправился из Москвы в Киев, конечно, не выдерживает никакой критики и опровергается к тому же последующими замечаниями самого В. Аскоченского. Он указывает, что М. В. Ломоносова должно было интересовать естествознание — физика, химия, минералогия, «а их тогда не было в Академии» (Киевской). Вместе с тем В. Аскоченский отметил, что для М. В. Ломоносова, как «будущего преобразователя Русского слога», могло быть полезным знакомство с киевскими «витиями и проповедниками», из рядов которых вышли такие выдающиеся духовные ораторы и писатели, как Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Георгий Конисский и другие. Справедливо замечание В. Аскоченского и о том, что М. В. Ломоносов мог в Киевской академии углубить свои знания в латинском языке.

Сообщение В. Аскоченского представляет собой последнее из известных нам упоминаний о киевской поездке М. В. Ломоносова, в котором содержались некоторые новые данные, по сравнению с предшествующими источниками. Последующие авторы, освещавшие биографию М. В. Ломоносова, повторяли лишь уже известное.[1]

В 1911 году Б. Н. Меншуткин, написавший лучшую из созданных в прошлом книг о М. В. Ломоносове, писал в ней: «В конце 1734 года Ломоносов, перешедший в класс философии, после усиленных просьб у архимандрита, был послан на один год в Киевскую духовную академию, славившуюся тогда своими учеными силами: он надеялся поучиться там математике и физике, но не нашел в Киеве желаемого и вернулся в Москву в 1735 г. еще до истечения года».[2] Даже составители первого в Киеве издания, специально посвященного памяти М. В. Ломоносова, ограничились одним беглым упоминанием о его поездке, не посчитав необходимым использовать хотя бы то, что уже было написано по этому вопросу, столь интересному для киевлян.[3]

В условиях царской России не было, да и не могло быть сколько-нибудь серьезной попытки изучить вопрос о поездке М. В. Ломоносова в Киев, столь важный для истории русско-украинских связей. Больше того, к этому вопросу существовало явно пренебрежительное отношение, которое очень резко проявилось в период празднования 200-летия со дня рождения великого русского ученого.

В 1912 году, в связи с организацией выставки «Ломоносов и елизаветинское время», находившейся «под покровительством» Николая II, был напечатан каталог особого отдела, носивший название «Малороссия».[4] Ни

[1] Так поступил, например, П. П. Пекарский, поместивший в своем сочинении полностью отрывок из текста Штелина о поездке М. В. Ломоносова в Киев. П. Пекарский, История Академии наук в Петербурге, т. II, СПб., 1873, стр. 282—284. См. также П. Любимов, Жизнь и труды Ломоносова, ч. I, М., 1872, стр. 12—13.

Упоминание о поездке М. В. Ломоносова в Киев стало традиционным почти для всех авторов, занимавшихся его биографией. См. напр., Русская портретная галлерея. Собрание портретов замечательных русских людей, начиная с XVIII ст. с краткими их биографиями, СПб., 1887, лист «М. В. Ломоносов»; А. И. Львович-Кострица, М. В. Ломоносов. Его жизнь, научная, литературная и общественная деятельность, СПб., 1892, стр. 16—17 и т. д.

[2] Б. Н. Меншуткин, Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание, СПб., 1911, стр. 13.

[3] Памяти великого русского самородка М. В. Ломоносова. К 200-летию со дня его рождения. Киев, 1911, стр. 10.

[4] Состоящая под высочайшим е. и. в. государя императора покровительством выставка «Ломоносов и елизаветинское время». Отдел XVII. Малороссия. Санкт-петербург, 1912, стр. 1—77.

в историческом введении, написанном Д. И. Багалеем, ни в обзоре архивных материалов, составленном Е. М. Ивановым, не нашлось места для того, чтобы вспомнить о М. В. Ломоносове.

Зато здесь подробно описывались такие экспонаты как «антиминсы», освященные в XVIII веке врагами украинского народа епископами Шептицкими во Львове, кровать Кирилла Разумовского, портреты «святителей», «сени» (кивории) в церквах, тексты для прославления царей, писанные «яичными красками и золотом по голубому муару».

Много внимания в каталоге уделено тому, как во дворцах «бокалов по 10 венгерского выпили», как устраивал К. Г. Разумовский свадьбы для своих слуг «из малороссиян», как императрицу Елизавету «восторженно» встречали в Киеве «воспитанники духовной академии, одетые в костюмы греческих героев». Авторы каталога забыли только указать, что в Киев, именно в эту академию, приезжал М. В. Ломоносов. Во всем тексте не сказано ни одного слова и о работах великого русского ученого, относящихся к Украине.[1] Но этому не приходится удивляться, если на всем протяжении книги, описывающей большой отдел выставки «Ломоносов и елизаветинское время», ни в одной строчке не нашлось места для того, чтобы хотя бы один раз, в любой связи, назвать даже имя Михаила Васильевича Ломоносова.

3

Дела и жизнь М. В. Ломоносова получили должное освещение и справедливое всенародное признание только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Вооруженные марксистско-ленинской методологией, советские ученые смогли воссоздать во весь его исполинский рост величественный облик гениального русского ученого, оценить тот огромный вклад, который он внес в развитие культуры вообще, науки и техники, в особенности.

В советский период появилось так много работ, посвященных жизни М. В. Ломоносова и его творчеству в самых разнообразных областях знания, что возникла особая отрасль науки — ломоносоведение.

Успехи же советского ломоносоведения делают возможным и изучение вопроса о поездке М. В. Ломоносова в Киев, о которой упоминают все советские исследователи, разрабатывавшие его биографию.

В биографии М. В. Ломоносова, написанной Б. Н. Меншуткиным и несколько раз изданной в СССР, сведения о поездке М. В. Ломоносова в Киев даны в следующей редакции: «...по специальному ходатайству Ломоносова, архимандрит командировал его, после того, как он перешел в декабре 1734 г. в класс философии, в Киев, чтобы пробыть год для завершения образования в Киевской духовной академии, в то время считавшейся первым из русских высших учебных заведений. Однако и в Киеве Ломоносов не нашел чего-либо небогословского и, неудовлетворенный, возвратился еще до истечения года в Москву для окончания образования».[2]

---

[1] Документы об изучении М. В. Ломоносовым природных богатств Украины (бахмутской и торецкой, т. е. славянской, соли) были впервые опубликованы за 85 лет до организации выставки «Ломоносов и елизаветинское время»: Горный журнал, 1828, кн. 10, отд. VI, смесь, стр. 148—152. Затем текст рукописи М. В. Ломоносова перепечатывался биографами (см., напр., А. Куник, Сб. материалов для истории Академии наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865, стр. 278—280 и др.).

[2] Б. Н. Меншуткин, Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова, М.—Л., 1947, стр. 24—25. Приведенный текст небезынтересно сравнить с текстом, опубликованным в первом досоветском издании этой книги (стр. 13). Кстати, напомним, что в 1947 году С. И. Вавилов назвал книгу Б. Н. Меншуткина «непревзойденной» и говорил, что она стала «настольной для каждого культурного читателя».

Краткие сообщения о поездке М. В. Ломоносова в Киев приводятся и другими советскими авторами.[1] Несколько более подробно пишет об этом А. А. Морозов.[2] Признавая, что в Киевской академии М. В. Ломоносову трудно было «сыскать добрую науку», автор в целом характеризует поездку на Украину как плодотворную. Правда, эта оценка раскрывается лишь в том смысле, что всё увиденное М. В. Ломоносовым на Украине — «киевская старина, своеобразие народной жизни, Софийский собор и пещеры в Лавре, кобзари и лирники на улицах», а также украинский язык — должно было произвести на него сильное впечатление.

Некоторое внимание поездке М. В. Ломоносова в Киев уделил Д. С. Бабкин, занявшийся исследованием биографий великого русского ученого, написанных его современниками, и отметивший необходимость специального изучения вопроса об этой поездке.[3]

Сообщение о поездке М. В. Ломоносова в Киев заняло свое место также в созданной украинскими учеными «Истории Украинской ССР», где сказано: «Некоторое время Ломоносов был слушателем пользовавшейся тогда известностью Киевской Академии».[4]

Следует, наконец, особо отметить сказанное о киевской поездке М. В. Ломоносова в таком важнейшем труде советских историков, каким является многотомная «История Москвы». После рассказа о напряженной работе М. В. Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии и в московских библиотеках, здесь говорится: «Однако, жажда к знанию Ломоносова осталась неутоленной. Ломоносов отправляется в Киево-Могилянскую Академию, но возвращается оттуда также неудовлетворенный».[5]

Итак, в советской научной литературе уже получил общее признание факт пребывания М. В. Ломоносова на Украине. Вместе с тем научное наследство великого ученого выявлено настолько полно, что при современном состоянии наших знаний имеются все основания для перехода от беглых упоминаний к всестороннему изучению поездки М. В. Ломоносова в Киев. Необходимо при этом решить многие вопросы, связанные с его пребыванием на Украине, так как по существу, кроме самого факта поездки, всё остальное остается неясным.

До сих пор, например, не выяснен окончательно даже вопрос о времени поездки М. В. Ломоносова.

Одни исследователи, писавшие об этой поездке, начиная с М. В. Веревкина (1784 г.) и кончая авторами «Истории Москвы» (1953 г.), предпочитают вообще не называть ее дату. Другие указывают разные даты: 1733 год (Я. Я. Штелин, В. Аскоченский), 1734 год (Е. Болховитинов, М. Булгаков), после декабря 1734 года — 1735 год (Б. Н. Меншуткин), 1735 год (С. Смирнов).

Чрезвычайно противоречивы высказывания различных авторов о причинах, побудивших М. В. Ломоносова поехать в Киевскую академию: 1) изучение физики, философии и математики (М. Веревкин, Я. Я. Штелин);

---

[1] А. А. Елисеев, М. В. Ломоносов, М.—Л., 1941, стр. 20—21; Б. Г. Кузнецов, Ломоносов, Лобачевский, Менделеев. Очерки жизни и мировоззрения. М.—Л., 1945, стр. 16, а также многие другие авторы.

[2] А. Морозов, Михаил Васильевич Ломоносов. Л., 1952, стр. 178—179.

[3] Д. С. Бабкин, Биографии М. В. Ломоносова, составленные его современниками. Сб. «Ломоносов», т. II, М.—Л., 1946, стр. 18—19 и 64. В этой статье имеется неясность. Приводя на стр. 64 сообщение В. Аскоченского о поездке М. В. Ломоносова в Киев, Д. С. Бабкин продолжает: «как указывалось выше (стр. 32) поездка Ломоносова в Киев сомнительна». Однако на стр. 32 взят под сомнение не сам факт, а возможность встречи в Киеве между Ломоносовым и Ф. Прокоповичем.

[4] История Украинской ССР. т. I, Киев, 1953, стр. 399.

[5] История Москвы, т. II, М., 1953, стр. 534.

2) изучение поэтического и ораторского искусства (Е. Болховитинов); 3) изучение философии (С. Смирнов); 4) изучение «русского говора» и естествознания (В. Аскоченский) и т. д.

При наличии подобных противоречий есть одна сторона вопроса, которая не вызывает разногласий у авторов, упоминавших о поездке М. В. Ломоносова в Киев:[1] все они признают поездку безрезультатной.

При этом, хотя и высказываются различные мнения о причинах, якобы лишивших поездку серьезного значения, чаще всего дело сводится только к тому, что в Киевской академии господствовала схоластика, не было «чего-либо небогословского» и т. п.

Таким образом, при всей бесспорности факта поездки М. В. Ломоносова до настоящего времени остаются невыясненными ее дата, причины, побудившие ученого отправиться в Киев, цели, которые он при этом преследовал. И, что самое главное, нет ясности в вопросе о значении этой поездки для науки, для русско-украинских культурных связей. Авторы, писавшие о поездке, либо сводят ее значение к нулю, либо вовсе обходят этот вопрос.

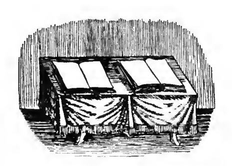
Разрешение поставленных вопросов осложняется тем, что не обнаружен, как указывалось, ни один документ, говорящий что-либо о киевской поездке М. В. Ломоносова. Во всем его обширнейшем наследстве нет также ни одного упоминания о пребывании в Киеве.

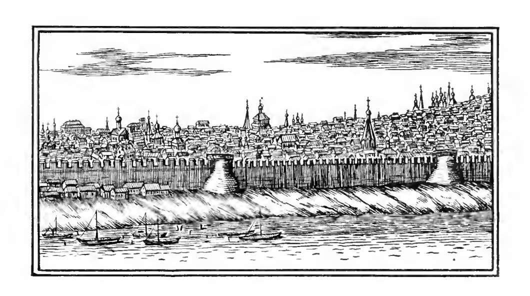
Однако с подобным положением в науке мириться больше нельзя. Исторические решения партии и правительства о 300-летии воссоединения Украины с Россией побуждают к новым тщательным изысканиям, которые бы дали возможность осветить одну из важнейших страниц биографии великого русского ученого, связанную с Украиной.

В условиях советской действительности проблема русско-украинских связей поднята на такую высоту, что теперь, раз мы знаем о поездке М. В. Ломоносова в Киев, необходимо непременно ответить на все неясные вопросы, связанные с этой поездкой. И главная задача при этом заключается не только в установлении даты и маршрута поездки, а и в раскрытии ее причин и последствий, в выяснении того значения, какое она имела в истории культурных связей русского и украинского народов.

---

[1] Исключением, как уже указывалось, является только мнение А. Морозова, сводившего плодотворность поездки лишь к тому впечатлению, которое, по его мнению, она должна была произвести на М. В. Ломоносова.





Глава вторая

ПРЕБЫВАНИЕ М. В. ЛОМОНОСОВА В МОСКВЕ И ПОЕЗДКА НА УКРАИНУ

1

Во время пребывания в Москве М. В. Ломоиосов очень много и напряжеиио работал. В иовейшем нсследованни по нстории столицы иашей Роднны об этом говорится следующее:

«В 1731—1735 гг. в Москве жил и будущий великий русскнй поэт и учеиый М. В. Ломоиосов. Пребываиие Ломоиосова в Славяио-греко-латинской академии было времеием его напряженных учебиых занятнй. Еще больше знаний приобрел Ломоиосов путем самообразования: заиимался в моиастырской бнблиотеке, в богатом киигохраиилище епнскопа Гавринла Бужииского, поступившем в распоряжеиие академии, пользовался библиотекой Киприяиова».[1]

Москва в те годы оставалась важнейшим промышленным, торговым и культурио-просветительиым цеитром страны.[2] Московские мастера славились «рукоделиями» высокого качества, которые вместе с тем отлнчались дешевизной. Не случайно Москву иазывали тогда «общим для миогих городов и уездов училищем мастерств и рукоделий».[3]

М. В. Ломоносов, с его исключительиой живостью ума н любознательиостью, очень хорошо изучил и зиал Москву. Это подтверждается иаличием в его произведеииях миогократных упомииаиий названий московских площадей, улиц и переулков. В его сочиненнях попадаются слова о том.

---

[1] История Москвы, т. II, 1953, стр. 534.
[2] Там же, стр. 233 и 476.
[3] Состояние столичного города Москвы, 1785 г., М., 1879, стр. 9.

что было на Покровке, «у Николы Подкопая», на Девичьем поле и в других московских местах.[1] Побывав в 1731—1735 гг. во всех концах Москвы, он встречался с работавшими здесь представителями многих ремесл, с мастеровыми и работными людьми.

Проявившийся у М. В. Ломоносова еще в юности глубокий интерес к промышленности[2] смог быть широко удовлетворен в Москве. В те годы здесь было 32 суконных, полотняных и шелковых, а также других мануфактур, на которых трудились тысячи мастеровых и работных людей. В сотнях ремесленных мастерских работали кузнецы и медники, слесари и оловянишники, столяры и каретники, ленточники и платочники позументщики и шляпники. Здесь будущий ученый мог ознакомиться с множеством передовых по тому времени технических достижений, с творчеством русских изобретателей, которых всегда выдвигал из своих рядов народ, по всей справедливости именуемый народом-творцом, народом-созидателем.[3]

М. В. Ломоносов постоянно мог встречать людей, приезжавших в Москву, как в центр развивающегося всероссийского рынка.

Москва была тогда основным центром путей сообщения всей страны. Сюда вели 14 магистральных дорог, соединявших Москву с самыми далекими частями России, с омывающими ее северными и южными, западными и восточными морями и океанами.

Крестьяне на улицах Москвы. — По рисунку XVIII века.

По Москве-реке привозили в те годы хлеб из Поволжья, соль с пермских варниц, железо и медь с далекого Урала.

Немало новых зданий возводили тогда в Москве русские плотники и каменщики, осуществляя проекты Мордвинова, Мичурина и других замечательных архитекторов. Усиленно застраивались районы за Москвой-рекой и у Новинского монастыря, выгоревшие после опустошительных пожаров 1730 года.[4] Именно в те годы сооружались санитарные устройства

---

[1] История Москвы, т. II, 1953, стр. 534.

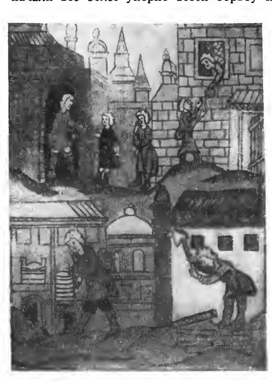
[2] На склоне лет своих он вспоминал о том, как еще в юности, работая на Белом море, изучал соляные промыслы. (П. С. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 5.)

[3] О творчестве в области техники в те годы в Москве см. Н. И. Фальковский, Москва в истории техники. М., 1950, стр. 74—500.

[4] История Москвы, т. II, 1953, стр. 334.

в Москве и было впервые приступлено к постоянному освещению московских улиц.[1]

Всюду, на каждом шагу мог наблюдать М. В. Ломоносов плоды трудовых усилий народа. Вместе с тем он видел, как жестоко порабощены и эксплуатируются народные массы в условиях феодально-крепостнического строя. Именно тогда, в 20—30-х гг. XVIII века, мастеровые и работные люди московских мануфактур, становившиеся новой социальной силой, начали всё более упорно вести борьбу против своих угнетателей.[2] Резко обострилась в 30-х годах XVIII века борьба рабочих Московского Большого суконного двора, которые всё чаще стали прибегать к таким формам протеста, как бегство, подача челобитных, «остановки», стихийные массовые отказы от работы.



Наемные работники в Москве. — По миниатюре XVIII века.

Приходилось М. В. Ломоносову видеть и тысячи бродивших по городу голодных крестьян, заполнивших Москву в неурожайные 1733—1734 гг.[3]

Наряду с картинами непосильного труда мастеровых и работных людей, нужды и нищеты крестьян, М. В. Ломоносов мог видеть в Москве и иное. В первый год его пребывания здесь царский двор и правительство находились еще в Москве.[4]

О пышных праздниках и торжествах, устраиваемых двором и вельможами в Кремле и иных местах, мог хорошо знать М. В. Ломоносов и его товарищи, учившиеся в Славяно-греко-латинской академии, которая находилась в Заиконоспасском монастыре, вблизи от кремлевских стен.

Великолепие дворцовых празднеств и кутежей знати, вести о которых постоянно проникали за монастырские стены, где учился М. В. Ломоносов, только еще резче подчеркивало всю тяжесть непосильного труда, лежавшего на плечах народа. Этот социальный контраст М. В. Ломоносов воспринимал тем острее, что сам он вел в Москве полуголодное существование. Условия крайней нужды укрепляли в нем сознание кровной связи, и по происхождению, и по положению, с беспощадно эксплуатируемыми массами трудового народа.

Посвятив всю свою жизнь служению народу, М. В. Ломоносов упорно

---

[1] Н. И. Фальковский, Москва в истории техники. М., 1950, стр. 505.

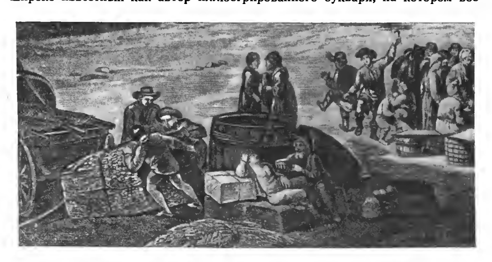
[2] История Москвы, т. II, М., 1953, стр. 360.

[3] В 1734 году положение в Москве, несмотря на массовую высылку крестьян, было столь напряженным, что власти держали в городе более 16 тысяч солдат.

[4] Императрица Анна Иоанновна приехала в Москву 15 февраля 1730 года, и лишь в январе 1732 года царский двор и часть сенаторов отправились в Петербург.

овладевал знаниями, работал всё более напряженно для того, чтобы освоить духовные богатства, накопленные народом и широко представленные тогда в Москве.

Славяно-греко-латинская академия, в которой с января 1731 года учился М. В. Ломоносов и назначением которой был выпуск попов, при всех ее недостатках выполняла известную положительную роль. Питомцем академии был знаменитый русский поэт-сатирик Антиох Кантемир.[1] В ней учились в XVII веке Л. Ф. Магницкий, автор знаменитой «Арифметики», которую так высоко ценил М. В. Ломоносов, поэт Карион Истомин, широко известный как автор иллюстрированного букваря, на котором вос-



Грузчики на Красной площади в Москве. — Деталь гравюры XVIII века.

питывались поколения. Учеником Московской академии был Ф. П. Поликарпов, ставший впоследствии справщиком типографии и директором Московского печатного двора в 1708—1730 гг.[2]

В Москве существовали первые русские недуховные школы, со времени создания которых она стала колыбелью отечественного светского образования.

В 30-х годах XVIII века в Москве функционировали навигацкая,[3] артиллерийская[4] и медицинская школы. Они страдали многими недостатками: нехватало учителей, не было порядка и в самом преподавании. Тем не менее все они, вместе с Славяно-греко-латинской академией, в которой учился М. В. Ломоносов, имели огромное значение для страны.

Москва была родиной отечественной научной и технической печатной литературы. Здесь были изданы «Грамматика» Смотрицкого и «Арифметика» Магницкого, изученные Ломоносовым еще в юности. Эти книги он впоследствии называл «вратами своей учености».

История отечественной научно-технической книги началась именно

[1] С. Смирнов, История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 249.

[2] Там же, стр. 77. Многие из позднейших воспитанников Московской академии стали выдающимися людьми: архитектор В. И. Баженов, профессора Московского университета С. Г. Зыбелин и Н. Н. Поповский, академик С. П. Крашенинников, профессор астрономии в Академии наук Н. И. Попов и другие.

[3] Московская математико-навигацкая школа — с 1701 года.

[4] Московская пушкарская школа — с 1699 года.

с издания в 1703 году «Арифметики» Л. Ф. Магницкого, представлявшей собой обширный свод математических, технических, астрономических и навигационных знаний.

Ко времени приезда М. В. Ломоносова в Москву дело по изданию научных и технических книг значительно разрослось.

В 1703 году в Москве начал выходить первый отечественный печатный периодический орган — газета «Ведомости», ставшая и зачинателем научно-технической периодики в нашей стране. В том же году в Москве

Красная площадь у Спасской башни московского Кремля. В левой части видна библиотека В. Киприанова. — По акварели 1800 года.

было положено начало изданию математико-технических справочников, вышли в свет «Таблицы логарифмов и синусов, тангенсов, секансов», напечатанные В. А. Киприяновым. В 1705 году он же опубликовал первый научно-технический плакат «Новый способ арифметики теорики или зрительныя». В 1708 году из московской типографии вышла «Геометриа славенски землемерие» — первая книга, напечатанная не церковно-славянским, а новым шрифтом, обычно называющимся гражданским, но по всей справедливости заслуживающим названия «народный шрифт». Он лежит в основе того, которым мы пользуемся теперь.

Так шаг за шагом в Москве совершались замечательные дела в области развития русского книгопечатания.

Приехав в Москву, М. В. Ломоносов мог воспользоваться плодами этого развития и изучать обширный круг отечественных печатных изданий от первых номеров «Ведомостей» до первой на русском языке книги по

истории науки и техники — «Осмь книг о изобретателех вещей», опубликованной в 1720 году.

Во время пребывания М. В. Ломоносова в Москве здесь были ценнейшие и обширные по тому времени библиотеки в Славяно-греко-латинской академии, в Чудовом, Симоновом и других монастырях.

На Красной площади, у Спасских ворот Кремля, находилось здание библиотеки, созданной при Петре I В. А. Киприяновым — первой публичной библиотеки в стране. Здесь же, у Спасских ворот, издавна продавали с рундуков книги и другие печатные издания. Всё это было в самой непосредственной близости от академии, в которой учился М. В. Ломоносов.

Печатный двор в Москве. — По рисунку первой половины XVIII века.

Все годы его пребывания в Москве прошли у стен Кремля. Стоило ему выйти за ворота Заиконоспасского монастыря, как он оказывался в самой гуще народной жизни. В Москве, как в оптическом фокусе, сходились и переплетались между собой различные стороны политического и экономического, технического и культурного развития страны. Всегда общавшийся с народными массами и сильный своей связью с народом, М. В. Ломоносов имел здесь возможность близко знакомиться с разнообразными проявлениями народной жизни.

Таким образом, Москва, как важнейший промышленный, торговый и культурный центр, главный узел путей сообщения страны, связанный со всей ее территорией, сыграла важнейшую роль в деле подготовки будущего великого ученого.

Москва была первым университетом для М. В. Ломоносова.

И он ответил в дальнейшем своему первому университету — древней русской столице — созданием старейшего и лучшего в стране высшего учебного заведения — ныне Московского Государственного университета, которому советский народ на вечные времена присвоил бессмертное имя великого ученого.

2

«В Московских Спасских школах записался 1731 года Генваря 15 числа. Жалованья в шести нижних школах по 3 копейки на день. А седмой 4 копейки на день», — писал впоследствии М. В. Ломоносов о времени пребывания в Славяно-греко-латинской академии.[1] Преодолевая большие трудности, он выстоял и не отошел от науки:

«Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие

---

[1] Автобиографическая записка 1754 года. См. А. Куник, Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII веке, ч. II, СПб., 1865, стр. 370.

от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодолениую силу имели». И далее: «...несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как за денежку хлеба и на денежку квасу, протчее на бумагу, обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет, и наук не оставил».[1]

Тяжелые испытания не сломили, а закалили М. В. Ломоносова. Он шел стремительно вперед, овладевая наукой. На протяжении первого года обучения в Славяно-греко-латинской академии он перешагнул через три класса, называвшиеся фарой, инфимой и грамматикой.[2] Так же быстро продвигался он и в дальнейшем.

Кроме неукротимой жажды знаний, свойственной М. В. Ломоносову, этому способствовали еще и особые причины. После грамматики шел класс синтаксимы, а вслед за ним Ломоносову предстояло быть в классах, особенно для него интересных: пиитики и риторики. Пиитика, т. е. теория поэзии, была, как известно, на протяжении всей жизни М. В. Ломоносова одним из любимейших его занятий. Что касается риторики, то она всегда была ему интересна и близка. Недаром впоследствии в 1748 году он создал и выпустил в свет свою знаменитую «Риторику», содержащую «общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии».

Уже в 1732 году М. В. Ломоносов, пройдя классы синтаксимы и пиитики, учился, видимо, в классе риторики.[3]

Академическая биография М. В. Ломоносова, изданная в 1784 году, сообщает, что он за второй год пребывания в Московской академии, т. е. в 1732 году, «столько стал силен в латинском языке, что мог уж на нем сочинять небольшие стихи».[4]

В том же году он приступил к изучению и греческого языка. Одновременно он изучал книги, хранившиеся в библиотеке академии, фонды которой начали создаваться еще в XVII веке.

О том, что́ издавна представляла собой эта библиотека, можно судить по описи, составленной еще в 1689 году; в ней значились 603 печатных и рукописных книги только на латинском, греческом и немецком языках.[5] В том же году о библиотеке Московской академии с удивлением писали во Франции, как об одном из самых замечательных книгохранилищ.

В 1731 году, когда М. В. Ломоносов был в Москве, в эту библиотеку поступило обширное собрание Гавриила Бужинского, состоявшее из многих редких книг.[6] Кроме того, слушатели академии могли пользоваться книгами синодальной и типографской библиотек. Последнюю создал В. А. Киприянов — основатель первой публичной библиотеки, куда, как уже указывалось, Ломоносов также мог иметь доступ.

---

[1] Письмо М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову, 10 мая 1753 года. См. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 204.

[2] «Ломоносов в один год прошел три класса. Ученики мало даровитые и ленивые сидели по нескольку лет в одном классе» (С. Смирнов, История Московской Славяно-греко-латинской академии, М., 1855, стр. 182). В Славяно-греко-латинской академии были следующие классы: фара, инфима, грамматика, синтаксима и пиитика (во всех по одному году обучения), риторика и философия (по два года), богословие (четыре года). Переход в высшие классы разрешался успевающим ученикам во время учебного года: через полгода или по окончании третей года. М. В. Ломоносов использовал последнюю из этих возможностей, проходя по три класса в один год.

[3] С. Смирнов, История Московской Славяно-греко-латинской академии. М. 1855, стр. 251. («В 1732 году Ломоносов поступил в риторику, которую читал тогда монах Порфирий Крайский».)

[4] [М. Веревкин], Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова. Соч., т. I. СПб., 1784, стр. VI.

[5] С. Смирнов, ук. соч., стр. 41—43.

[6] Там же, стр. 101.

Рассказывая о занятиях М. В. Ломоносова в библиотеке Заиконоспасского монастыря, автор академической биографии 1784 года сообщает:

«Находимые во оной книги утвердили его в языке славенском. Там же сверх летописей, сочинений церковных отцев и других богословских книг попалось в руки его малое число философических, физических и математических книг».[1]

Работая со свойственным ему напряжением и умением, М. В. Ломоносов быстро освоил то, что смог найти полезного среди доступных ему тогда книг.

Но «Заиконоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам...», — пишет М. Веревкин, считая именно это обстоятельство основной причиной поездки М. В. Ломоносова в Киев. Однако в действительности причины были более глубокими.

Класс риторики был последним из классов, где можно было получить конкретные знания. По его окончании предстояло учение еще в двух классах — философии и богословия.

Подойдя к классу риторики, М. В. Ломоносов очутился перед перспективой отдать затем несколько лет жизни изучению сначала философии, и притом философии в самом дурном смысле слова — схоластической, поповской, ничего общего не имеющей с подлинной наукой, а затем — богословия, омертвляющего и калечащего душу человека в еще большей степени, чем схоластическая философия.

С этим М. В. Ломоносов не мог примириться по самой своей природе, по характеру своего мышления, по поставленной им перед самим собой жизненной цели. Перед будущим ученым встал вопрос о целесообразности дальнейшего обучения в Славяно-греко-латинской академии.

Поиски выхода из этого критического положения привели М. В. Ломоносова к мысли покинуть Московскую академию и искать науку, которой он так жаждал, в других местах.

3

Желание М. В. Ломоносова отправиться именно в Киев было вполне закономерным. Киев являлся древнейшей столицей страны, здесь находилась знаменитая тогда Киевская академия. Историк Московской академии С. Смирнов неоднократно отмечает в своем труде, что Московская академия начала занимать более высокое положение, чем Киевская, только во второй половине XVIII века.[2] В те же годы, когда М. В. Ломоносов еще учился в Московской академии, она «находилась под исключительным влиянием киевских воспитанников».[3]

О роли украинских культурных элементов в развитии учебных заведений Москвы, борьба за которое началась еще в первой половине XVII века, в «Истории Москвы» говорится:

«Известную роль в просветительном движении, которое охватило русскую столицу, играли белоруссы и украинцы. Как только стало намечаться решающее значение Русского государства в судьбах всего славянства, в Москву потянулись из Украины и Белоруссии представители православного

[1] [М. Веревкин], Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова. Соч., т. I, СПб., 1784, стр. VI—VII.

[2] С. Смирнов, История Московской Славяно-греко-латинской академии, М., 1855, стр. 191.

[3] М. Булгаков, История Киевской академии, СПб., 1843, стр. 181.

духовенства, которому после Брестской церковной унии стало угрожать обращение в католичество. Воссоединение Киева и левобережной Украины с Русским государством создало еще более тесную культурную связь между русской столицей и центром украинской культуры. В глазах широких кругов украинского и белорусского народа Москва укрепила свое положение культурного центра всего славянства.

Основатель Киевского коллегиума Петр Могила в 1640 г. советовал царю Михаилу устроить в Москве школу, в которой старцы Киевского Братского монастыря учили бы детей боярских и простого народа греческой и латинской грамоте.

Инициатива в этом культурном сближении исходила не только от украинцев и белоруссов, стремившихся установить прочные культурные связи с русской столицей».[1]

В XVII веке русское правительство неоднократно приглашало киевских ученых.[2] В 1645—1649 гг. для преподавания в школе, существовавшей в Москве у Воробьевых гор, Ф. М. Ртищев вызвал из Киева большую группу ученых «для обучения русских свободным наукам».[3] В 1651 году в Москву была приглашена еще одна группа киевских ученых. Подобные вызовы делались неоднократно и в дальнейшем и после того, как в 1687 году было создано Славяно-греко-латинское училище, ставшее затем называться Академией и явившееся «первым опытом организации высшей школы в Москве».[4]

Все эти факты говорят об огромном значении русско-украинских культурных связей для развития высшего образования в нашей стране. Украинцы, как и белоруссы, приезжавшие в Москву, принимали самое деятельное участие в развитии разнообразнейших областей культуры. Они помогали обучению русской молодежи, писали оригинальные книги и переводили иностранные сочинения, работали на Печатном дворе «справщиками», то есть редакторами.

В некоторых случаях на долю украинских ученых выпадала особенно большая роль, как это и произошло в Московской академии.

Протекторами ее были питомцы Киевской академии: Стефан Яворский (с 1701 по 1722 год), Гавриил Бужинский (по 1731 год). Именно С. Яворский подсказал Петру то, что «лучшим образцом для устройства Академии Московской может быть Киевская».[5] С этого времени почти все преподаватели вызывались в Москву из Киева.

Киевляне «в преподавании следовали учебным руководствам киевским, и ввели в жизнь Академии (Московской. — *В. Д.*) порядки, исстари заведенные в Киеве, словом, сообщили ей свой дух, свое направление. Есть основание думать, что для ускорения образования киевские наставники

---

[1] История Москвы, т. I, М., 1952, стр. 607—608. Следует заметить, что история московских школ началась много раньше указанного предложения Петра Могилы. Задолго до этого в Москве уже существовала «общенародная школа, в которой под надзором грека Арсения, учат по-гречески и по латине». (С. Смирнов, История Московской Славяно-греко-латинской академии, М., 1855, стр. 5.)

[2] См. В. Н. Сторожев, К истории русского просвещения. Киевская старина, 1889, ноябрь, стр. 328—349.

[3] Среди них были: «Епифаний Славинецкий, муж ученый, превосходно знавший языки греческий и латинский, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий». (С. Смирнов, История Московской Славяно-греко-латинской академии, М., 1855, стр. 5.) В 50-х гг. XVII века в Москву был приглашен выдающийся белорусский ученый и поэт Симеон Полоцкий

[4] История Москвы, т. I, М., 1952, стр. 614.

[5] С. Смирнов, ук. соч., стр. 80. На основании этого совета С. Яворского Петр I указом от 7 июля 1701 года предписал о Московской академии: «завесть в Академии учения латинские».

привезли в собою в Москву даже подготовлеииых учеииков из Киева... Все уроки читались и сочинеиия были писаиы иа одном латииском языке; Академия утратила прежиее иазваиие школ греческих, и в бумагах официальиых большею частию имеиовалась латиискимн, славеио-латинскими школами». [1]

В результате подобиых реформ, проведеииых в духе, свойственном Петру I, с прнсущей ему крутостью, руководителями и преподавателями Московской академии стали иа долгий срок ученые моиахи, вызывавшиеся из Киева. [2]

Киевляиами были все ректоры, [3] возглавлявшие Московскую академию, а также их помощинкн — префекты. [4] В годы, когда в ней учился Ломоносов, все преподаватели академии являлись киевлянами. [5]

Первым учнтелем М. В. Ломоиосова в классах фары н ннфимы был Иваи (Иона) Лещииский из Киева. Оттуда же были учителя Ломоиосова в классах пиитики и риторики — Федор (Феофилакт) Кветницкий и Порфирий Крайский. Киевляиииом был и учеиый монах, обучавший в те годы философин, — Антоиий Кувечннский.

Итак, все учителя, иаставиики и проповедиики, префекты и ректоры в Московской академии былн в те годы нз Кнева. После того как благодаря решенню Петра I киевским ученым монахам открылся путь в Москву, они упорио боролись за свое моиопольиое положеиие. [6] Все оии, коиечно, виушали своим воспитаиииким, что зиаиия, получаемые последиими в Москве, принесеиы из Украииы. Это ие могло ие привлечь внимания Ломоиосова.

Всё же не влияиие киевских учеиых монахов, полиостью вытесиивших своих московских собратьев из Московской академии, имело решающее зиачеиие для поездки М. В. Ломоиосова в Киев.

Очеиь важной для иего была древияя слава Киева, как культуриого цеитра, н слава Киевской академии, история которой иачалась еще в XVI веке.

Созданное тогда для подготовки борцов против уиии, одииаково иеиавистной украиискому и русскому народам, киевское училище в дальиейшем неоднократио перестраивалось и переимеиовывалось: Киево-

---

[1] С. Смириов, История Московской Славяно-греко-латннской академии, М., 1855, стр. 81—82.

[2] В 1721 году ректор Славяно-греко-латннской академии Феофилакт писал в Синод: «в славено-латинских де Московских школах мало учителей, и ко учению философии весма никого нет; а слышно де, что в Киеве обретаются ко учению философии, риторики и пиитики способиые мужи иеромоиахи Герман Концевич, Героиим Копецкий, иеродиаконы Софрон Мигалевич и Иустнн Рудзиискиӣ». Синод приказал иаправить всех названных лиц в Московскую академию. (Акты и документы, отиосящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. I, со введеннем и примечаииямн Н. И. Петрова. Киев, 1904, стр. 39.) В 1723 году в Московскую академию из Киевской были вызваны ученые монахи Платон Малнновский и Парфеннй Янович, в 1724 году — Хмарный, Тыниовский и Илилевич, в 1727 году — Калиновский, Неронович и Шумский, а в 1728 году — Конашевич и Думницкнй, в 1732—1733 гг. префект Киевской академии Стефан Калиновский, Антоний Кувечннский и Дионисий Райковский (там же, стр. 40—46).

[3] Рафаил Краснопольский (1703—1704), Сильвестр Крайский (1704—1705), Феофнлакт Лопатинскнй (1706—1722), Гедеон Вишневский (1722—1727), Герман Концевич (1728—1731), Софроний Мегалевич (1731—1732), Стефаи Калиновский (1733—1736).

[4] Софроний Мегалевнч (1727—1730), Иннокентий Неронович (1731—1732), Стефан Калиновский (1732—1733), Антоний Кувечинский (1733—1736).

[5] См. С. Смирнов, ук. соч., стр. 212—213.

[6] Видимо, единственным исключением был в те годы москвич — учитель латинского и греческого языка Алексей Кириллович Барсов, но и он пробыл в академии только до 1731 года.

Братская школа в 1615—1631 гг., Киевская коллегия в 1631—1701 гг., а с 1701 года — Киевская академия.[1]

Большое влияние на М. В. Ломоносова при решенин им вопроса о поездке на Украину должен был оказать тот факт, что из стен Киевской академии выходили многие передовые деятели. Здесь обучался выдающийся государственный деятель и полководец Богдан Хмельницкий.[2]

В киевских школах в свое время работал автор книги, которую будущий великий ученый назвал «вратами своей учености» — Мелетий Смотрицкий.[3] Он издал в 1618 году свою знаменитую грамматику, переизданную в 1648 году в Москве, сыгравшую затем огромную роль для Ломоносова.

В Киевской коллегии учился выдающийся русский стихотворец и драматург Симеон Полоцкий,[4] труды которого были хорошо известны Ломоносову и очень важны для него, как будущего преобразователя русской поэзии.

В Киевской академии получил образование посланный сюда в 1700 году Петром I Конон Никитич Зотов.[5] Впоследствии он стал одним из выдающихся русских моряков, создал в 1724 году первую русскую книгу по технике кораблевождения «Разговор у адмирала с капитаном о команде».

В Московской академии хорошо знали о том, что воспитанники Киевской академии «идут на расхват»,[6] что киевских студентов посылают для углубления знаний в другие страны. Было общеизвестно, что в Киеве имеются обширные библиотеки и рукописные собрания, что здесь лучше всего поставлено преподавание теории поэзии, ораторского искусства и особенно латыни — международного языка ученых того времени.

Существенный интерес для М. В. Ломоносова мог представлять и такой факт, как попытка, предпринятая в начале XVIII века Феофаном Прокоповичем (бывшим тогда ректором Киевской академии), ввести преподавание математики, которой не обучали в Московской академии.[7]

Непосредственное влияние на решение М. В. Ломоносова поехать в Киев мог оказать и сам Феофан Прокопович, которого советские исследователи его творчества называют «источником многообразных знаний и политической мудрости».[8] Воспитанник Киевской академии, а затем ее руководитель, Ф. Прокопович стал в дальнейшем выдающимся политическим деятелем и замечательным представителем передовой русской литературы. Пропагандист культуры и ее организатор, активный участник работы по созданию Академии наук, Феофан Прокопович лично знал М. В. Ломоносова[9] и, как неоднократно отмечалось исследователями, оказывал ему

---

[1] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 1.

[2] В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856, стр. 67.

[3] Там же, стр. 68.

[4] См. Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, М.—Л., 1953, стр. 224.

[5] Д. Вишневский, ук. соч., стр. 3.

[6] Там же, стр. 299.

[7] Там же, стр. 289.

[8] Н. К. Гудзий, Феофан Прокопович. В кн. История русской литературы, т. III, М.—Л., 1941, стр. 175. См. также И. Чистович, Феофан Прокопович и его время. Сб. статей, читанных в отделении русского языка и словесности Академии наук, СПб., 1868. Изучение взаимоотношений М. В. Ломоносова с Феофаном Прокоповичем должно стать предметом специального исследования. Возможно, что при этом удастся осветить и вопрос о влиянии последнего на решение М. В. Ломоносова поехать на Украину.

[9] См. А. Р. [С. Е. Раич], Феофан Прокопович, ж. Соревнователь просвещения и благотворения, 1819, ч. 7, № VII, стр. 233; [М. Веревкин], Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова. Соч., т. I, СПб., 1784, стр. V—VI. Здесь указано, что Ф. Прокопович встретился с М. В. Ломоносовым в Киеве. Однако в годы пребывания

Богдан Хмельницкий. — Деталь мозаичной картины „Переяславская Рада“ на станции „Киевская-кольцевая“ Московского метрополитена.

существенную помощь, защищал от неприятностей, содействовал его переходу в Академию наук.[1]

Наконец, и в этом, быть может, самое главное, — все указанные обстоятельства могли бы оказаться недостаточными для поездки М. В. Ломоносова, если бы речь шла о любом другом городе.

Киев — мать русских городов — не мог не вызывать желания посетить его у великого русского патриота, впоследствии положившего много труда для освещения древнейшего периода истории родной страны, когда ее столица находилась на берегах Днепра.

4

Перейдем теперь к вопросу о времени поездки М. В. Ломоносова в Киев. Учтем при этом, что факты, относящиеся к раннему периоду его жизни, трудно поддаются точной датировке.[2]

Для лет, близких к возможному времени поездки М. В. Ломоносова на Украину, известно лишь очень немного точных дат. Они относятся к следующим фактам: 9 декабря 1730 года М. В. Ломоносов получил в Холмогорской воеводской канцелярии паспорт для поездки в Москву;[3] 15 января 1731 года он был зачислен учащимся Славяно-греко-латинской академии в Москве;[4] август — начало сентября (не позже 4 сентября) 1734 года — он делает попытку войти в состав Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова;[5] октябрь—ноябрь 1735 года — его отбирают для продолжения образования в Академии наук;[6] 23 декабря 1735 года Ломоносов выезжает из Москвы в Петербург.[7]

Как уже указывалось, авторы, упоминающие о поездке М. В. Ломоносова в Киев, называют три разных года в качестве возможной ее даты: 1733, 1734 и 1735 гг.

Кроме того, во всех случаях, когда речь идет об этой поездке, ее длительность определяется величиной порядка года: «пробыл там меньше

Ломоносова на Украине Ф. Прокоповича здесь уже не было. Изучение протоколов Синода за 1733—1734 гг. показало, что в них среди подписей лиц, присутствовавших на заседаниях Синода, систематически фигурирует подпись «архиепископа Новгородского и Великолуцкого Феофана». Самый большой перерыв между заседаниями членов Синода за указанные годы был 11 дней. Как правило, заседания происходили регулярно — ежедневно или с перерывом в 2—3 дня. На основании наличия подписей Феофана Прокоповича можно сделать вывод, что в эти годы он не мог побывать на Украине. (Просмотр протоколов и подписей Ф. Прокоповича был произведен по нашей просьбе в фондах Синода сотрудниками Центрального Государственного исторического архива СССР в Ленинграде.)

[1] [М. Веревкин], Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова. Соч., т. I, СПб., 1784, стр. VIII.

[2] Точно не установлена даже дата его рождения. До последнего времени было принято считать, что М. В. Ломоносов родился 8 (19) ноября 1711 года. В 1950 году было указано, что «дата рождения Ломоносова приходится на август — 4 сентября 1711 г.». Затем в 1951 году появилось предложение считать, что «Ломоносов родился летом 1711 г. в июле». (А. И. Андреев, О дате рождения Ломоносова. Сб. «Ломоносов», т. III, М.—Л., 1951, стр. 364—369.)

[3] Запись в волостной куростровской книге (см. А. Морозов, Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765), Л., 1952, стр. 117).

[4] Автобиографическая записка М. В. Ломоносова начала 1754 года (А. Куник, Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII веке. СПб., 1865, стр. 370.).

[5] Центральный Государственный архив древних актов, ф. Московская синодальная контора, № 245, лл. 13—18.

[6] Там же, ф. Московская синодальная контора, № 337, лл. 1—7.

[7] Там же, № 337, л. 9—10 и др.

года», «не остался и года». Это показывает, что М. В. Ломоносов провел в Киеве не один-два месяца, а несколько меньше года.

В августе—сентябре 1734 года М. В. Ломоносов был в Москве, потому что именно к этому времени относится его попытка принять участие в Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова. За январь—апрель 1735 года

Украинские города Переяслав и Чернигов. — По лубочной картинке 40—50-х гг. XVIII века: „Описание славных и великих провинциальных градов всероссийской империи".

М. В. Ломоносов получал жалованье в Московской академии, о чем говорит наличие его расписки.[1] Между этими событиями прошло слишком мало времени (октябрь—декабрь) для поездки на Украину, продолжавшейся, как указывалось, около года. Следовательно, М. В. Ломоносов не мог по-

Украинские города Глухов и Батурин. — По лубочной картинке 40—50-х гг. XVIII века: „Описание славных и великих провинциальных градов всероссийской империи".

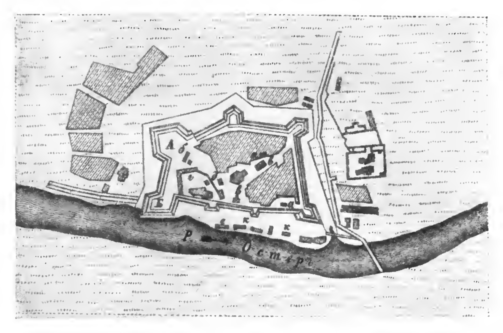
бывать в Киеве ни во второй половине 1734 года, ни в первой трети 1735 года.

Нет оснований считать возможной его поездку на Украину и в остальные месяцы 1735 года. На эти месяцы не указывает также ни один из исследователей.[2] Кроме того, известно, что в конце 1735 года М. В. Ломоносов

[1] [М. Веревкин], Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова. Соч., т. I, СПб., 1784, стр. VII.

[2] Существуют указания, что в 1735 году М. В. Ломоносов находился в классе философии Московской академии. (П. Пекарский, История Академии наук, т. II, СПб., 1873, стр. 287.)

отбыл в Академию наук в Петербурге, чему предшествовала длительная переписка и подготовка. Уже в октябре выполнением решения Сената об отправке учеников Московской академии в Петербург занимались духовные власти в Москве.[1] В ноябре состоялся отбор и было принято решение направить в Петербург М. В. Ломоносова и его товарищей.[2] Следовательно, на всем протяжении 1735 года возможность его поездки на Украину представляется исключенной. Эта поездка могла состояться только до августа 1734 года.



Город Нежин: *А*. Земляная крепость с бастионами, возведенная при Петре I. *к*. Провиантские магазины на берегу. *е*. Амбар для соли. — По чертежу первой половины XVIII века.

Необходимо также установить: не ранее какого времени поездка М. В. Ломоносова на Украину могла состояться. В 1731 году он учился в классах фары, нифимы и грамматики, в 1732 году — занимался в синтаксиме, пиитике и, возможно, риторике. До 1733 года он никак не мог побывать на Украине.

Таким образом, поездка М. В. Ломоносова могла иметь место не ранее 1733 года и не позже августа 1734 года. Наиболее вероятно, что М. В. Ломоносов отправился в Киев летом 1733 года.[3]

---

[1] Сохранился текст указа Синода (октябрь 1735 года), направленного в Московскую канцелярию Синодального правления об отборе учеников Славяно-греко-латинской академии в Петербург для обучения при Академии наук. (Центральный Государственный архив древних актов в Москве, ф. Московская синодальная контора, № 337, лл. 1—2.)

[2] Центральный Государственный архив древних актов в Москве, ф. Московская синодальная контора, № 337, лл. 6—7 и 9—10.

[3] Сомнительно, чтобы он мог уехать из Московской академии в середине учебного года. Кроме того, после пребывания в классе риторики (последнем из классов, дававших конкретные знания) необходимо было время, чтобы Ломоносов мог убедиться в бесплодности для себя занятий в классе философии.

Даниил Апостол (1654—1734), украинский гетман в 1727—1734 гг.

5

В те годы, когда М. В. Ломоносов совершил поездку на Украину, из Москвы в Киев можно было проехать по нескольким направлениям.[1]

В конце XVII и в начале XVIII вв. по данным «поверстной книги Ямского приказа» дорога из Москвы в Киев проходила через следующие

Город Чернигов: *А* — Старая крепость с оградой из деревянных стен с башнями. *Б.* Земляная крепость с бастионами, построенная при Петре I. *В.* Деревянная ограда с башнями, окружавшая город. *Г.* Старый земляной вал. *Д.* Проект новой крепости, обозначенный пунктиром. *Е.* Пригородные слободы. — По чертежу первой половины XVIII века.

пункты: Калуга, Лихвин, Белев, Болхов, Карачев, Севск, Глухов, Батурин, Нежин.

В XVIII веке действовали уже два направления: через Тулу и через Калугу. На Калужском направлении находились следующие пункты: дер. Тульская Пахра, Калуга, Лихвин, Белев, Карачев, Севск, дер. Толсто-

---

[1] При рассмотрении вопроса о возможном маршруте М. В. Ломоносова мы пользовались консультациями проф. А. С. Кудрявцева, как специалиста по истории дорожной сети.

дубова, Глухов, Батурин, Нежин, Козелец.[1] Если путь держали через Тулу,[2] то проезжали Серпухов, Тулу, Мценск, Севск, дер. Толстодубову, Глухов, Батурин, Нежин, Козелец. Общее протяжение дороги через Калугу составляло 852 версты, а через Тулу — 890 верст. Следуя по тульской дороге, можно было поехать через Орел, а затем на Кролевец или на Чернигов и далее в Киев.

Украинский крестьянин. — По рисунку XVIII века.

Украинская крестьянка. — По рисунку XVIII века.

Наиболее принятым был путь через Калугу. Об этом, в частности, говорит снабженное лубочными картинками пятидесяти городов «Описание славных и великих провинциальных градов всероссийской империи».[3] Здесь воспроизведены виды пяти украинских городов: Киева, Чернигова,

---

[1] В «Дорожном месяцослове» на 1787 год, изданном Академией наук, значатся на этом направлении почтовые станции в следующих пунктах: Москва, с. Пахра, д. Чернишня, Лыков враг, д. Добряхи, г. Калуга, гг. Лихвин, Белев, Болхов, с. Глотово, г. Карачев, с. Сомово, с. Чаянка, д. Любощь, г. Севск, д. Толстодубова, гг. Глухов, Кролевец, Батурин, Борзна, Нежин, д. Носовка, Козелец, Киев.

[2] На этом маршруте почтовые станции были в следующих пунктах: Москва, д. Тульская Пахра, с. Лопасня, г. Серпухов, Заводы, д. Вошань, г. Тула, с. Соловь, Сергиевск, д. М. Скуратово, д. Б. Скуратово, г. Мценск, с. Обтуха, д. Кнубы, сс. Чювардино, Дмитровка, д. Любощь, г. Севск и далее через те же станции, как и по Калужскому маршруту.

[3] Максимович, Лубочные изображения малороссийских городов. Киевлянин, книга III, М., 1850, стр. 186—189. (См. также И. М. Снегирев, Лубочные картинки русского народа, М., 1849.)

Переяслава, Глухова и Батурина. При описании каждого из них указано расстояние «от Москвы до Киева чрез Калугу»: [1]

«Богохранимый славный град Киев первопрестольная российская столица..., в растоя [нии] от Москвы и до Киева чрез Калугу 960 верст»;

«Град Чернигов такожде презрядный и великий при реке Десне, в растоянии от Москвы чрез Калугу 640 верст...»;

«Град Переяславль чрез Калугу в растоянии от Москвы 700 верст...»;

«Град Глухов такожде презрядный, в растоянии от Москвы чрез Калугу 560 верст»;

Крестьянская девушка. — По рисунку XVIII века.

Посполитый казак. — По рисунку XVIII века.

«Град Батурин во стране Черкаской в растоянии от Москвы чрез Калугу 660 верст».

В мемуарной литературе также имеются указания на то, что в годы поездки М. В. Ломоносова путь в Киев обычно держали через Калугу. В 1729 году в дневнике Я. Марковича записаны следующие остановки: Москва, Сухая Лопасня, Истомино, с. Недельное, Калуга, Лихвин, Белев, с. Дольцы, Болхов, р. Рыбница, с. Хатенки, Карачев, Кривая верста, Любовиста, Севск, с. Ясмань (совр. Есмань), Глухов. [2]

Таким образом, часть пути можно было проехать обычно по двум разным направлениям: либо Москва — Калуга — Лихвин — Белев — Болхов —

[1] Расстояния иногда даны с ошибками, например для Переяслава. Самые рисунки примитивны и, конечно, не воспроизводят истинный облик украинских городов.

[2] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича, М., 1859, ч. I, стр. 321—324. В XIX веке ездили по маршруту: Москва—Тула—Орел—Дмитровск—Кролевец—Батурин—Борзна—Козелец—Киев.

Севск, либо Москва — Тула — Мценск — Севск. У Севска оба направления соединялись и далее шли через одни и те же пункты: Глухов — Кролевец — Батурин — Борзна — Нежин — Козелец — Киев.

Мы не располагаем никакими материалами, позволяющими определить, через Калугу или Тулу ездил М. В. Ломоносов в Киев. Однако при любом варианте он должен был проехать общую часть дороги: от Севска до Киева.

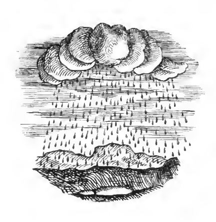
Следуя через Севск, в то время можно было увидеть остатки старинных укреплений и деревянный мост «исхода XVI столетия». В этом городе были фабрики, изготовляющие ярь-медянку и другие краски. В древнем Глухове находилась тогда резиденция украинского гетмана Даниила Апостола. Здесь можно было увидеть тутовые деревья и виноград. Кролевец славился цветным тканьем, а старинная резиденция гетманов Батурин — своими виноградниками, тутовыми деревьями для разведения шелковичных червей и «славной водяной мельницей» на реке Сейме. В Нежине происходили оживленные ярмарки, на которые приезжали русские, греческие, польские и иные купцы.

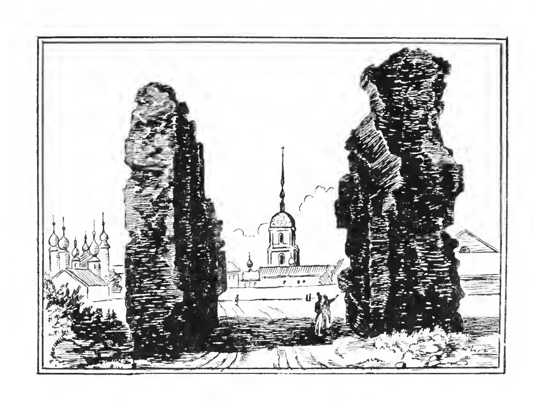
Все эти города являлись интересным объектом наблюдений для внимательного путешественника.

По пути встречались обозы с хлебом, донецкой и крымской солью. На торги и ярмарки везли «пушной российской товар», мед и воск, ткани, табак, «горячее вино» и иные товары.

Но больше всего у М. В. Ломоносова по дороге в Киев могло быть встреч с трудовым народом, с ремесленниками и крестьянами.

Поездка из Москвы на Украину значительно расширила кругозор будущего ученого, обогатила его новыми знаниями родной страны и тем самым способствовала плодотворности его последующих трудов на благо народа.





Глава третья

КИЕВ И КИЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА НА УКРАИНЕ

1

Воссоединение Украины с Россией положило начало новой эпохе в истории Киева. Правда, борьба за Киев с польскими панами продолжалась еще некоторое время. Но ее исход был полностью предрешен могучим волеизъявлением украинского народа на Переяславской Раде. Опираясь на братскую помощь русского народа, Украина навсегда возвратила себе свою столицу.

Еще в 1654 году эта помощь позволила отстоять Киев от вражеских покушений. В городе постоянно находились для его обороны русские войска.[1] Первый же киевский воевода Ф. С. Куракин немедленно приступил к исправлению старых и постройке новых укреплений.[2] В дальнейшем

[1] С 1654 года в Киеве находились московские воеводы с пятитысячным войском. (В Щербина, Киевские воеводы, губернаторы и генерал-губернаторы от 1654 по 1775 г. Чтения в историческом обществе Нестора летописца, 1892, кн. VI, стр. 127.)

[2] Н. Закревский, Летопись и описание города Киева, ч. I, Летопись, Киев, 1850, стр. 33.

киевские укрепления иепрерывно совершеиствовались, и мощь артиллерии иа иих усиливалась.

Город рос и украшался. На исходе XVII века в нем возобновилось строительство камеииых зданий. Особенно выделялось сооруженное на Подоле здание магистрата, украшениое скульптурой и часами, о которых в одиом из докумеитов говорилось: «дзекгар чудесный, где архангел Михаил копием во время пробитя часов змея во уста бил столко часов ударяло».[1]

Миого потрудились для украшеиия города московские мастера, соорудившие в начале XVIII века лучшие из построеииых в то время камеиных здаиий.[2]

Чтобы обеспечить сообщение между Подолом и Печерском, в 1711 году была проложеиа дорога со спуском у того места, где теперь стоит памятник Владимиру.

В 1701 году одии из московских путешественников записал о Киеве: «В российском государстве такого града вряд сыскать.[3] Верхний град — вал земляиой вельми крепок и высок; а по градской стране все караулы стоят крепкие... зело опасно блюдут сей град, да и надо бы блюсти: прямой замок Московскому государству».[4]

Когда М. В. Ломоносов приехал в Киев, здесь шли работы по возведению новых укреплений, в связи с угрозой войны с Турцией.[5] Строились цейхгаузы и лазареты, пороховые погреба, инженериый и артиллерийский деловые дома.[6] В городе в то время было около двух тысяч дворов.

После воссоедииения Украины с Россией быстро возросла торговля Киева. Решающее зиачение для этого имело включеиие Киева в единый всероссийский рынок. Окрепли и развились его торговые связи с Москвой и другими русскими городами. Через Киев шла торговля украинцев и русских с рядом зарубежиых стран. Всё бо́льшие количества товаров направлялись из Киева в Польшу, Валахию и Молдавию, Австрию и Венгрию и в другие государства.[7]

Связи с Россией были облегчены тем, что в 1725 году в Киеве был создаи почтовый двор.

Проходя по улицам и площадям Киева, М. В. Ломоносов мог наблюдать веселый и приветливый народ, слышать певучую украинскую речь. Об украиицах в том веке писали:

«Сей народ веселого нрава, любит музыку и прочие веселости... Из иих весьма миого музыкантов хороших бывает... Они все певцы хорошие и весьма склоииы к разиым иаукам, даже что миогие и до высоких школ доходят... Со всем тем трудолюбивы, домостроители и хорошие хозяева».[8]

Виимание человека, впервые попавшего в Киев, привлекало живописное своеобразие украиской одежды казаков, мещаи и крестьян, постояиио

---

[1] В. С. Иконников, Киев в 1654—1855 гг. Киев, 1904, стр. 13. Эти часы погибли во время пожара 1717 года.

[2] Киевская старина, 1884, № 10, стр. 232.

[3] О сравнении с Москвой у автора, конечно, ие было речи.

[4] В. С. Иконников, ук. соч., стр. 14.

[5] Ранее, из-за угрозы нападения на Киев шведских интервентов, иа Печерске была построена новая крепость по плану Петра I, лично приiнявшего участие в ее закладке 15 августа 1706 года.

[6] В. С. Иконников, ук. соч., стр. 23.

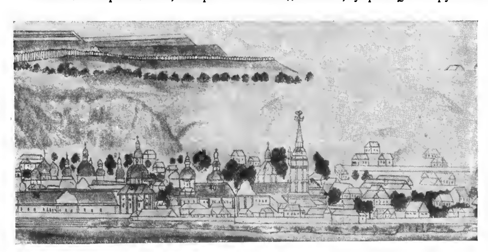
[7] Там же, стр. 21—22.

[8] Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще. Собрано чрез труды Александра Ригельмаиа, 1785—1786 гг., ч. III, М., 1847, стр. 87.

заполнявших улицы города.[1] Часто можно было увидеть кобзарей и лирников, в чьих песнях народ отражал всю свою историю, свои заветные думы. Немало из этих песен было сложено в честь Богдана Хмельницкого и Переяславской Рады, положившей начало новой эпохе в жизни украинского народа.

О том, как отразилось воссоединение Украины с Россией на жизни народа, можно судить по словам, написанным об украинцах в период, близкий ко времени поездки М. В. Ломоносова в Киев: «...наибольшая часть умирает от старости, а в прежние времена более от неприятеля».[2]

Великие перспективы, открытые воссоединением, украинцы и русские



Подол в Киеве. *36.* Бурса. *38.* Богоявленская церковь Братского монастыря. *40.* Киевская академия. — Деталь рисунка XVIII века „Фасад Нижнего города Киево-Подола" (левая часть).

всё шире превращали из возможности в действительность в той мере, конечно, в какой это позволял феодальный строй. А при этом строе всегда и везде было много мрачного и тяжелого

И в Киеве было видно много темных сторон тогдашней жизни, определяемых самой природой феодального уклада. Нужда, горе и страдания встречались на каждом шагу. Множество нищих просило подаяния. В поисках пропитания по улицам бродили и голодные питомцы Киевской академии.

М. В. Ломоносову, как и каждому, кто приезжал тогда в Киев впервые, не мог не броситься в глаза своеобразный состав населения. Об этом можно составить некоторое представление по более поздним данным (за 1742 год), основанным на записях в листах о присягавших и не присягавших:[3]

Гражданских и духовных сановников	11
Лиц духовного ведомства	3812
Служащих в гражданских и военных учреждениях	351

[1] Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. Собрано чрез труды Александра Ригельмана. 1785—1786 гг., ч. III, М., 1847, стр. 86—87.
[2] См. там же, стр. 86.
[3] Киевская старина, 1888, № 24, стр. 1—10.

Мещан на Подоле [1]	2575
Казаков в пяти сотиях	450
Купцов и ремесленников в предместьях	29
Тоже в верхнем городе	70
Русских купцов	129

В конечном счете из общего количества взрослого мужского населения [2] почти половину составляли церковники. Среди них было 815 монахов в 9 монастырях. На улицах Киева рясу и черный клобук можно было встретить чаще, чем что-либо другое.

Подол в Киеве. *48.* Каменный гостиный двор. — Деталь рисунка XVIII века. „Фасад Нижнего города Киево-Подола" (правая часть).

Не мог М. В. Ломоносов не заинтересоваться и достопримечательными местами древнего города. Обязанный явиться по приезде к начальствующим лицам, [3] он побывал и в Печерске, где находилась канцелярия губернатора, и в архиепископском дворе у Софийского собора, и на Подоле, где помещалась Киевская академия при Братском монастыре.

В Киеве М. В. Ломоносов должен был увидеть много памятников глубокой старины. [4] В Софийском и Михайловском златоверхих соборах красовались мозаики, созданные с величайшим искусством древними русскими мастерами. Остатки Золотых ворот говорили о былом величии древней столицы Русской земли. [5] Эти руины напоминали о подвигах русских

---

[1] Ремесленники, работавшие тогда на Подоле, распределялись по цехам следующим образом: сапожники — 485, портные — 362, шорники — 310, рыбаки — 234, кузнецы — 180, бондари — 148, мясники — 140, гончары — 78, ткачи — 76, маляры — 69, музыканты — 35.

[2] Вместе с женщинами и детьми, а также не привлекавшимися к присяге пашенными крестьянами общее количество населения составляло около 20 000 человек. (В. С. Иконников. Киев в 1654—1855 гг. Киев, 1904, стр. 24.)

[3] В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. II, Киев, 1856, стр. 85.

[4] См. И. Фундуклей, Обозрение Киева в отношении его к древностям. М., 1868 и др.

[5] Золотые ворота оставались открытыми до 1750 года, «когда были засыпаны для сохранения и вида древности», а затем вновь открыты в 1832 году. (В. С. Иконников, ук. соч., стр. 22—23.)

защитников Киева, стоявших на́ смерть в борьбе с превосходящими силами орд Батыя.

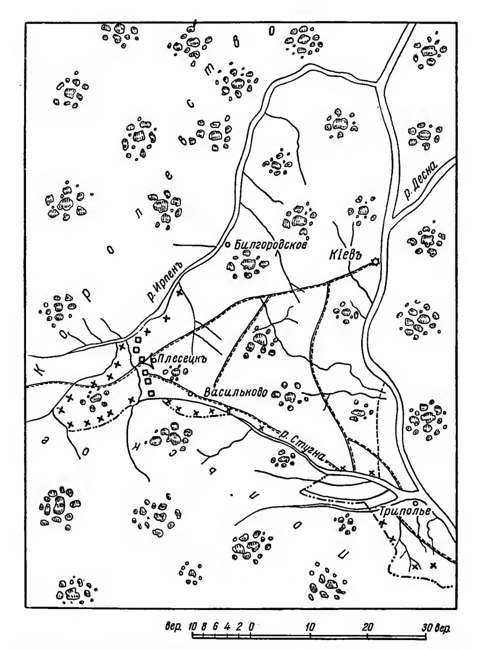
Немало было и следов варварских разрушений, причиненных городу польскими панами за время их хозяйничания здесь. Когда в 1651 году Хмельницкий со своими войсками подходил к Киеву, чтобы освободить его, польские воеводы совершили величайшее злодеяние. Город был разорен и подожжен.[1] За несколько дней сотни лучших домов превратились в груды пепла. Были разрушены древние храмы, уцелевшие еще со времен

Киевская крепость: *А*. Крепость, в которой находились: *1*. Киево-Печерская лавра. *2*. Артиллерийский двор. *3*. Казармы. *4*. Дворы штабных офицеров. *5*. Пороховые погреба. *6*. Губернаторский двор. *7*. Губернская канцелярия. *8*. Провиантские амбары. *9*. Монастырские сады. *10*. Селитреный завод. *11*. Слободы за крепостной оградой. — По чертежу первой половины XVIII века.

великого князя Владимира: соборы Василия и Власия. Сгорел собор Богородицы. Жертвой огня стали ратуша и дом гостиной, хлебни и важня (помещение, в котором находились городские весы), пивоварни и лавки. Остатки этих пепелищ были видны еще и в те годы, когда в Киеве побывал М. В. Ломоносов. Они говорили о временах владычества польской шляхты, которому навсегда положила конец Переяславская Рада, единодушно принявшая решение о воссоединении Украины с Россией, «чтоб есми во веки вси едино были».[2]

Благотворные последствия воссоединения украинского и русского народов сказывались на многих сторонах городского быта в дни пребывания Ломоносова в Киеве. Они были заметны на каждом шагу — в сверкающих

[1] Н. Закревский, Летопись и описание г. Киева, ч. I, Киев, 1850, стр. 33.
[2] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы, т. III, 1953, стр. 461.

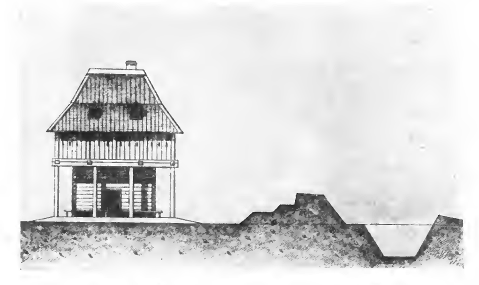


Западная граница у Киева, проходившая по рр. Ирпени и Стугне. Между последними была укрепленная линия, прикрывавшая границу: засека и редуты. — По чертежу первой половины XVIII века.

своей белизной жилых домах и в новых общественных зданиях, всё более украшавших город.

Но ярче, сильнее всего эти последствия проявлялись в самом облике жителей города, навеки освобожденных от иноземного ига.

В Киеве работали тысячи кузнецов, ткачей, бондарей, гончаров и других ремесленников. Их труд в условиях феодального строя продолжал оставаться чрезвычайно тяжелым, но они были освобождены от издевательств и гнета со стороны чужеземных захватчиков. Народ мог трудиться, не боясь того, что город снова будет предан огню и мечу.



Редут на укрепленной линии Ирпень—Стугна, прикрывавшей западную границу у Киева. — По чертежу первой половины XVIII века.

В Киеве, как и по всей Украине, были видны результаты воссоединения, сыгравшего огромную роль для развития экономики и культуры Украины, способствовавшего росту производительных сил и культурному взаимообогащению двух братских народов.

Самый приезд М. В. Ломоносова в Киев стал возможным только благодаря воссоединению Украины с Россией и, в свою очередь, был одним из замечательных проявлений их крепнущих взаимных связей.

2

Академия при Киево-Братском монастыре, куда для занятий приехал М. В. Ломоносов, находилась на Подоле.

История киевских школ началась еще во времена древней Руси. В дальнейшем, когда монголо-татарские и другие завоеватели залили кровью Украину, наступили тяжелые времена для развития просвещения. Оно совершенно захирело бы и заглохло, если бы борьбу за создание школ не повел сам народ, о котором издавна говорили, что он «весьма склонен к разным наукам». [1]

[1] Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще.., ч. III, М., 1847, стр. 87.

Особенно тяжелым стало положение на исходе XVI века, когда Ватикан добился унии, преследовавшей цель — навсегда оторвать украинский народ от русского.

Украинский народ вел напряженную борьбу за сохранение и развитие своей культуры. Большую помощь ему в этой борьбе оказывали русские люди, такие, например, как первопечатник Иван Федоров.

В рядах передовых борцов стояли тогда жители Киева — члены братства, так называемые братчики. В конце XVI века они создали школы для

Украинские горожане: мещанин; мещанская девушка. — По рисунку XVIII века.

подготовки образованных людей, способных противостоять губительной унии и отстаивать национальную культуру. На основе этих школ в 1615 году возникло Киево-Братское училище. В 1631 году оно настолько окрепло, что его удалось преобразовать в школу высшего типа — Киевскую коллегию. [1]

Как писал в своей грамоте 15 июня 1631 года Петр Могила, новые школы были необходимы «для того, чтобы юношество наставляемо было во всяком благочестии, благих нравах и свободных науках». [2]

Грамоты Петра Могилы доказывают, что киевские школы создавались по воле и почину народа.

«Объявляем сею нашею добровольною грамматою, нашею записью, современникам и потомкам... охотно послушливые сыны дворянского и

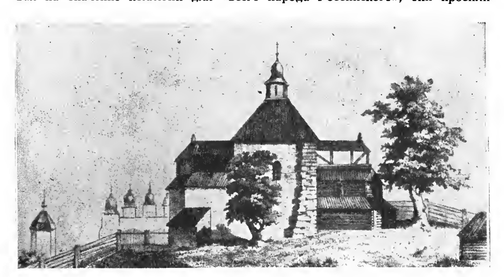
[1] См. Грамоты 15 и 16 июня 1631 года (Описание Киево-Печерской лавры, Киев, 1831, Приложения, стр. 179—181, 182—184, 189—191 и др.)

[2] См. Грамота 15 июня 1631 года. (Описание Киево-Печерской лавры, Киев, 1831, Приложения, стр. 179—181.)

мещанского звания и весь православный народ Российский желали и просили» — так писал Петр Могила в грамоте 18 ноября 1631 года о создании высшей школы, в которой преподавались бы «свободные науки на Греческом, Славенском и Латинском языках». [1]

Народ, создавший по своей инициативе Киевскую коллегию, продолжал и в дальнейшем отстаивать ее права на существование. Но в середине XVII века Киевская школа оказалась в исключительно тяжелом положении. Отсутствие средств и пожары, а прежде всего действия интервентов привели Киевскую коллегию, как говорит документ, «к последнему оскудению». [2] Встал вопрос о ее закрытии.

Киевляне обратились за помощью к русскому правительству. Указывая на значение коллегии для «всего народа Российского», они просили



Церковь, сооруженная в первой половине XVII века из остатков древней Десятинной церкви в Киеве. — По рисунку первой половины XIX века.

поддержать ее существование, чтобы «не угасла искра» и «семя сей науки не было искоренено».

Из Москвы затребовали от киевского воеводы Шереметева его мнение о дальнейшей судьбе школы. Он ответил: «В Киеве школа заведена до приезду моего... и перевесть (упразднить. — *В. Д.*) тое старую школу никоторыми меры нелзе, потому что киевским жителям будет то в великое оскорбление». [3]

Русское правительство поддержало существование Киевской коллегии.

---

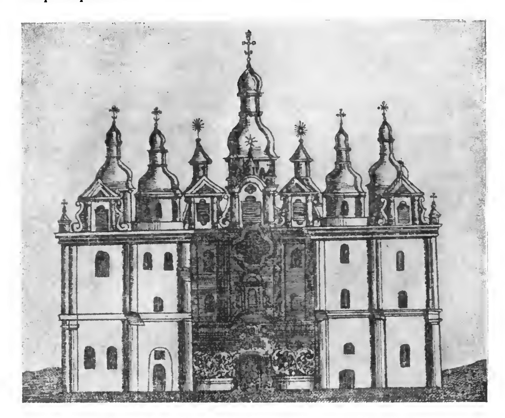
[1] См. Описание Киево-Печерской лавры, Киев, 1831, Приложения, стр. 182—184 и 189—191.

[2] Акты Ю. и З. Р., т. VI, № 34.

[3] Рассказывая об этих событиях, С. Голубев фальсифицировал историю, утверждая, что якобы «самый смертельный удар коллегии решилось было нанести московское правительство». (С. Голубев, Киевская академия в конце XVII и начале XVIII столетий. Киев, 1901, стр. 2.) Подобное утверждение было одним из многих выпадов киевских богословов против Москвы. В действительности же дело обстояло совершенно иначе. Русское правительство отнюдь не выступало против Киевской коллегии. Оно только было озабочено тем, чтобы в Киевскую коллегию не попали люди «из неприятельских и других городов» и от того не было бы «смуты и всякого дурна». Русские деятели заботились о том, чтобы в коллегии учились украинцы и чтобы она содействовала укреплению связей Украины с Россией.

Оно же в 1701 году присвоило этому высшему учебному заведению наименование академии.

Исторические условия, однако, были такими, что великое дело, начатое народом, полностью оказалось в руках служителей церкви. Их усилиями первое высшее учебное заведение в стране всё более отрывалось от жизни и в конечном счете потеряло всякую связь с изучением «свободных наук». Во время пребывания М. В. Ломоносова в Киевской академии ее неограниченными хозяевами и преподавателями были исключительно люди в черных рясах.



Софийский собор в Киеве. — Деталь гравюры, напечатанной в 1739 году в Киеве.

Ученые монахи и священники, разрабатывая в дальнейшем историю Киевской академии, пытались затушевать тот факт, что создали ее именно передовые слои народа, которые хотели ввести в ней преподавание прежде всего свободных наук, а не схоластической философии и богословия. Больше того, ученые представители церкви, занимавшиеся историей Киевской академии, стояли подчас на позициях, открыто враждебных Москве. Противопоставляя ей Киев, они всячески превозносили самих себя и других представителей киевской иерархии.[1] Среди киевских церковников были авторы, доходившие до открытого прославления Мазепы, которого, как известно, предала анафеме православная же

[1] Так поступил, например, киевский митрополит Евгений Болховитинов в написанной им книге: Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии. Киев, 1825.

церковь.[1] Подобные автокефальные авторы, выступая с публикациями по истории Киевской академии, совершенно игнорировали связи русского и украинского народов и, конечно, либо пытались принизить значение поездки М. В. Ломоносова в Киев, либо просто умалчивали о ней.[2]

3

Во время пребывания М. В. Ломоносова в Киеве академия подчинялась киевскому архиепископу Рафаилу Заборовскому (1731—1744 гг.), возглавлявшему всю православную церковь на Украине. В отличие от своего предшественника Варлаама Ванатовича, Заборовский не отстаивал особых привилегий церкви на Украине и строго придерживался Духовного регламента 1721 года.[3] Архиепископ старался выполнять все требования последнего и распоряжения Синода, содействуя «уравнению Киевской епархии с северными епархиями Российской церкви».[4] Следовательно, во время пребывания М. В. Ломоносова в Киеве главою церковного управления здесь был деятель, стремившийся возможно более укрепить связи Украины с Россией.[5]

Р. Заборовский принимал в те годы меры к улучшению постановки дел в Киевской академии, ввел в ней «преподавание языков еврейского и греческого, и сверх того немецкого и, повидимому, делал опыты введения в курс академических наук церковной истории и даже каноники».[6]

В 1734 году Р. Заборовский, исходя из требований петровского Духовного регламента, составил и ввел в действие свои «Правила академические».

---

[1] С. Голубев, констатируя, что к концу XVII века «одновременно с улучшением материального благосостояния, Киево-братский монастырь и коллегия начинают благоукрашаться», с наглой бесцеремонностью приписал всё это «щедротам» Мазепы, который де был «великим благотворителем духовенства, церквей и монастырей». (С. Голубев, Киевская академия в конце XVII и начале XVIII столетий, Киев, 1901, стр. 12.) Прославляя Мазепу, С. Голубев сознательно искажал факты, ибо отлично знал, что положение академии улучшилось отнюдь не по «милости» предателя украинского и русского народов, а благодаря мерам, принятым русским правительством (грамоты 1694 и 1701 гг.).

[2] В связи с тем, что некоторыми старыми сочинениями по истории Киевской академии (новых работ нет) приходится пользоваться как источником фактического материала, небезинтересно отметить следующее. Ученые монахи, писавшие об академии, фальсифицируя ее историю, так запутывались в своих же собственных извращениях и искажениях, что между ними возникали серьезные столкновения. Результатом одного из таких столкновений явились объемистые книги и статьи, показывающие, как умели распоясываться и бранить друг друга люди, считавшие, что на них «почиет божья благодать». (См., например: С. Т. Голубев, Несколько страниц из новейшей истории Киевской духовной академии; Ответ профессора Голубева профессору Титову и беседы его с разными лицами по вопросам ученым, учебным и житейским. Киев, 1907.) Здесь можно найти такие образцы «литературной полемики», как применение по адресу противника эпитета «дурак». Страницы этих сочинений пестрят выражениями: «фальсификация», «инсинуация», «буффонада», «сказка про белого бычка» и т. д.

[3] П. Строев, Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 7.

[4] Труды Киевской духовной академии, 1861, № 3, стр. 314—315.

[5] Сам Р. Заборовский начал свое образование в Киеве, а завершил его в Московской академии. Он пользовался доверием автора Духовного регламента Ф. Прокоповича и при его содействии получил кафедру в Киеве, считавшуюся архиепископской. В 1743 году киевскому главе церкви был возвращен титул митрополита, в значительной мере благодаря тому, что Р. Заборовский последовательно боролся за укрепление связей Украины с Россией.

[6] Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. XIV; Труды Киевской духовной академии, 1902, № 12, стр. 601—602.

Рафаил Заборовский. Киевский архиепископ, которому подчинялась Киевская академия во время пребывания в ней М. В. Ломоносова. — Деталь гравюры, напечатанной в 1739 году в Киеве.

Непосредственным руководителем академии был ректор.[1] С 1731 года эту должность занимал Амвросий Дубневич.[2] Однако М. В. Ломоносов мог сразу и не встретиться с ним, так как поступающих в академию принимал префект. Префектами же в те годы были Стефан Калиновский (1731—1733 гг.) и Иероним Миткевич (с декабря 1733 года по август 1734 года).[3]

Прием студентов в академию производился в любое время на всем протяжении года. Никаких возрастных ограничений для поступающих не было. Зачисляли всех, без различия звания и происхождения: «детей Российского народа всяких чинов и из иных стран приходящих».[4]. Единственным условием, непременно соблюдавшимся при приеме, была принадлежность поступающего к православию.

При вступлении в академию требовались начальные знания: умение читать и писать по-русски и по-славянски, а также умение считать. Желательным было знание хотя бы начатков латинского языка, так как его изучение, и притом весьма серьезное, начиналось с первого же класса.

В Киевской академии были такие же классы, как и в организованной по ее образцу Московской: младшие (одногодичные) — фара или аналогия, инфима, грамматика и синтаксима; средние (одногодичные) — пиитика и риторика; старшие — философия (двухгодичный) и богословие (четырехгодичный).[5] Следовательно, при нормальном прохождении классов общий срок обучения в академии составлял двенадцать лет.

Сохранились сведения о преподавателях академии в те годы, когда в ней побывал М. В. Ломоносов. Оставляя в стороне младшие классы, как не представлявшие интереса для Ломоносова, назовем некоторых преподавателей, с которыми он мог встретиться. В классе пиитики преподавали: Иероним Миткевич (в 1732—1733 гг.) и Гервасий Линцевич (в 1734—1735 гг.);[6] в классе риторики — Сильвестр Кулябка (в 1733—1734 и 1734—1735 гг.);[7] в классе философии — всё тот же Иероним Миткевич (в 1733—1734 и 1734—1735 гг.);[8] в классе богословия — Илларион Негребецкий (в 1733—1734 и 1734—1735 гг.).[9]

По обычаям того времени профессорами Киевской академии могли быть только монахи.[10] Это чрезвычайно ограничивало круг людей, которые допускались к преподаванию.

На профессоров возлагалось много обязанностей, не имевших никакого отношения к академии.[11] Наиболее выдвинувшихся из среды преподавателей часто направляли для работы за пределами академии в Киеве и во многих других местах.

На качестве преподавания отрицательно сказывалась существовавшая

---

[1] В 1711—1717 гг. (фактически до осени 1716 года) ректором Киевской академии и профессором богословия был Феофан Прокопович. (Чистович, Феофан Прокопович и его время, СПб., 1868, стр. 17.)

[2] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 26. — А. Дубневич был ректором до августа 1735 года.

[3] Там же, стр. 37.

[4] Из грамоты 1694 года; подтверждено грамотами 1701 и 1742 гг. (Д. Вишневский, ук. соч., стр. 94.)

[5] Д. Вишневский, ук. соч., стр. 92.

[6] Там же, стр. 137.

[7] Там же, стр. 159.

[8] Там же, стр. 198.

[9] Там же, стр. 253.

[10] Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, Киев, 1904, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. XXVI, 100—106, 194—196.

[11] В число таких обязанностей входило, например: «наставление новообращенных в православии» и т. д.

тогда в Киевской академии традиция, согласно которой каждый преподаватель читал свой предмет иа протяжении только одиого учебиого года.[1] В результате преподаватели ежегодио смеияли друг друга. Лишь в тех случаях, когда не иаходилось иового профессора, одно н то же лицо вело курс ие один, а два и три года.[2]

Материальиое положение профессоров Киевской академии в годы пребывання здесь М. В. Ломоиосова было тяжелым. Небольшие суммы для их содержаиня выделялись из средств, которыми располагал киевский архиепископ: со времени Р. Заборовского каждому преподавателю выдавали ежегодно от 12 руб. 50 коп. до 25 руб., «судя по достоинству школы», то есть класса.[3] Остальиой их заработок состоял из различных поступлеиий, в основиом случайиых н иеустойчивых. Здесь были выдачи из сумм, поступивших за совершение в Киевской епархни браков («с венечиых памятей»), выдачи от архиепископа за проповеди или иа имениии каждого (по 3 рубля), «приношеиия» от учеииков, суммы из моиастырей, в которых профессора были пострижеиы в свое время в моиахи.[4] Одной из статей доходов профессоров было получеиие денег за «калефакторство», т. е. за отоплеиие классов.[5]

4

Во время пребываиня М. В. Ломоносова в Киеве заиятня в академии происходили в камеином корпусе, построеином в 1703—1704 гг.[6] Видимо, еще в те дни, когда здесь учился М. В. Ломоносов, началась подготовка к перестройке или самая перестройка этого корпуса, законченная в 1735 году Рафаилом Заборовским.[7]

---

[1] Документы показывают, что преподавателей на каждый новый учебный год выбирали в августе. Занимались отбором ректор и префект академии, иногда вместе с кафедральным наместиком. Они делали затем представление киевскому архиепископу, который нередко вносил изменения в список избранных преподавателей. Но и после этого часто бывали изменения: в одних случаях иекоторые ученые монахи сами просили освободить их от преподавания, в других ходатайствовалн об этом в отношении намечениых кандидатур моиастыри. В результате приходнлось подчас заканчивать выбор преподавателя уже после начала учебного года. Несколько проще обстояло дело с выбором учителей для иизших классов (фара, иифима, грамматика, синтаксима); сюда в качестве преподавателей допускались и не монахи, а также студеиты богословня, еще ие закончившие курс.

[2] Указав на то, что постоянное направлеине профессоров Киевской академии в различные места ставило ее в весьма критическое положеиие, Н. И. Петров пишет: «Единственною, и притом немаловажною выгодою для Киевской академии было то, что некоторые профессора ее, вследствие недостатка преемников себе, должны были, вопреки установнвшемуся обычаю, читать свой предмет в течение ие одного, а двух или даже трех курсов, и таким образом волей-иеволей специалнзироваться в нем». (Н. И. Петров, Акты и докумеиты, относящиеся к истории Киевской академии, Киев, 1904, т. I, ч. 1, стр. XVII.)

[3] Н. И. Петров, ук. соч., стр. 124—127.

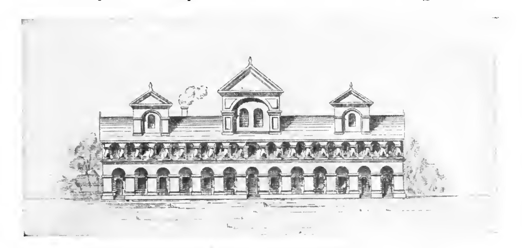
[4] Там же, стр. 174, 292—293 и др.

[5] Д. К. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 65.

[6] Корпус изображеи на паиегирике-гравюре, подиесенной студентами академии настоятелю Киево-Никольского монастыря Прокопию Кочановскому. (Киевская старина, 1882, № 2, стр. 437—440; Д. А. Ровинский, Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв., СПб., 1895, т. II, стлб. 1236.) Так как на гравюре большая часть здания заслонена изображением группы студентов и фигурой Паллады со знаменем в руке, Е. Ф. Ермаков в 1901 году, на основаини вндных частей, восстановил полный вид здания. (С. Голубев, Киевская академия в конце XVII и в начале XVIII столетий, Киев, 1901, стр. 12—13.).

[7] В 1735 году надстроили верхний этаж с колоннадой и пристроили к северовосточной части здания небольшую каменную церковь, называвшуюся конгрегационной. Во второй половине XIX века зданне было вновь перестроено, «причем галлереи и колонада

Занятия в академии проводились утром и после обеда.[1] Из лучших учеников выделялись аудиторы, которые выслушивали уроки, делая оценки по существовавшей шкале. Самих аудиторов проверял «аудитор аудиторум». По субботам знания учеников за всю неделю проверял аудитор или сам преподаватель. Задания записывались в тетради, распределенные по особой системе: «лябор», «кодекс ляборум», «оккупационес» и т. д. В классах шла борьба за места. Сидевшие впереди назывались сенаторами. Из лучших учеников выделялись «магистры содалиум». Проверку вне классов производили инспекторы, которые также выделялись из студентов. Из «благонравнейших» студентов выдвигались директоры, которые надзирали за инспекторами, и сеньоры, наблюдавшие за занятиями в общежитии.



Учебный корпус Киевской академии, построенный в 1703—1704 гг. — Реконструкция по гравюре, напечатанной в Киеве в первой четверти XVIII века.

За поведением в классе следил один из великовозрастных — цензор. Из них же назначались для «сторожи» (караула) и для посылок — филаксы.

«Главным надзирателем благочиния за всеми академистами по школам, квартирам и в бурсе» был суперинтендант из преподавателей низших классов, которому директоры и сеньоры докладывали о поведении инспекторов и учащихся. У суперинтенданта же были визитаторы, один явный и несколько тайных.

Из числа наихудших студентов выделяли истопников — калефакторов и экзекуторов. Кстати сказать, применявшаяся тогда система телесных наказаний и других кар была также определена «древними обыкновениями».

Всё преподавание в академии было подчинено главной цели — воспитанию учащихся в духе борьбы против католицизма и порожденной им унии.

Как говорил Петр Могила, киевская школа была создана «во защищение от нахождений еретических». В XVII веке киевские братчики в своем

были уничтожены и здание совершенно утратило свой первоначальный вид». (С. Голубев, Киевская академия в конце XVII и в начале XVIII столетий, Киев, 1901, стр. 13.)

[1] Общая картина учебного режима дана В. Аскоченским, М. Булгаковым, Д. Вишневским и другими авторами. Очень ярко описал ее Е. Болховитинов в книге: Описание Киево-Софийского собора, Киев, 1825, стр. 218—222.

письме на имя царя сообщали, что основной задачей киевской школы они считают борьбу против поступления украинцев в латино-польские учебные заведения: «да не от чуждого источника пиюще, смертоносного яда западные схизмы упившиеся, ко мрачным римляням уклонятся».[1]

В связи с этим Киевская академия была организована весьма своеобразно. В ней была введена школьная система, подобная той же, которая существовала и в латино-польских школах. Полагали, что при таком решении будут одновременно достигнуты две цели. Иезуиты и прочие организаторы католических и униатских школ не смогут сманивать к себе украинскую молодежь. В то же время питомцы Киевской академии, изучив во всех тонкостях латынь и «польщизну», смогут бороться с учением «мрачных римлян» их же оружием.

Подобная организация дела имела, однако, и отрицательную сторону. В Киевскую академию вторглась западно-европейская схоластика в том самом неприглядном виде, какой ей придала католическая церковь. Особенно резко это проявилось при преподавании «философии» — дисциплины, изучение которой как раз ожидало М. В. Ломоносова по приезде в Киев.

Формально считалось, что «философия» излагается на основе учения Аристотеля. По существу же ее преподавание в Киевской академии в 30-х годах XVIII века не выдерживало даже отдаленного сравнения с тем, что составляло философскую систему, созданную Аристотелем еще в IV веке до н. э. Это был «аристотелизм» в самом дурном смысле слова, то есть изложение всевозможных средневековых толкований, созданных католическими мракобесами под видом учения Аристотеля: «Поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое».[2]

Содержание даже тех разделов курса «философии», которые по своему названию могли привлечь внимание молодого ученого, при первом же обращении к ним оказывалось безжизненным и пустым. При изложении, например, «физики», входившей в качестве наиболее обширной части в натуральную или естественную философию, занимались обсуждением таких «проблем»: существует ли рай в настоящее время, были ли во́ды в раю, вещественно ли древо познания, положено ли животным быть в раю, вступает ли бог в общение с животными и т. д.

Схоластическая «метеорология» и «уранография» чередовались с такими отраслями «науки» как эсхатология — учение об антихристе, «всеобщем воскресении», «страшном суде» и т. п. Вся натурфилософия, в том числе и «физика», даже в самом искаженном виде, допускалась лишь на правах «служанки богословии» (ancilla theologiae).

С богословием дело обстояло еще хуже. Его надо было изучать не два года, как философию, а четыре, да вдобавок еще заниматься богословскими «истинами» в их трактовке не столько православной, сколько католической церковью. Например, для обоснования «непорочного зачатия богородицы», в которое не все киевские профессора верили, привлекались доказательства, заимствованные у католических богословов.

Всё это показывает, что М. В. Ломоносов в стенах Киевской академии столкнулся с засильем поповского мракобесия и лженауки, которые процветали здесь еще в большей мере, чем в Московской. Однако из этого вовсе не следует, что пребывание будущего ученого в Киевской академии было бесплодным или якобы дало даже отрицательный результат. Здешние философия и богословие не представляли для М. В. Ломоносова

---

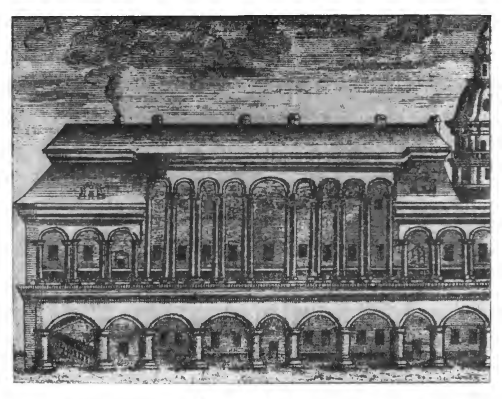
[1] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 89.

[2] В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 303.

никакого интереса и не могли на него повлиять. Не за этим приехал он в Киев. Ломоносов относился к числу тех замечательных людей, которые умеют найти и взять что-либо полезное везде, где им приходится быть.

5

М. В. Ломоносов оказался в Киевской академии еще в худшем материальном положении, чем в Москве. Там учащимся выдавали хотя и грошовые, но зато постоянные суммы.[1] Здесь же не давали ничего, приходи-



Учебный корпус Киевской академии после перестройки, законченной в 1735 году. — Деталь гравюры, напечатанной в 1739 году в Киеве.

лось рассчитывать исключительно на собственные силы и уменье заработать на пропитание.[2]

Киевская академия жила отчасти за счет небольших поступлений из Киево-Братского училищного монастыря,[3] а в основном поддерживала свое существование «щедротами своих благотворителей».[4]

---

[1] С 1724 года студенты Московской академии получали ежедневно: по 4 коп. — в классах философии и богословия и по 3 коп. — в остальных классах.

[2] «Киевская бурса не получала определенного содержания». (Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. 392.)

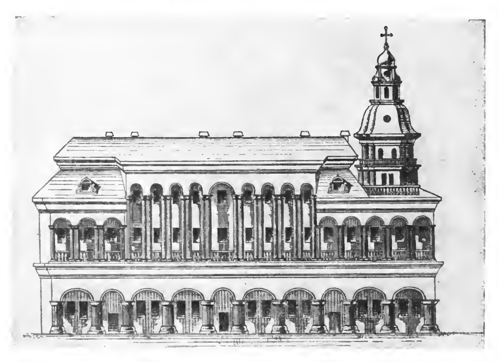
[3] Монастырь пользовался за это всеми жертвуемыми академии землями и поместьями, а также забирал себе и «царское жалованье», выдававшееся академии с 1694 года.

[4] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903, стр. 45.

Не испытывали нужды только дети богатых родителей, часто имевшие свою челядь и даже покупавшие себе дома́ на время учения. Они роскошно — «по моде» — одевались и ни в чем себе не отказывали.[1] Менее состоятельные старшинские и шляхетские дети нанимали себе квартиры в городе, а в академии имели своих инспекторов из старших студентов.

Все остальные воспитанники Киевской академии были в полном смысле слова «нищетною братиею».[2]

«Великая бурса» — так называлось помещение в пределах Киево-Братского монастыря, рассчитанное для проживания двухсот человек. Это — всё, что давала академия бесплатно своим воспитанникам.[3]



Учебный корпус Киевской академии после перестройки, законченной в 1735 году. — Реконструкция по гравюре, напечатанной в 1739 году в Киеве.

Помещение было тесным, сырым. Ни его отоплением, ни освещением администрация совершенно не интересовалась. Заботиться об этом должны были сами обитатели «большой бурсы».[4]

Не лучшим было положение и в других общежитиях — «малых бурсах», отведенных для детей сельских священников при некоторых из приходских церквей на Подоле.[5]

[1] Относительно удовлетворительным было положение «пострижепцев», т. е. студентов-монахов. Они жили за счет монастырей, где были пострижены, или за счет епархий, приславших их в Киевскую академию. (Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 69—70).

[2] Так они себя называли в официальных документах, например, в прошении бурсацкого сениора Николая Загайкевича, поданном киевскому митрополиту. (Д. Вишневский, ук. соч., стр. 74.).

[3] Там же, стр. 70.

[4] Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. 392.

[5] Там же, стр. XXV и др.

Студентам-беднякам, в рядах которых оказался и М. В. Ломоносов, приходилось существовать на случайные заработки, а главным образом на «доброхотные подаяния».[1]

Даже монахи — профессора Киевской академии, занимавшиеся ее историей, вынуждены были признавать, что бурсацкая жизнь представляла собой «море нищеты».[2]

Нарушалось требование Духовного регламента о хлебном сборе по епархии. Ничего не полагалось на пропитание бурсаков и из митрополичьей кафедры. Они должны были довольствоваться «прошенным хлебом».[3]

Как отметил впоследствии Г. Конисский в своей надгробной речи Р. Заборовскому, старавшемуся помогать питомцам Киевской академии, они были — «учащиеся нищие, ...безгрунтовни, бездененжные».[4]

Бурсаки должны были сами «мирковать», т. е. промышлять, кто как и чем мог.[5] Им приходилось батрачить у состоятельных людей, отрабатывая стол и помещение, наниматься за гроши читать псалтырь над покойниками, подносить вирши и гравюры знатным лицам, собирать деньги пением стихов — «кантов», ходить во время праздников с вертепами и «славить Христа».[6] Во время каникул они с разрешения академического начальства (иногда и тайно) отправлялись на «эпетиции» — в различные местности за подаянием. В паспортах, выдававшихся по этому случаю, указывалось, что такие-то «киевские студенты, ...по прежнему обыкновению, яко не имеющие ни откуду в учении своем снабдения, отпущены для испрошения милостыни за Днепр в Малороссийские и Слободские полки».[7] Отпущенным при этом запрещалось давать уроки: «також ни у кого, как из духовного, так и мирского чина людей ради научения в дому детей ни под каким видом не оставаться под жестоким за то наказанием».[8]

Киевским студентам запрещалось также без специального на то разрешения «беспокоить великих и знатных особ просьбами, или писать им панегирики, составлять рисунки и вообще делать что-либо особенное в этом роде».[9]

Для сбора подаяния в самом Киеве студенты получали специальные академические свидетельства.[10]

Образ жизни основной массы киевских студентов кратко и сильно

---

[1] Киевские монастыри изредка оказывали бурсакам «малое временем подаяние», а Киево-Братский монастырь давал некоторым из них пищу и, видимо, отводил небольшой участок для огорода, где бурсаки могли садить овощи. Иногда церкви выделяли небольшие суммы для голодающей бурсы.

[2] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 72.

[3] Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. 393.

[4] Киевские епархиальные ведомости, 1876, № 7; Д. Вишневский, ук. соч., стр. 74.

[5] См. Труды Киевской духовной академии, 1870, № 9, стр. 584.

[6] Д. Вишневский, ук. соч., стр. 72—79; Н. И. Петров, ук. соч., стр. XXIV—XXV. При сборе милостыни во время «славления Христа» у студентов часто бывали столкновения с духовенством из других церквей. Одно из таких столкновений, закончившееся побоищем, произошло в 1734 году; в общей драке приняли участие студенты, духовенство и жители киевского Подола. (Н. И. Петров, ук. соч., стр. 220—222.)

[7] В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею, Киев, 1856, ч. 1, стр. 354—355, примеч. 402.

[8] Запрещение было вызвано желанием увеличить число поступающих в официальные школы, в которых был недобор учащихся.

[9] Н. И. Петров, ук. соч., т. I, ч. 1, стр. 35; В. Аскоченский, ук. соч., ч. II, стр. 107.

[10] В инструкции Р. Заборовского сказано, что «без свидетельства академического никто из студентов не должны шататься по городу для испрошения подаяний». (В. Аскоченский, ук. соч., ч. II, стр. 103.)

определяется термином, встречающимся в документах того времени — «нужда бурсацкая».[1]

Тяжелое положение студентов усугублялось часто неприязненными отношениями между ними и профессорами академии. Дело доходило до серьезных конфликтов, как это имело место, например, в 1733 году, во время так называемого «философического возмущения».[2]

Студенты, вступившиеся за несправедливо наказанного префектом Калиновским философа Пантелеймона Черницкого, сговорились не ходить на лекции префекта и одновременно подали жалобу архиепископу Р. Заборовскому. По распоряжению последнего, Черницкий, как зачинщик «всему философическому возмущению», был наказан плетьми «в браме внутрь цвинтара, зазвонывши в звонок школный». Заборовский приказал бить плетьми и остальных 28 студентов-философов.

6

Одной из главных причин тяжелого материального положения Киевской академии в годы пребывания в ней М. В. Ломоносова были большие злоупотребления и хищения.

В январе 1732 года «архиепископ Киевский, Галицкий и Малия России» Рафаил Заборовский обратился к гетману Даниилу Апостолу с просьбой возобновить выдачу из войсковой казны 200 руб., которые академия получала до 1722 года.[3] Заборовский жаловался, что «в училищном монастыре церковь и школи, здавна устроенные, весма обветшали», и что учителя и учащиеся терпят крайнюю нужду.

Завязалась переписка, не увенчавшаяся, однако, успехом. Когда же Р. Заборовский обратился за помощью к Феофану Прокоповичу, последний дал архиепископу гневную отповедь. В марте 1736 года Ф. Прокопович ответил Р. Заборовскому, что, узнав о «крайней скудости», до которой довели академию, где «и к повседневному препитанию не имеют довольства учители и прочие братии», он сперва «ужаснулся таковою ведомостию», но, продумав всё дело, пришел к заключению, весьма нелестному для руководителей Киево-Братского монастыря и Академии.[4]

Вспоминая уже имевшие место в прошлом случаи расстройства материальных дел монастыря, Ф. Прокопович далее писал: «А какая таковой бедности могла быть причина? Одно только незнание экономии, и не одно того незнание, но к тому противные и разорительные поступки: начальних нерадение, леность, оспалость (дремание — *В. Д.*), гнусность, да еще при пособии шумных денионощных забавок, а подначальных, наипаче посельских старцев, иных непросыпляемое пиянство, а других прилежные кражи и должных обществу доходов хищения с великим безстрашием, когда и смотру, и истязания ниоткуду не опасались и не ожидали».

Ф. Прокопович напомнил, что всякий раз, когда находили честного, дельного и трудолюбивого эконома, положение исправлялось и продукты питания появлялись в достаточном количестве. Он указал на большие доходы, которые получает Киево-Братский монастырь с поместий, мельниц,

---

[1] См. Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 75.

[2] Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. 219—220.

[3] Там же, стр. 176—179. — В мае 1732 года Д. Апостол издал универсал, призывавший население к пожертвованиям в пользу академии.

[4] Там же, стр. 182—187.

мостов, перевозов, стекольного завода, шинков, рыбных ловель, медовых вотчин, огородов, садов и лесов.

Со свойственным ему темпераментом Ф. Прокопович клеймил воров, достойных «великого истязания и наказания», и предупреждал, что при существующем безудержном воровстве и нерадении дело будет неизбежно как «болотная вода тлеть и смердеть». Если не разгонят этих воров и пьяниц, писал он, то «хоть бы всю Украину им отдано, не будет ничего,» и учителя и ученики академии «голодом помрут».

Злоупотреблениям и хищениям способствовала из рук вон плохая постановка денежной отчетности. Об этом свидетельствует составленная в 1733 году ведомость доходов и расходов Киево-Братского монастыря и Киевской академии за период с 17 октября 1731 года по 30 июля 1733 года.

«Екстракт з реестров приходних и расходних

За год 1730-й, 1731-й и 732 приняли

	Руб.	коп.
з губернской канцелярии Государевого денежного жалованя денежного и хлебного	238	20
Архиерейского жалованя за два года	200	—
З пляцов куничных, в Киеве имеющихся	68	—
З шинков всех маетностей	392	50
З перевозу Карпиловского половинной части пришло .	36	—
З гути Карпиловской	52	—
Чиншовых денег з рожних угодий монастырских вийшло	104	—
Мостових денег в Мостищах собралось	43	—
Валюшних денег з млинов	15	—
Итого	1148 р.	70 к.
З которых денег приходних на росходи употребилось. .	1008 р.	70 к.

А именно на рибу свежую, на рибу вялую, на кореня, на оливу и на протчия приправи к потравам, на вино под час празников и других оказий, на олей, на соль, на солоди, на мед пресний, на ганиш, на свечки лоевие, на плити, на косарей и гребце, на челядь монастирскую, на железо, на каменя млиновое, на гриби, на неводи, на дрань, на репарацию келий, на новое строение и на всякия нужди монастирския необходимия, а решти еще имеется в шафара рублей . 50».[1]

Обращает на себя внимание не только неточность в подсчетах,[2] но в еще большей мере отсутствие в этом «екстракте» очень многих доходов, получаемых монастырем, в том числе денег за такие церковные дела, как молебны, панихиды, поминания (сорокоусты) и т. д.[3] Бросается в глаза

[1] Документ подписан архимандритом Киево-Братского монастыря и ректором Киевской академии Амвросием Дубиевичем и другими монахами, занимавшими руководящие должности. На обороте реестра Дубиевич сделал пометку: «Хранить честнейшему отцу Акенту» (последний не входил в число подписавших документ). (См. Н. И. Петров, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. 204—206.)

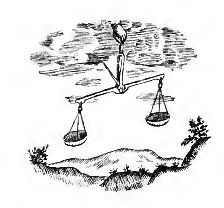
[2] Расходы и остаток составляли 1050 руб. 70 коп., таким образом оказались неучтенными около 100 рублей.

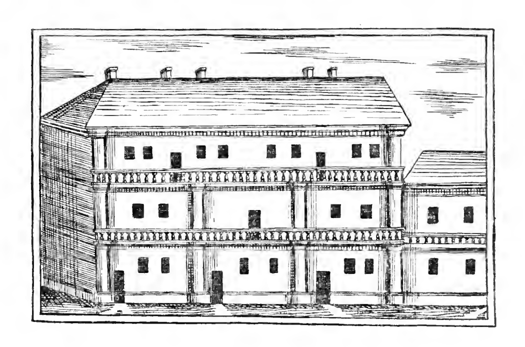
[3] Н. И. Петров указал, что эта сумма была значительной. См. Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. 212.

также и то, что в отчете о расходах упоминается даже «челядь монастырская», но нет ни одного слова о расходах на учащихся академии. Последние были вынуждены заботиться о себе сами.

При этих условиях лишь неиссякаемая жажда знаний могла удержать студентов в академии, преодолевать все испытания и невероятную нужду ради того, чтобы учиться.

В тем большей степени это относилось к М. В. Ломоносову, который никогда не отступал ни перед какими трудностями на тяжелых и горьких тогда путях науки. Он сумел и в Киевской академии почерпнуть многое, пригодившееся ему для последующего творчества.





Глава четвертая

НАУКА В КИЕВЕ ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В НЕМ М. В. ЛОМОНОСОВА

1

Современники М. В. Ломоносова указывают, что во время его пребывания в Киеве он больше всего был занят изучением «древних летописцев и других книг, писанных на славенском, греческом и латинском языках».[1]

Обширные по тому времени собрания книг и рукописей находились в библиотеке Киевской академии и в других книгохранилищах.

Библиотека Киевской академии начала создаваться со времени основания последней. Никаких специальных средств для ее пополнения не было. Тем не менее фонды библиотеки постоянно увеличивались за счет передачи в нее многих книг различными лицами, преимущественно руководителями академии или ее бывшими питомцами.

Значительное количество книг подарил Петр Могила, которого считают основателем академической библиотеки: «...еще в бытность протектором этого училища Петра Могилы заведено было здесь книгохранилище, которое он сам старался увеличивать и обогащать, и в которое завещал потом и свою собственную библиотеку».[2]

---

[1] [М. И. Веревкин], Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова. Соч., М. В. Ломоносова, т. I, 1784, стр. VII.

[2] В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. I, Киев, 1856, стр. 290.

Книжные фонды академической библиотеки очень сильно пострадали в середине XVII века, когда польские паны, разорившие Киев, попытались полностью уничтожить Киевскую коллегию и ее библиотеку. В дальнейшем этот ущерб был возмещен, и библиотека продолжала увеличиваться, хотя как и прежде только за счет пожертвований отдельных лиц. Особенно много книг передал ей Феофан Прокопович.[1] Значительное количество книг поступило от Иеронима Миткевича, который был одним из профессоров академии в годы пребывания М. В. Ломоносова в Киеве.[2] Немало сделал в те же годы для академической библиотеки архиепископ Р. Заборовский, обогативший ее «великим числом лучших книг».[3] В результате подобных пожертвований фонд академической библиотеки исчислялся тысячами экземпляров.[4]

В библиотеке имелись книги на многих языках: русском, славянском, латинском, польском, немецком, греческом, древнееврейском.[5] Больше всего было латинских книг. Среди них преобладали религиозные сочинения, вроде «Трактата о таинствах» Фомы Аквината, подаренного еще Петром Могилой.[6]

Здесь были многие издания библии, сочинения Иоанна Златоуста, Августина и других «отцев церкви», а также сочинения по схоластической философии.

Помимо богословских и философских, имелись и иные книги, как, например, по математике. Однако ученые монахи, занимавшиеся историей Киевской академии и ее библиотеки, только иногда, и то вскользь, упоминали об имевшихся в ней книгах светского содержания. Это лишает нас возможности указать, какие именно сочинения этой категории могли иметь значение для М. В. Ломоносова. Не исключено, что среди книг, переданных Рафаилом Заборовским, были труды по морским вопросам, поскольку Заборовский был взят Петром I во флот и находился в морских плаваниях до 1723 года.[7]

Кроме печатных изданий в академической библиотеке было много рукописей.[8] Некоторые из них относились к области естествознания, например, рукописный математический трактат, написанный в XVII веке во Львове на латинском языке.

Академическую библиотеку в те годы считали местом для хранения не только печатной и рукописной литературы, но и вообще документов, в том числе текущей документации. Особенно важно, что здесь же сохранялись рукописи курсов, которые читались в академии в разное время.

Среди них были десятки курсов по поэтике и риторике, ознакомление

---

[1] В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. I, Киев, 1856, стр. 290; М. Булгаков, История Киевской академии, СПб., 1843, стр. 132.

[2] М. Булгаков, ук. соч., стр. 132—133.

[3] [Е. Болховитинов], Описание Киево-Софийского собора, Киев, 1825. Прибавление 41. Краткое сведение о начале Киевской академии, стр. 222—223.

[4] К концу 1750 г. — до 7000, к 1765 г. — до 10 000 книг (Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 286; М. Булгаков, ук. соч., стр. 133). Как указывает Д. Вишневский, собственных приобретений в свою библиотеку Киевская академия не делала на всем протяжении первой половины XVIII века, так как для этого у нее не было никаких средств (ук. соч., стр. 287).

[5] Хранение книг было очень плохо обеспечено и многие из них увозились духовными сановниками при их переводе в другие места. Так, книги, принадлежавшие Киевской академии, были увезены в Смоленск, Чернигов и т. д. (Д. Вишневский, ук. соч., стр. 286).

[6] В. Аскоченский, ук. соч., стр. 290.

[7] [Е. Болховитинов], ук. соч., стр. 222.

[8] Д. Вишневский, ук. соч., стр. 285.

с которыми не могло не принести пользу М. В. Ломоносову для его последующей работы в этих областях.

Большой интерес для будущего ученого должны были представлять рукописи и книжные собрания, хранившиеся тогда и в Киево-Печерской лавре, и в Софийском соборе, и в ряде монастырских библиотек.

Студенты Киевской академии. На заднем плане виден каменный корпус академических аудиторий, построенный в 1703—1704 гг. — Деталь гравюры, напечатанной в Киеве в первой четверти XVIII века.

Изучение славянских, латинских, греческих книг, летописей и других письменных источников подготавливало М. В. Ломоносова к созданию впоследствии классических трудов по грамматике, риторике, истории, к грядущему преобразованию русской литературы.

2

М. В. Ломоносов во время пребывания в Киевской академии имел возможность пополнить и расширить свои знания во многих областях.

Как известно, М. В. Ломоносов умел очень хорошо рисовать.[1] Так

[1] Л. Б. Модзалевский, Рисунки М. В. Ломоносова. Сб. «Ломоносов», т. II, М.—Л., 1946, стр. 280—284.

как в Славяно-греко-латинской академии в Москве рисованием не занимались, принято считать, что он мог научиться рисовать только во время поездки за границу.[1] При этом упускается из виду пребывание М. В. Ломоносова в Киеве, где рисованию придавалось большое значение. Студенты Киевской академии увлекались рисованием:

«Искусство рисовальное исстари было любимым упражнением учеников. Они украшали каймами и виньетками все подаваемые учителю тетради

Студенты Киевской академии. — Деталь гравюры, напечатанной в 1739 году в Киеве.

своих задач, авдиторские нотаты или ерраты, а паче листы конклюзий для диспутов, кои после начали уже печатать для умножения экземпляров и с тех пор упало сие искуство».[2]

Что рисование было любимым занятием питомцев Киевской академии в годы пребывания в ней М. В. Ломоносова и что эти занятия достигли тогда наибольшего процветания — об этом единогласно говорят все историки академии.[3] Именно в эти годы киевскими студентами были созданы

---

[1] Так и пишут: «Известно, что Ломоносов начал систематически брать уроки рисования в Германии, в 1736—1738 гг.» (Л. Б. Модзалевский, Рисунки М. В. Ломоносова. Сб. «Ломоносов», т. II, М.—Л., 1946, стр. 280).

[2] [Е. Болховитинов], Описание Киево-Софийского собора, Киев, 1825. Прибавление 41. Краткое сведение о начале Киевской академии, стр. 218. — Печатание конклюзий началось только через много лет после пребывания Ломоносова в Киеве.

[3] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 325. См. также работы В. Аскоченского, М. Булгакова и др.

рисункн, позволяющне нам теперь наглядио судить не только о внешнем внде академических зданий, но н об облнке воспитаииников академии.[1]

Естествеиио, что находясь в Киевской академии, М. В. Ломоносов, так же как и его товарищи, должен был следовать установившейся традиции украшать рнсункамн все внды учебных записок, тетрадей н т. д.

Следовательио, еще задолго до поездки за граиицу, М. В. Ломоносову приходилось упражняться в рнсовании. Тем самым опровергается неверное представлеине, будто только в Германии он впервые стал обучаться этому искусству. Не за рубежом, а в нашей стране, н нменно в древнем Киеве, он иачал овладевать изобразнтельным нскусством, которое отнюдь не сводилось, как это часто, но необосиоваиио считают, лишь к двум сохранившимся рисункам.[2] Умеиие рисовать проявилось в очень многих изображениях, собственноручно выполненных М. В. Ломоносовым, в том чнсле в предельно лаконичиых н выразительиых иабросках прнборов, коленчатых валов, станков н т. д. В дальиейшем его мастерство незаурядного художника ярко проявилось в созданнн им мозанчных картнн, до сих пор поражающнх нас своим великолепием.

3

Чтобы быть направленным в Академию иаук н тем самым выйтн на главную тогда дорогу развнтня отечествеииой науки, нужио было отлнчио знать латинский язык. Именно степень владення латынью («которые бы уже разумели по латыне»[3]) была главным критернем прн отборе во второй половнне 1735 года для отправкн в Петербург студентов Славяно-греко-латинской академии в Москве.

Известно, что М. В. Ломоносов попал в чнсло отобранных как студент, который н в этом отношении, как н во всех других, «успел уже превзойтн всех своих товарищей».[4] До отправки в Петербург он успел побывать в Киевской академнн, где изучение латинского языка стояло тогда несравнеино выше, чем в любом ином месте нашей страны.

В отлнчие от другнх учебных заведенй, здесь при поступлении даже в фару, т. е. в первый класс, считалось иеобходимым, как уже указывалось, владеть хотя бы начальными знаниями латинского языка.[5] От

[1] См. Д. А. Ровинский, Материалы для русской иконографии, вып. I, СПб., 1884, табл. 22 и 32. — Различие в одежде студеитов, изображенных иа гравюрах начала XVIII века и тридцатых годов, объясияется, виднмо, тем, что официальной формы не существовало и характер одежды определялся «модой». Представлеине об одежде киевских студентов можно получить также иа осиоваиии документов. Например, в 1749 году студеит философии Федор Ольшаиский имел такую одежду: «леберию сукониую блакитиую притертую» (голубой сукониый плащ), «китаевой кафтан притертый», «юпку вибойчаную» («юпкой» на Украине называли верхнюю одежду типа куртки), «пояс шерстяной пестрий», «убраиие суконное зеленое» (сукоииое зелеиое платье), «кошулю полотияную» (полотияная рубашка), «чоботы козловие» (козловые сапоги), «шапку бараниячу чориую». Этот студеит прниадлежал к числу состоятельиых, что доказывается наличием у иего суммы, весьма значительной для студента: «в кишене денег рубль без чотирох копеек». Кроме того, у Ольшанского, подвергнутого аресту карпиловским городничим (монахом, ведавшим угодьем Карпиловка Киево-Братского монастыря), были отобраны следующие вещи: «ножик складаинй, пушечка монсяжна, платок полотнянний белий с заполочними засиовками н ручник полотнянний с засиовками заполочними». (В книге Н. И. Петрова, Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академни, т. I, ч. 1, Киев, 1904, стр. 389—390.

[2] Сб. «Ломоносов», Соч., т. II, М.—Л., 1946, стр. 280—284.

[3] М. В. Ломоиосов, Соч., т. I, СПб., 1784, стр. VII.

[4] М. Булгаков, История Киевской академии, СПб., 1843, стр. 169.

[5] Д. Вишиевский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903, стр. 95.

Гравюра, выполненная Григорием Левицким и напечатанная в 1739 году в Киеве. (Панегирик, посвященный Р. Заборовскому, портрет которого помещен в центральной части.)

учащихся в синтаксиме, т. е. всего лишь в четвертом классе, требовалось не только правильно писать, переводить, составлять задачи на латинском языке, но и проявлять при этом высокое мастерство, красноречие.[1] Учащиеся всех классов обязаны были говорить друг с другом на латинском языке.

В правилах для Киевской академии, разработанных Р. Заборовским — протектором академии в бытность здесь М. В. Ломоносова, было записано в особом пункте:

«Все академисты, под строгой ответственностью, а особенно учители и наставники должны поставить себе законом, чтобы как в коллегиальных школах, так и в бурсах, а равно между собою и с учениками всегда разговаривать по латине».[2]

Если кто-либо нарушал это правило, ему вешали на шею так называемый «калькулюм» (calculum)[3] — деревянный футляр со вложенным в него листом.

«Калькулюм» находился у провинившегося до тех пор, пока он не изобличал кого-либо в ответе не на латинском языке или в ошибке при применении последнего. Тогда из футляра извлекался лист и в него вносилось имя совершившего ошибку. «Калькулюм» поступал к новому временному владельцу, который спешил возможно скорее избавиться от него и вписать в лист имя следующего временного обладателя.

Так «калькулюмы» переходили из рук в руки, пополняясь фамилиями ошибившихся «хотя бы в классе, хотя бы в бурсацких комнатах, приходских школах и квартирах, и даже по улицам, на встрече учеников».[4]

Провинившийся особенно боялся, чтобы «калькулюм» не остался у него на ночь, так как за это полагалось суровое наказание: «Тот нерадивейшим почитался, у кого сей лист переночует, что и отмечалось на оном словом pernoctauit apud Dominum N. По сему все академисты обыкновенно говаривали по латине».[5]

Особенно изощрялись в латинском языке и его тонкостях во время постоянно происходивших диспутов. На латинском языке были написаны все курсы, читавшиеся в академии, в их числе курсы пиитики и риторики, представлявшие, как указывалось, большой интерес для М. В. Ломоносова.

При такой постановке дела питомцы Киевской академии отлично овладевали латинским языком. Их очень охотно использовали как переводчиков далеко за пределами Киева. Многие из них служили переводчиками в государственных учреждениях, в Академии наук и в других местах.[6]

Приехав в Киев, М. В. Ломоносов получил возможность углубить свои знания латыни и ежедневно практически упражняться в ней. Это было чрезвычайно важно для будущего ученого, ибо латинский язык в те времена являлся международным языком ученых. Именно на латинском языке издавались основные научные труды Академии наук, украшенные впоследствии бессмертными сочинениями М. В. Ломоносова.

По-латыни был написан первый из дошедших до нас научных трудов

[1] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903, стр. 106.

[2] В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856, стр. 104.

[3] Там же, стр. 104; Д. Вишневский, ук. соч., стр. 107.

[4] [Е. Болховитинов], Описание Киево-Софийского собора, Киев, 1825, Прибавления, стр. 220.

[5] Там же, стр. 221. («Переночевал у господина N»).

[6] Д. Вишневский, ук. соч., стр. 108.

М. В. Ломоносова, посланный им 15 октября 1738 года в Академию наук: «Работа по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предсуществующей жидкости».[1] На латинском же языке он написал в марте 1739 года «Физическую диссертацию о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул».[2]

Латинский язык М. В. Ломоносов использовал и для того, чтобы написать в 1741 году «Элементы математической химии»,[3] «Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте»,[4] а также и многие другие работы, ставшие классическими.

М. В. Ломоносов владел латинским языком с таким совершенством, что, намечая темы будущих работ, он писал по-латыни столь же свободно, как и по-русски. Это доказывают сотни его заметок по физике и корпускулярной теории,[5] а также лабораторные журналы,[6] которые он вел.

Во многих случаях М. В. Ломоносов сперва писал на латинском языке, а затем сам же переводил написанное на русский язык. Так он поступил со своими сочинениями: «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном»,[7] О химических растворах вообще»,[8] «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих»,[9] «Рассуждение о твердости и жидкости тел».[10]

Дом в Киеве, в котором останавливался Петр I. Здание, известное под названием дома приходского училища, существовавшее до начала XIX века.

На отличном латинском языке написаны классические труды М. В. Ломоносова, посвященные природе тепла, кинетической теории газов, описанию анемометра и универсального барометра и многих других его изобретений и открытий.

Великий знаток русского языка, прославивший его богатство, красоту и силу, М. В. Ломоносов знакомил родной народ со своими трудами на родном же языке. Но, вместе с тем, он отдавал должное и языку латинскому, понимая, что опубликование его работ на латинском языке имело тогда важнейшее значение для утверждения чести, достоинства и великих достижений русской науки в зарубежных странах. Опубликованные по-латыни в изданиях русской Академии наук сочинения М. В. Ломоносова изучались в Париже и Берлине, в Лондоне и Стокгольме и во всех иных заграничных культурных центрах.

Говоря об этом, мы не должны забывать, что в совершенствовании М. В. Ломоносова в латинском языке большую роль сыграло пребывание молодого ученого в Киеве.

---

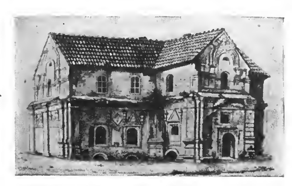
[1] М. В. Ломоносов, Specimen physicum etc. Соч., т. I, М.—Л., 1950, стр. 7—20.
[2] Там же, Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia etc., стр. 24—62.
[3] Там же, Elementa chimiae mathematice, стр. 66—82.
[4] Там же, Commentario de instrumento etc., стр. 86—100.
[5] Там же, стр. 104—167.
[6] Там же, т. II, М.—Л., 1951, стр 372—436.
[7] Там же, т. I, стр. 316—330.
[8] Там же, стр. 386.
[9] Там же, т. III, М.—Л., 1952, стр. 16—98.
[10] Там же, стр. 376—408.

4

В 1739 году М. В. Ломоносов в «Письме о правилах российского стихотворства» показал, что применявшаяся тогда система силлабического стихосложения чужда русскому языку. М. В. Ломоносов выступил как подлинный революционер в поэзии и уверенно ввел новую систему — тоническое стихосложение, обосновав ее на следующих принципах:

«Первое и главнейшее кажется мне быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российский язык изобилен и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать, но как собственное и природное употреблять надлежит.



„Артемихин дом" в Киеве, построенный в XVIII веке. — По рисунку первой половины XIX века.

Третие: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать».[1]

Исходя из этих трех принципиальных положений, он разработал классическую систему стихосложения, остающуюся в своих главнейших чертах незыблемой и до настоящего времени. М. В. Ломоносов тем самым сделал возможным появление еще в XVIII веке замечательных поэтических произведений А. Н. Радищева и Г. Р. Державина.

На основе, заложенной М. В. Ломоносовым, в XIX веке расцвела и достигла изумительных высот русская поэзия во главе с бессмертным А. С. Пушкиным, справедливо сказавшим о М. В. Ломоносове: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».[2]

Любой современный поэт, пишущий на русском языке, обязан с признательностью помнить о том, что его творчество покоится на прочном фундаменте, заложенном М. В. Ломоносовым еще в XVIII веке.

Значение «Письма о правилах российского стихотворства» огромно. Вряд ли уместно называть это сочинение «работой русского студента, не напечатавшего еще ни одной строки и никому в то время неизвестного».[3] Не в «учениках» ходил тогда М. В. Ломоносов, а был он уже самобытным мыслителем, ибо только могучий ум был способен опровергнуть чуждые русскому языку правила поэзии и выдвинуть основной закон русского стихосложения: сочинять стихи «по природному нашего языка свойству» и ни в коем случае «того, что ему весьма несвойственно из других языков не вносить».

---

[1] М. В. Ломоносов, Письмо о правилах российского стихотворства. Соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 9—10.

[2] А. С. Пушкин, Соч., т. VII, М.—Л., 1951, стр. 28—30, 276—287 и 641.

[3] См примечания к соч. М. В. Ломоносова, т. 7, стр. 783.

Перестроить в корне русское стихосложение, действуя при этом с революционной смелостью, М. В. Ломоносов мог только при одном условии — глубоком знании всего, что было ранее в теории и практике. Именно на необходимость критического учета всего предшествующего опыта М. В. Ломоносов точно указал в словах: «надобно смотреть, кому и в чем лучше последовать».

Обычно, говоря о «Письме» 1739 года, ограничиваются замечанием вроде следующего: «Интерес к теории стиха возник у Ломоносова очень рано, — очевидно, еще в годы московского студенчества».[1] Однако в действительности дело обстояло много сложнее.

Как отмечал Е. Болховитинов, М. В. Ломоносов еще в юношеские годы, до приезда в Москву, глубоко заинтересовался «искусством стихотворения». По словам Е. Болховитинова, когда однажды юный Ломоносов спросил, где можно научиться этому искусству, ему ответили: «...не инде где научиться можно как в Московской или Киевской академиях; ибо тогда еще не было в России других школ Русской словесности».[2]

Да и сам М. В. Ломоносов, приступив к преобразованию русского стихосложения, указал прежде всего на изученную им еще во время пребывания на родном Севере книгу Смотрицкого, которая была издана в Киеве и затем переиздана в Москве.[3] Кроме того, он кратко и точно указал на происхождение силлабического стихосложения: «Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может».[4]

Здесь у Ломоносова речь идет, конечно, не о каком-то непосредственном импорте силлабической системы из Польши в Москву, но о более сложном и к тому общеизвестном процессе. Система силлабического стихосложения попала из Польши сначала в Киевскую академию, а затем оттуда была перенесена в Москву. М. В. Ломоносов отлично знал об этом, ибо во время его пребывания в Славяно-греко-латинской академии в Москве все преподаватели и все учебные руководства были из Киевской академии.

М. В. Ломоносов в приведенном отрывке не стал упоминать о Киеве просто потому, что в данном случае ему важно было показать откуда (а не через какие пункты) занесено в Москву силлабическое стихосложение.

Итак, имеются основания полагать, что М. В. Ломоносов заинтересовался вопросами стихосложения еще в юности. Во время пребывания в Москве он не только изучал эти вопросы, но и сам, как известно, писал стихи. В Москве же он мог многократно убедиться в том, что силлабическое стихосложение принесено из Киева.

Независимо от возможности побывать в Киеве, для будущего реформатора русской поэзии было вполне закономерным стремлением узнать, что́ здесь сделано в области стихосложения. Именно это могло быть одной из причин, побудивших М. В. Ломоносова отправиться в Киев.

Пиитика, преподававшаяся тогда в Киевской академии, разделялась на две части: общую и частную.[5] В первой части давалось определение пиитики как науки, объяснялись ее задачи, значение и содержание, излагались основные правила построения поэтических произведений. Вторая

---

[1] См. примечания к соч. М. В. Ломоносова, т. 7, стр. 782.

[2] Митр. Евгений, Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России, т. II, М., 1845, стр. 14.

[3] М. В. Ломоносов, Соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 10.

[4] Там же, стр. 12.

[5] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903, стр. 127—129. У него же даны сведения о курсах пиитики, написанных в Киевской академии.

часть знакомила с жанрами поэтических произведений, особенно лирических и драматических. Как уже упоминалось, каждый новый преподаватель, а они сменялись ежегодно, обязан был писать новый курс пиитики.

В годы пребывания в Киеве М. В. Ломоносова в академической библиотеке имелись рукописи очень многих курсов, прочитанных ранее и сохранявшихся затем на протяжении десятилетий. Все эти руководства были написаны на латинском языке.

В 1702 году Илларион Ярошевский (Ярошевицкий) изложил курс пиитики, известный под названием «Российского Орфея».[1]

В 1705—1706 гг. пиитику в Киевской академии читал Феофан Прокопович. Курс, написанный последним, назывался «Об искусстве поэтическом».[2]

В 1707—1708 гг. Лаврентий Горка[3] и в 1709 году Паисий Клепиц[4] также создали свои курсы пиитики. Среди хранившихся в академической библиотеке курсов пиитики за 1710—1732 гг. были «Дорога поэтов» Нектария Трояновского (1724 год),[5] а также курсы, написанные Симоном Кохановским, Митрофаном Слотвинским, Иннокентием Нероновичем, Феофаном Трофимовичем, Варнавой Старжицким. Авторами курса пиитики были также Иероним Миткевич и Гервасий Линецкий;[6] последний излагал этот предмет во время пребывания М. В. Ломоносова в Киеве.

Все эти курсы переписывались и распространялись в списках, многие из которых дошли в нескольких экземплярах до XX века.

Большая часть этих курсов не представляла собой ничего оригинального. Они (особенно до 1705 года) обычно «рабски следовали пиитике латино-польской».[7] Однако среди всей этой массы словесного мусора, среди бесчисленных перепевов схоластической теории, лишенной живого содержания, а подчас и элементарного смысла, нашлось и здоровое зерно. Им был курс «Об искусстве поэтическом», написанный в 1705 году Феофаном Прокоповичем.

Ф. Прокопович выступил с резкой критикой латино-католической пиитической науки. Высмеивая «фигурные» и прочие «курьйозные» стихи, он указывал на необходимость устранить эти и подобные им «наросты», придуманные в средние века католическими монахами. Бичуя раболепие перед латино-католической пиитикой, он советовал следовать подлинно классическим образцам, созданным такими поэтами, как Гомер, Овидий, Виргилий, Гораций и другие лучшие представители античной поэзии.[8]

До Прокоповича академическая пиитика почти ничем не была связана с запросами политической и общественной жизни страны. Прокопович выступил как поборник сближения поэзии с жизнью народа. С этой целью он советовал развивать наиболее доходчивые формы поэтических произведений, такие как трагедокомедия.

---

[1] Cedrus Apollinis pharetrati Rossiaco Orpheo... in Biccoli Kijovo — Mohyleano Parnasso erecta et ad fluvium Borysthenem pegaseis fontibus irrigata, anno 1702.

[2] De arte poetica libri III, ad usum et institutionem studiosae juventutis Roxolanae dictati Kijoviae in orthodoxa Academia Mohyleana, anno domini 1705.

[3] Idea artis poesos... 1707.

[4] Lyra Heliconis... Paisio Klepic, 1709.

[5] Via poetarum... 1724.

[6] Курс пиитики, написанный Гервасием Линецким, назывался: Epitomae meditationes poeticae... in Academia Russorum orthodoxa Kijovomochylaeana juventi patriaeexplicata ex anno salutis 1734 in annum 1735 octombris die 18.

[7] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903, стр. 143.

[8] Н. К. Гудзий, Феофан Прокопович. В книге «История русской литературы», т. III, М.—Л., 1941, стр. 157—158.

Киевские ученые до Прокоповича даже не упоминали о существовании русских стихов — настолько раболепствовали они перед иностранщиной. Выступление же Прокоповича вызвало раскол. Некоторые из преподавателей продолжали читать курс по старинке, иные только отчасти следовали новому, но были и такие, которые полностью уяснили необходимость развития именно русского стиха.

Феофан Прокопович (1681—1736 гг.).

Ученые монахи, впоследствии писавшие историю Киевской академии, утверждали, будто борьбу за русское стихосложение, начатую Феофаном Прокоповичем, завершил якобы Георгий Конисский, читавший в академии курс пиитики лишь в 1745—1747 гг.[1] Они скрывали от своих читателей, что основоположником подлинной истории русского стихосложения стал еще в 1739 году М. В. Ломоносов. Начатое Ф. Прокоповичем представляло собою, конечно, лишь первые ростки. Всё же, при всей своей ограниченности, идеи Прокоповича не могли не оказать влияния на М. В. Ломоносова, глубоко интересовавшегося поэтикой.

Будучи в Киевской академии, он мог постоянно слышать канты, элегии, приветственные вирши и другие стихотворения, сочинявшиеся по

[1] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903, стр. 142 и 145.

самым разиообразным поводам студеитами и преподавателямн. В Киеве тогда пользовалась популярностью сочинеииая Ф. Прокоповичем в 1705 году патриотическая трагедокомедия «Владимир, славяио-российских стран князь и повелитель».[1] В Киевской академин регулярио ставились стихотворные пьесы и трагедокомедии такнх авторов, как Сильвестр Ляскоронский. Самая пиитика была наиболее любнмым предметом студеитов, постояино обсуждавших поэтнческие произведения.

Всё это ие могло остаться иезамечеииым М. В. Ломоносовым — будущим преобразователем русской поэзии и создателем выдающихся поэтических творений.

Как в самом Киеве, так и по дорогам, соединяющим Киев с Москвой, М. В. Ломоиосов мог часто слышать также разиообразнейшие песни, составляющие одио из самых драгоцеииых достояний украинского иарода. Поэтическое творчество народа — от нсторических эпопей н дум до жизиерадостиых шуточиых песен — было столь ярким, что оставляло глубокий след в душе у каждого, побывавшего на Украине н слышавшего, как звеиит над приднепровскими кручами и просторами песия о жнзнн, радостях и горе иарода, об его историческом пути, об извечиой дружбе сынов иашей страны, жнвущих у берегов Москвы-реки н Волгн, Доиа н Днепра.

Наконец, следует отметить особо то обстоятельство, что иезадолго до приезда М. В. Ломоносова в Киеве было сочннеио глубоко патриотическое произведение, столь широко известиое, что о ием узиавал каждый прнбывавший в город. Это произведение, иаписаниое в 1728 году, было посвящеио великому событню для русского и украиискогo народов — воссоедииеиию Украииы с Россией: «Милость божия, Украину от иеудобьиосимых обид лядских чрез Богдаиа Зеиовия Хмельницкого свободившая».

5

«Риторика есть учеиие о красноречии вообще», — этим определеиием иачал М. В. Ломоносов текст своей кииги об общих правилах «обоего красиоречия, то есть оратории и поэзии».[2]

Москва — первый уииверситет М. В. Ломоиосова в деле изучеиия пиитнки — сыграла такую же роль н при освоении им риторикн. Осиову, заложеииую в Москве, ои мог тогда расширить н углубить только в Киеве. Русская и украннская столицы были тогда единственными во всей страие местами, где разрабатывались н пиитика, н риторика.

Общеизвестно, что нзучая риторику в Москве, М. В. Ломоносов также опирался иа труды украинскнх учеиых. В Государствеииой бнблнотеке СССР нменн В. И. Леииия храиится рукописный, переписаииый частичио рукой М. В. Ломоносова, курс риторики, который читал в Славяио-грекolатиической академии в Москве украииский ученый моиах Порфнрий Крайский.[3]

[1] В. А. Аскочеиский, Киев с древнейшнм его училнщем Академнею, ч I, Киев, 1856, стр. 273.

[2] М. В. Ломоиосов, Краткое руководство к красноречню. Книга первая, в которой содержится риторнка, показующая общие правнла обоего красиоречия, то есть оратории и поэзии, СПб., 1748, стр. 6.

[3] М. В. Ломоносов, Соч., т. 7, М.—Л., 1952, приложения, стр. 790. — Здесь указаио, что это рукопись курса, чнтанного Порфнрием Крайским в 1733—1734 гг. Ломоносов в эти годы побывал в Кневе. Однако инкакнх противоречий в связи с названной датой ие возникает. В те годы существовало обыкновение переписывать ранее прочитаниые курсы. Кроме того, Ломоносов переписал только часть курса П. Крайского, а это показывает, что еслн бы даже он слушал курс последнего, то только на протяжеиии какой-то части учебного года.

Труды украинских ученых в области риторики были широко представлены многочисленными рукописями и в Киевской академии, где их мог изучить М. В. Ломоносов. До наших дней сохранились курсы, прочитанные Илларионом Ярошевским (Ярошевицким) еще в 1702—1704 учебных годах,[1] а также Феофаном Прокоповичем в 1706—1707 гг.[2]

Сильвестр Кулябка, преподававший риторику в Киевской академии во время пребывания в ней М. В. Ломоносова.

Кроме того, в Киевской академии сохранялись латинские тексты курсов риторики, прочитанных в последующие годы Феодосием Глинским,[3] Гедеоном Вишневским,[4] Илларионом Левицким,[5] Вениамином Богацким,[6]

---

[1] Oriens illustrissimus..., 1703; Arbor Tulliana Jasinsciano de caelo illustrissimus gratiarum..., 1703.

[2] De arte Rethorica libri X pro informanda Roxolana juventute utriusque eloquentiae studiosa bono religionis et patriae a Reverendo P. Theophano Prokopovicz traditi Kijoviae in celebri et orthodoxa Academia Mohylaeana anno Domini 1706.

[3] Emporium oratoriae facultatis..., 1710—1711.

[4] Methodus parandae omnis eloquentiae secundum doctrinam..., 1713.

[5] Classis oratoria..., 1716.

[6] Opus de arte rethorica, in IV libres divisum..., 1720.

Илларионом Негребецким,[1] Стефаном Калиновским,[2] Игнатием Бузановским,[3] Иосифом Оранским,[4] Скорачинским и Кувичинским.[5]

В годы пребывания М. В. Ломоносова в Киевской академии риторику здесь читал Сильвестр Кулябка.[6]

Как и пиитика, риторика разделялась тогда на две части: общую и частную.

В вводных лекциях давалось представление о задачах и содержании курса. Иногда здесь же указывались источники — произведения поэтов, ораторов и историков античного мира, писания «отцов церкви» (в основном западной), а также новейших писателей, которые «удачно подражали древним».[7] В вводной же части обычно давалось «риторическое млеко»[8] — наборы красивых фраз, которые будущие ораторы тщательно записывали под диктовку преподавателя.

В общей части курса речь шла: 1) об изобретении доказательств для ораторских произведений; 2) о расположении или построении последних; 3) об изложении; 4) о памяти и 5) о произношении оратора. В частной части курса излагались правила для составления различных образцов религиозных ораторских произведений, панегириков, а также гражданских, в том числе и судебных речей.[9]

Большое значение авторы курсов придавали разделам «О изобретении доказательств» и «О расположении». В первом разделе толковали собственные имена, объясняли гербы, приводили примеры из истории, притчи, сентенции, пословицы, символы, рассказывали о древних обычаях. В разделе о расположении учили составлять так называемые периоды и хрии (то есть краткие нравоучительные речи), панегирики, поздравительные речи для праздников, свадеб, именин. Особое внимание уделяли специальным речам, благодарственным и просительным. Так же, как и при преподавании пиитики, старались, как об этом писал Ф. Прокопович, чтобы питомцы академии умели «прилично поздравлять приятелей, говорить за бокалами благожелательные речи друзьям и торжественным образом встречать годовые праздники».[10]

До Феофана Прокоповича риторика в Киевской академии, как и пиитика, всего лишь рабски повторяла латино-католические руководства, составлявшиеся преимущественно иезуитами.

Ф. Прокопович резко критиковал подобное положение, отвергал латино-католические образцы, настаивал на следовании античным авторам и вместе с тем вел борьбу за развитие риторики на основе отечественного опыта.

Разрабатывая свой курс риторики, Ф. Прокопович действовал еще более решительно, чем в области поэтики. Выступая со свойственными ему энергией и темпераментом против католической традиции церковного красноречия, он писал: «Весьма ложное обуяло нас мнение, ибо мы нелепейшим образом думаем, что, если не пойдем в польские школы, то есть в фабрики

---

[1] Certantibus argo Boristheni fixa ad fortunatas eloquentiae..., 1722.
[2] Instutionum rethoricam libri IX..., 1727.
[3] Congeries praeceptorum rethoricorum..., 1729.
[4] Hortus variis praeceptorum rethorices floribus venustus..., 1730—1731.
[5] Liber rethorices de eloquentia..., 1732.
[6] Praeceptiones quaedam de eloquentia comparanda..., 1733; Libri V de arte rethorica..., 1734.
[7] Д. Вишневский, Киевская академия в первой половине XVIII столетия, Киев, 1903, стр. 146.
[8] «Mamulae eloquentia». Эта часть курса называлась «Enchridion oratorum».
[9] См. Труды Киевской духовной академии, 1866, № 1, 1867, № 3 и др.
[10] Ф. Прокопович, De arte, poetica, кн. 1, гл. 2, л. 10.

испорченного красноречия, то будто бы не можем изучить ораторского искусства».[1]

Ф. Прокопович стремился очистить литературные и ораторские произведения от засорения их символами и аллегориями. Особенно резко бичевал он псевдоученость, маскирующуюся всевозможной мишурой: «Самый обыкновенный недуг нашего времени есть тот, который мы можем назвать курьезным слогом, потому что в числе других средств для приобретения ученой знаменитости ученые хвастуны усвоили себе манеру выражаться как можно удивительнее и необыкновеннее».[2]

Не ограничиваясь теорией, Феофан Прокопович, как известно, создал лучшие из всех существовавших до М. В. Ломоносова образцы ораторских, поэтических и других литературных произведений, проникнутых идеей патриотизма.

Новое направление в риторике, начатое Ф. Прокоповичем, нашло поддержку не у всех киевских ученых. Чаще всего они предпочитали половинчатые решения. Так поступил Сильвестр Кулябка, читавший риторику в годы пребывания М. В. Ломоносова в Киевской академии. В общей части курса Кулябка следовал латино-польскому направлению, а в частной — образцом для него был Ф. Прокопович.

При преподавании и пиитики и риторики в Киеве большое значение придавали не только теории, но и практике. Каждую субботу здесь устраивались «домашние диспуты». Кроме того, во время экзаменов проводились особые диспуты, а по окончании полного курса риторики — торжественные публичные диспуты.[3]

Накануне диспута на воротах Киево-Братского монастыря, где помещалась академия, вывешивали большую афишу — конклюзию, украшенную рисунками. На диспут приезжал киевский архиепископ (впоследствии митрополит). Во время диспутов произносили речи, а также читали диалоги и стихи, сочиненные учениками.[4]

Всё это было очень далеким от жизни, мало понятным широким кругам, не знавшим латинского языка.[5] Всё подчинялось религиозным целям и носило ярко выраженный схоластический характер.

Тем не менее и здесь имелось немало интересного для М. В. Ломоносова, как будущего автора «Риторики», изданной в 1748 году.

Знакомство с наличным опытом помогло ему оттолкнуться от старого и тем смелее и решительнее сформулировать новые идеи и принципы ораторского искусства.

М. В. Ломоносов очень много и долго работал для того, чтобы создать свою книгу по риторике. В 1743 году он завершил ее первый вариант: «Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненное».[6]

Изданию этой книги помешал Г. Ф. Миллер, написавший про одно из основных ее достоинств: «краткость руководства может вызвать подозрение, что в нем опущено многое, включаемое обычно в курсы риторики».[7] Кроме того, Миллер потребовал, чтобы книга была написана на латинском языке.

---

[1] Н. К. Гудзий, Феофан Прокопович. В книге «История русской литературы», т. III, М.—Л., 1941, стр. 158.

[2] Там же, стр. 158.

[3] В. Аскоченский, Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. I, Киев, 1856, стр. 285—288.

[4] М. Булгаков, История Киевской академии, СПб., 1843, стр. 131—132.

[5] Иногда часть речей переводили для публики.

[6] М. В. Ломоносов, Соч т. 7, М.—Л., 1952, стр. 19—79.

[7] Там же, примечания, стр. 792.

На все эти происки М. В. Ломоносов ответил в 1748 году опубликованием не на латинском, а на русском языке своей «Риторики», ставшей народной книгой. Она печаталась при его жизни «не менее трех раз».[1]

Обращаясь к этой книге, мы видим, что М. В. Ломоносов отлично знал и критически учел предшествующий опыт. Его книга начиналась со вступления, за которым следовали три части: «О изобретении», «О украшении», «О расположении». Таким образом в самом названии частей книги получили отражение общепринятые разделы риторики, разработанные киевскими учеными.

Излагая содержание предмета, М. В. Ломоносов также помнил о том, что ему пришлось изучать в Москве и Киеве. Однако он при этом поднялся на огромную высоту по сравнению со своими предшественниками.

Появление «Риторики» имело важное историческое значение.

Отвергнув требования Миллера, Ломоносов дал русскому читателю замечательную книгу на родном языке.

Если раньше курсы риторики писали только представители религиозного культа и лишь для его же будущих представителей, то М. В. Ломоносов покончил с этой монополией духовенства. Далекий от него, он создал книгу, обращенную к самым широким кругам народа.

«Риторика» М. В. Ломоносова сыграла большую роль в очищении русского языка от занесенных в него словесного мусора и иностранщины, от церковных слов и архаизмов. Это великое дело Ломоносов продолжил в своей знаменитой «Российской грамматике», опубликованной в 1755 году, и внес тем самым замечательный вклад в развитие русского языка, о котором он впоследствии писал: «Повелитель многих языков язык Российский не токмо обширностию мест, где он господствует, но и собственным своим пространством и довольствием велик пред всеми в Европе».[2]

Создав «Риторику», принципиально отличавшуюся и по содержанию, и по духу от всего предшествующего в этой области, М. В. Ломоносов обогатил свой труд блестящими мыслями.

Здесь он дал, например, замечательное определение науки: «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение в жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков крепость, утеха в нещастии, в щастии украшение, везде верный и безотлучный спутник».[3]

Всем своим содержанием книга М. В. Ломоносова призывала к труду, к неуклонному движению вперед: «Неусыпный труд препятства преодолевает».[4] Многие изречения, помещенные здесь, приобрели особую силу в наши дни. Врагам мира, вынашивающим планы агрессии, уместно напомнить простые и убедительные слова М. В. Ломоносова: «Войну удобнее начать, нежели к концу привести».[5]

Особенно дорого нам то, что книга М. В. Ломоносова, как и все его труды, была пронизана идеями патриотизма и воспитывала у читателей беззаветную любовь к Родине. «Российские отрады день», писал он в «Риторике», и эти слова лучше всего подходят к самому дню выхода из печати данной книги.

Именно здесь он выразил чувства любви к миру, к созиданию словами, которые с радостью может теперь повторить каждый из нас: «Уже

---

[1] М. В. Ломоносов, Соч., т. 7, М.—Л., 1952, примечания, стр. 809.

[2] Российская грамматика Михайла Ломоносова. СПб., 1755, стр. 5—6.

[3] М. В. Ломоносов, Краткое руководство к красноречию, СПб., 1748, стр. 195—196.

[4] Там же, стр. 18.

[5] Там же, стр. 15

Российские грады от военного шума не смущаются, села в глубоком мире покоятся, пристани и крепости не страшатся неприятельских набегов и так во всей России мир процветает».[1]

В первом же примере, приведенном в начале «Риторики», М. В. Ломоносов перечислил названия, напоминающие о местах, где он родился, где бывал и работал: Двина, Волга, Днепр, Нева.[2] Заканчивая книгу, он процитировал отрывок из своей оды 1748 года, в котором говорилось, как «в лугах, исполненных плодами», текут, шумя «своими чистыми струями», Волга, Днепр, Двина и Дон.[3]

Книга по риторике, написанная М. В. Ломоносовым, была в полном смысле слова русской — по языку и содержанию, по всей своей направленности. И хотя она в корне отличалась от всего сделанного ранее и представляла гигантский шаг вперед — эта книга могла быть создана только потому, что М. В. Ломоносов принялся за нее хорошо вооруженный опытом, который накопили до него в области риторики ученые, работавшие не только в Москве, но и в Киеве.

Историческая заслуга М. В. Ломоносова заключается в том, что он навсегда вывел поэтику и риторику из тесных стен духовных академий, создал научные основы для последующего развития языка, ораторского искусства, поэзии и всей русской литературы.

6

Для М. В. Ломоносова в Киеве было немало поучительного и в других областях культуры и науки. Здесь, как и всюду, не существовало тогда никакого «единого потока». Церковь господствовала, но не безраздельно. В Киевской академии, несмотря на засилье церковщины и средневековой схоластики, появлялись новые, здоровые ростки, связанные, прежде всего, с творчеством Феофана Прокоповича.

Ведь именно здесь, в Киеве, впервые прозвучала пламенная речь Феофана Прокоповича, громившего «стада ослов», «ученых хвастунов», «докторишек», «глупцов», как называл он столпов католицизма, претендовавших на монополию в области поэтики, риторики и иных гуманитарных наук. Именно здесь еще в 1709 году, когда Петр I спустя две недели после разгрома Карла XII проезжал через Киев, Феофан Прокопович выступил с патриотическим похвальным словом в честь Полтавской баталии. Заклеймив изменника Мазепу, он назвал последнего «лютейшим всех зверей рабом» за его попытку отколоть украинский народ от русского.

В Киеве М. В. Ломоносов оказался в центре борьбы против ненавистной украинцам и русским унии, «проклятой» и «треклятой», по определению Феофана Прокоповича. Здесь же последний вместе с лучшими русскими учеными, работавшими в других местах, начал борьбу за передовые взгляды в области естествознания. Феофан Прокопович высоко оценил и пропагандировал взгляды Бэкона и Декарта, защищал теорию Коперника, считая, что она не противоречит текстам «священного писания».[4]

В бытность свою в Киеве Феофан Прокопович выступил и как защитник Галилея.[5] В стихотворении, написанном на латинском языке, он обращался к римскому папе с такими гневными словами:

---

[1] М. В. Ломоносов, Краткое руководство к красноречию. СПб., 1748, стр. 77.
[2] Там же, стр. 8.
[3] Там же, стр. 312.
[4] Н. К. Гудзий, Феофан Прокопович. В книге «История русской литературы», т. III, М.—Л., 1941, стр. 159.
[5] Там же, стр. 171.

«Зачем ты мучишь, о нечестивый папа, усердного служителя природы? Чем, о жестокий тиран, заслужил этот старец такую участь? Папа, ты безумствуешь! Ведь он не трогает твоих миров и не вторгается со злым умыслом в твои священные области, где пламенный Стикс очищает души усопших или где обитают боги и богини, тобой изобретенные. Его земля истинная, твоя же ложная, его звезды создал бог, а твои — обман...»

Выступления Ф. Прокоповича были хорошо известны киевским студентам, среди которых оказался М. В. Ломоносов. Знали они и о речи Феофана Прокоповича в Петербурге, прославлявшей издание «арифметических, геометрических и прочих философских» книг. Большое значение для дальнейшего развития русской литературы имели такие произведения Феофана Прокоповича, как произнесенное им и изданное в 1720 году «Слово похвальное о флоте российском». Показав, что Россия «не к единому морю прилежит пределами своими», он убедительно раскрыл значение флота для нашей страны.

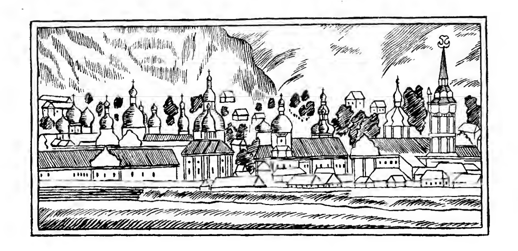
Деятельность Феофана Прокоповича, начатая еще в годы его работы в Киеве, оказала большое влияние на постановку преподавания в Киевской академии, где учился М. В. Ломоносов. Вместе с тем, произведения Ф. Прокоповича перекликаются с тем, что впоследствии создал гениальный русский ученый. Эта преемственность идет по линии не только пропаганды прогрессивных взглядов в науке и передовых патриотических общественных идей, но и целого ряда частных нововведений. Напомним, что именно Феофан Прокопович в бытность его в Киеве предвосхитил Ломоносова, установив взамен многих подразделений слога лишь три его вида — «высокий, средний и низкий, тем ослабляя обязательную регламентацию ораторской речи и предоставляя ей большую свободу».[1] Сопоставим с этим положение, выдвинутое М. В. Ломоносовым, о том, что существуют: «три штиля высокой, посредственный и низкой».[2]

Таким образом, начинания в области науки, зародившиеся в Киеве, имели существенное значение для последующего творчества М. В. Ломоносова. Его поездка на Украину не была и не могла быть бесплодной. Анализ различных фактов убеждает в необходимости рассматривать поездку М. В. Ломоносова в Киев как один из важных моментов в истории культурных связей украинского и русского народов.

---

[1] Н. К. Гудзий, Феофан Прокопович. В книге «История русской литературы», т. III, стр. 158.

[2] М. В. Ломоносов, Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке. Соч., кн. I, М., 1757, стр. 5.



Глава пятая

ПЕРВАЯ РАБОТА М. В. ЛОМОНОСОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1

Русско-укранннские связн нмели решающее значенне для развития промышлеииости иа Украиие во время пребываиия здесь М. В. Ломоносова.

На осиове этих связей улучшались старые промыслы и маиуфактуры, создавались иовые промышлеииые предприятия, располагавшие передовой по тому времеии техникой.

Русские мастера и другие специалисты, приезжавшие из Москвы и ииых промышлеииых цеитров России, делились с украииским народом своими зианиями, опытом н навыками в области промышленности и техиики.

Имеиио так была построеиа в 1726 году большая парусио-полотияиая маиуфактура на р. Судости в нменнн А. Д. Меишикова, в городе Почепе,[1] в дальиейшем ставшая государствеиной. Ее строили русские мастера, прнбывшие нз района Москвы. Онн привезлн с собой и инструмеиты, и оборудоваиие, необходимые для этого предпрнятия.

Плечом к плечу с русскими мастерамн трудились на строительстве украинские крестьяие — посполнтые «по пригоиу, без найму», т. е. работавшие в порядке виеэкономического прннуждения, как это было приият при феодальном строе.

Русские мастера совместио с укранннскими построили также в 1726 году Шептаковскую парусио-полотняиую мануфактуру, прннадлежавшую сперва

[1] Токмаков, Историко-статистическое описаиие города Мглиtermина Чериизовской губернии, Киев, 1888, стр. 104—114. Почеп — местечко Стародубского полка Черниговской губерини. См. А. Щекатов, Словарь географический Российского государства, ч. IV, отд. I, М., 1805, стр. 1274.

Строгановым, затем Меншикову, а с 1727 года — государству.[1] В 1728—1730 гг. русскими и украинцами был построен еще один «парусниный завод» — у с. Великой Топали, Стародубского уезда.[2] О построенной русскими и украинцами в 1720—1722 гг.[3] Путивльской суконной фабрике впоследствии писали, что она «почитается в России из самых лучших фабрик, как отделкою сукон, так строением и великостию своею».

На основе совместного труда русских и украинцев сооружались и другие промышленные предприятия.[4]

Свой вклад в развитие промышленности и техники на Украине внес и Михаил Васильевич Ломоносов.

2

В Архиве Академии наук СССР хранится документ, собственноручно написанный М. В. Ломоносовым и столь важный для истории русско-украинских экономических и технических связей, что его целесообразно воспроизвести здесь полностью.

«Нижайший доклад и непредрассудительное мнение имп. Соляному Коммиссариату о соляных делах, что в местах, между Днепром и Доном положенных, находятся, а особливо о обоих имп. заводах, что в Бахмуте и Торе.

Имп. Коммиссариату уже прежде сего, равно как всем знаемое дело нижайше предложено было, что на е. и. в. провинции между Днепром и Доном ради тамошней экономии два миллиона пудов соли надобно, которое число от большей части из других близ лежащих мест, то есть ис Польши, Крыму и Кубанской степи привозят, а самая меньшая и почти четвертая часть в имп. Бахмутских и Торских заводах варят и продают.

И как чрез сие немалая сумма наличных денег вне государства выходит, и к незаплате имп. пошлин, к тайному непозволенному купечеству и к введению подложных денег случай подало, и вообще имп. казне немалая утрата чинится; такожде очень часто, а особливо во время войны, в соли великая скудость бывает. Того ради по основателном исследовании и зрелом рассуждении о состоянии сего дела за мою должность признал, чтобы имп. Коммиссариату нижайший и моему званию пристойной генералной репорт нижайше учинить купно с непредрассудителным мнением, коим бы образом вышепомянутые государственные утраты и отягощения совсем вывесть и оные по вся годы необходимо нужные два миллиона пуд соли на наших заводах делать, и такою ценою продавать можно было, чтобы не токмо подданные нарочитое облегчение имели, но и имп. казна известной и несравненно большей нежели прежде доход имела.

А что сие по ныне находящему состоянию наших заводов как лутче быть, так и впредки учреждено быть не может, объявляют, не упоминая других многих, следующие главные причины.

---

[1] А. Лазаревский, Описание старой Малороссии, т. I, Киев, 1888, стр. 184; Токмаков, Историко-статистическое описание города Мглина Черниговской губернии, Киев, 1888, стр. 110. Шептаки — местечко Стародубского полка Черниговской губернии, в 12 километрах от г. Стародуба. См. А. Щекатов, Словарь географический Российского государства, ч. VII, М., 1809, стр. 238—239. В дальнейшем здесь была суконная фабрика.

[2] А. Лазаревский, ук. соч., т. I, стр. 417—418.

[3] Сборник Русского исторического общества, т. 130, стр. 31—37. Русскими и украинцами была построена в 1737—1738 гг. также Рясковская суконная фабрика на р. Смоши в Иваницкой сотне Прилукского полка.

[4] Кожевенный завод в Нежине (1730 г.); Шкирмановский (1736 г.) в дальнейшем Шостенский пороховой завод и др.

1) Весма худое и без всякого рассуждения учрежденное строение.
2) Недостаток дров к доволному варению.
3) Толь многое черпанье и оттого происходящий недостаток в работниках.
4) Худое состояние соли.
5) Грубое невежство и задержка, которую там приежжающим по соль людям чинят.
6) Худое содержание тамошних дорог и мостов.
7) Понынешняя опасность тамошней стороны

а имянно

что до первого надлежит (то 1)

Колодези толь худо построены и укреплены, что как дождевая так подземелная вода в росол втекает и оную убожее чинят, притом черпание росола ис колодезей в сковороды таким мешкотливым и трудным образом людскими руками производилось, что плата за черпанье при такой скудной выварки соли болше нежели по дватцати пяти тысяч рублев в год становилась.

2) В соловарнях находятся все те недостатки и пороки, которые быть могут, и которые разумной экономии, а особливо самому нужному бережению дров и следователно главному употреблению противные. Не упоминая, что они со всех сторон полы, и оттого переменной воздух выварку препятствует, да еще же к тому печи и сковороды толь дровам утратны зделаны, что к выварке 50 пуд соли, щитая вообще, по последней мере в Бахмуте 1, а в Торе 2 кубичных саженей дров исходит. Которое буде положить что на обеих заводах 500 000 пуд, (как толь много за нужду выходит) вываривают, то будет дров не менее как 10 000 кубичных саженей, а денгами по бывшей доныне цене, в Бахмуте по четыре, а в Торе, где менше варят, по 1 руб. 40 копеек за сажень, больше нежели 40 000 рублев.

Притом 3) и магазины как от непогод, так и от огня небезопасны и к тому очень малы построены, от чего в них положенная соль больше обыкновенного росплывается, и во всегдашной опасности находится. И оное число, которое пристойная экономия всегда в запасе держать должна, в оных магазинах вместится не может.

4) В рассуждении кузнецов также лутчего состояния нет, и понеже горны и мехи очень худо зделаны и инструментов мало находится, которые притом еще ни к чему негодны».[1]

На этих словах документ обрывается. Написанный, как указывалось, лично М. В. Ломоносовым, этот документ до настоящего времени не был предметом специального исследования. Последнее обстоятельство находится в связи с тем, что остаются не изученными вообще труды М. В. Ломоносова с точки зрения их значения для развития промышленности и техники на Украине.

3

Создание солеваренных заводов, которым посвящен приведенный автограф М. В. Ломоносова, было одним из многих результатов развития и укрепления русско-украинских экономических связей после воссоединения Украины с Россией в 1654 году.

Вскоре после воссоединения русское правительство пошло навстречу просьбе слобожан Изюмского казачьего полка о создании «Соляного

---

[1] Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. I, № 3, лл. 68—69 об. См. также «Горный журнал», 1828 г., кн. X, стр. 148—152; А. Куник, Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865. стр. 378—380.

№ 14. 68 118

Нижайший репорт и непредосудительное мнение в Императорскую Соляную Коммиссию о соляных делах, что в местах между Днепром и Доном положении находятся, а особливо о бывших Императорских заводах, что от Бахмута и Тора.

[illegible]

Начало собственноручно написанного М. В. Ломоносовым текста его работы о солеваренных заводах на Украине. — Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 68.

Продолжение собственноручно написанного М. В. Ломоносовым текста его работы о солеваренных заводах на Украине. — Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 68 об.

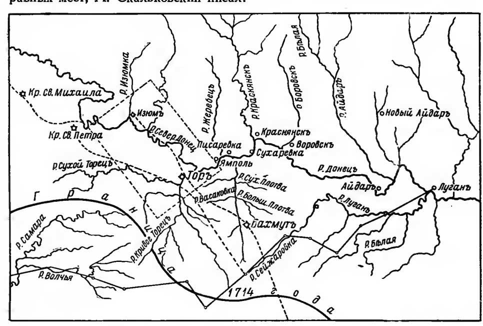
Продолжение собственноручно написанного М. В. Ломоносовым текста его работы о солеваренных заводах на Украине. — Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 69.

Продолжение собственноручно написанного М. В. Ломоносовым текста его работы о солеваренных заводах на Украине. — Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 69 об.

городка» на речке Торец, притоке Северного Донца.[1] Основанный здесь русскими и украинцами городок назвали, по имени реки, Тором.[2] Это был укрепленный пункт, который прикрывал район добычи соли от набегов ногайских и крымских татар.

В дальнейшем в связи с разработкой соли построили город-крепость еще в одном месте прилегающего района — Бахмут (ныне г. Артемовск). И здесь инициатором создания новых соляных промыслов был народ.

Указав на то, что за солью на солеварни на р. Торце приезжали из разных мест, А. Скальковский писал:



Пограничный район Украины с городами Бахмутом и Тором. На карте показана граница, существовавшая до 1742 года.

«Многие из ходивших туда людей, прельстясь после того богатством и раздольем земель на другой стороне Северного Донца и отыскав там на мелкой речке Бахмутке места, имеющие соляные источники, выкопали тут колодези, поселились и даже основали укрепленную слободку».[3]

Почин народа, создавшего донецкие солеваренные промыслы, получил широкую известность. Так, о Бахмуте впоследствии писали: «Сей город особливо славен соляными варницами, открытыми около 1700 году, для прикрытия которых содержится здесь воинская команда».[4]

Инициатива русских и украинцев, вызвавшая к жизни солеварни в Торе и Бахмуте, была использована правительством, которое учредило

[1] А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, Одесса, 1853, стр. 452.

[2] В 1784 году при учреждении Екатеринославского наместничества Тор стал уездным городом и получил новое название — Славенск, а в дальнейшем Славянск (см. А. Щекатов, Словарь географический Российского государства, ч. V, М., 1807, стр. 996).

[3] А. Скальковский, ук. соч., ч. II, стр. 453.

[4] А. Щекатов, ук. соч., ч. I, М., 1801, стр. 367—368. К двадцатым годам XVIII века, в этом районе, как указывают некоторые исследователи, существовали кроме солеварен в Торе и Бахмуте еще и Спеваковские солеваренные заводы.

здесь казенные заводы, известные в XVIII веке под названием «Торецких и Бахмутских императорских заводов».

На соляные деньги, т. е. за счет доходов, получаемых с заводов, здесь содержались войска регулярной армии для охраны промыслов. С целью предотвращения внезапного нападения татар в степь постоянно высылались разъезды в составе 100—200 казаков из слободских полков.

На промыслах работали приписные крестьяне, добывавшие соль «для казенной продажи».[1]

Кроме того, приезжавшим за солью предоставляли за плату возможность самим заниматься вываркой ее из рассола.

Яков Маркович, побывавший здесь в 1727 году, сообщает в своих дневных записках:

«В Бахмуте, кто хочет соль варить на сковороде, должен заплатить в казну за сутки 6 рублей; а дрова всяк себе возит; и поехавши за оными из Бахмута, в 4 дня можно назад повернуться; а купить на сутки дров может за три рубля.

В приготовлении той соли потребно наблюдать, чтобы хорошо воду вываривать; тогда соль не будет таять. Из сковороды выходит соли бахмутских бочек 11 или 12, а бочка в 7 пуд, либо мало больше. Пошлины на дороге в таможню дают от воза по 5 копеек».[2]

За донецкой солью ездили из разных концов Украины, как об этом свидетельствует тот же автор; в 1730 году он посылал своих людей из Глухова в Бахмут: «28 [июля]. Люди мои повернулись из Бахмута и за 12 рубл. привезли соли 115 пуд».[3]

Ввиду того, что солеваренные заводы в Торе и Бахмуте доставляли только около 500 тысяч пудов соли в год, а для левобережной Украины требовалось тогда 2 миллиона пудов, основную массу соли приходилось привозить из-за украинских рубежей, в том числе из Крыма, находившегося под властью Турции. Вот почему развитие добычи донецкой соли являлось жизненно важной задачей, заботившей как русских, так и украинских государственных деятелей и привлекшей внимание М. В. Ломоносова. К моменту его приезда на Украину тяжелое положение с солью стало ощущаться с особенной остротой: в это время назревала война 1735—1739 гг. с Турцией и Крымским ханством.

4

М. В. Ломоносов, в связи с его работами, посвященными отечественной соляной промышленности, написал в последние годы своей жизни записку, в которой указывал:

«Во время турецких и крымских походов, около 1737-го года, когда... Миних находился в украинских местах, тогда получил он имянной указ, что бы постарался осмотреть и поправить соляное дело украинских городов: Бахмута и Тора».

Миних поручил заняться донецкими солеваренными заводами своему фавориту Юнкеру, которого некоторые исследователи считают автором воспроизведенного нами выше документа, собственноручно написанного

---

[1] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Издание Александра Марковича, ч. I, М., 1859, стр. 217.

[2] Там же, стр. 355.

[3] Архив АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 85—86. См. также Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 4—5; А. Куник, Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865, стр. 376—378.

М. В. Ломоносовым. При этом участие великого русского ученого в создании столь важного документа обычно сводят к простому переписыванию или переводу.[1]

Чтобы пролить свет на истинное положение дела, необходимо прежде всего остановиться на некоторых фактах из жизни Юнкера, который до поручения, данного ему Минихом, не имел решительно никакого отношения к соляной промышленности.

Готлиб-Фридрих-Вильгельм Юнкер родился по одним источникам в Шлейзингене в 1702 году, а по другим — в 1705 году в Альтенбурге в Саксонии.[2] Следовательно, он был не намного старше М. В. Ломоносова.

В 1731 году Герард-Фридрих Миллер, учившийся в Лейпцигском университете вместе с Юнкером и затем попавший в Петербургскую Академию наук, устроил последнего домашним учителем в России. По приезде в Петербург Юнкер сошелся с Шумахером, причинившим впоследствии так много зла Ломоносову.

Но особенно важным для Юнкера было покровительство со стороны Миниха, который пользовался огромным влиянием в годы, когда захватил власть ненавистный народу Бирон.

Опираясь на поддержку Миниха, Юнкер очень быстро занял место в рядах академиков, хотя был всего лишь посредственным стихотворцем и не обладал никакими научными познаниями.[3] Даже такие лица, как постоянно поддерживавший его Миллер, считали, что Юнкер «не был способен к занятию места в Академии».[4] Тем не менее, он был назначен вскоре по приезде в Петербург адъюнктом, а в 1734 году, по требованию Миниха, его утвердили профессором (сперва «политики и морали», а затем «элоквенции»). В 1738 году он был даже зачислен в число почетных членов Академии наук.

Столь стремительное продвижение Юнкера объясняется тем, что он приспособился писать без всякой подготовки стихотворные славословия на любую тему, в том числе «застольные куплеты, если таковых от него требовали».[5]

Эту способность он использовал для прославления прежде всего Бирона, его родственников и приятелей, сочиняя различные вирши «на новый год, именины и вообще на всякие подходящие случаи». То, что «профессор поэзии» подражал при этом старинным немецким виршам, особенно умиляло Бирона и Миниха.

В 1735 году академическая карьера Юнкера внезапно прервалась.

Миних, назначенный главнокомандующим русской армии, забрал его

---

[1] Так, А. Куник утверждает, что воспроизведенный нами документ «сочинен не Ломоносовым, а бывшим академиком Юнкером». (А. Куник, Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865, стр. 376—377). В 1937 году исследователь автографов М. В. Ломоносова Л. Б. Модзалевский дал археографическое описание «Нижайшего доклада» с примечанием: «Перевод из Юнкера?». (Л. Б. Модзалевский, Рукописи М. В. Ломоносова в Академии наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 46.)

[2] В. Н. Шемиот, Общий список членов Академии наук со дня ее основания (оттиск), стр. 5 (умер Юнкер в 1746 г.).

[3] «Юнкер находился в Лейпцигском университете в одно время с Миллером, но при своей наклонности к поэзии, поддерживаемой в нем стихами Гюнтера, не слишком-то позаботился о приобретении положительных знаний». (А. Куник, ук. соч., ч. I, стр. XXVI). Для характеристики его деятельности до приезда в Петербург ограничимся напоминанием, что основным занятием Юнкера были ежемесячные выступления в печати на тему: «разговоры в царстве мертвых».

[4] А. Куник, ук. соч., стр. XXVI—XXVII.

[5] Русский биографический словарь, т. «Щапов—Юшневский», СПб., 1912, стр. 326.

с собой на Украину, как писали официально, «для содержания журнала» главнокомандующего. Юнкер, однако, занялся здесь делами, не сводившимися только к писанию этого журнала и прославлению Миниха.[1]

В 1737 году неожиданно закончилась и военная карьера Юнкера. Миних поручил ему заняться соляными делами в Торе и Бахмуте, хотя Юнкер не располагал решительно никакими знаниями и ни малейшим опытом в данной области. Это назначение объяснялось одним щекотливым обстоятельством: Юнкер скомпрометировал себя в такой степени, что не

Бахмут в 1742 году: *А.* Цитадель. *Б.* Часть города со строениями, принадлежавшими соляным заводам. *В.* и *Г.* Форштадты. — По чертежу второй четверти XVIII века.

мог дальше оставаться при армии. Находясь при главнокомандующем, он совершил тяжелое государственное преступление, оказавшись гнусным предателем. Юнкер тайно передал дневник главнокомандующего немецкому дипломату, находившемуся при русском дворе — легационс-секретарю Пецольду, который затем переслал этот секретнейший материал своему правительству.[2]

[1] Во время пребывания при главнокомандующем Юнкер продолжал славословить «сильных мира сего». Оказавшись на некоторое время в Польше, он написал оду в честь польского короля и саксонского курфюрста Августа III, который «хотел привлечь его на сторону саксонского правительства». (Русский биографический словарь, т. «Щапов—Юшневский». СПб., 1912, стр. 326.)

[2] Там же, стр. 326.

О секретнейшем характере документа, переданного изменником Юнкером за границу, свидетельствует его содержание.[1]

Ознакомление с содержанием дневника необходимо для раскрытия истинного облика человека, которому до сего времени пытаются приписать патриотический текст документа об украинских соляных заводах, представляющего на самом деле оригинальный труд бессмертного М. В. Ломоносова.

Прежде всего обращает на себя внимание презрительный тон дневника по отношению к русским. Юнкер дошел до такой наглости, что посмел писать о «трусости» прославленных своей храбростью русских солдат и украинских казаков, входивших в состав русской армии[2] и доблестно сражавшихся за Родину.

Автор дневника последовательно восхвалял всё иностранное и принижал всё русское. Распространяя злобный вымысел о том, будто русские ни к чему не способны, этот враг России утверждал, что якобы единственным средством управлять страной было «больше полагаться на честность и способность иностранцев, особенно немцев, чем прирожденных русских».[3]

Клевеща на русский и украинский народы, Юнкер одновременно передал своим истинным хозяевам секретнейшие сведения о стратегических и оперативных планах русских, о численности, дислокации и передвижениях войск, о состоявшихся в Петербурге решениях тайного совета,[4] об изменениях планов командования в ходе войны.[5]

В дневнике сообщалось, например, о том, что в армии, когда она выступила в поход, было 40 595 солдат регулярных и нерегулярных частей, а также 50 000 лошадей, что затем в нее было направлено 13 000 рекрутов, раскрывалась картина того, как стягивались в действующую армию русские полки с Кавказа и из Польши и т. д. и т. п.

При чтении каждой страницы дневника видно, что его писал заклятый враг России, пробравшийся в самое сердце русской армии для того, чтобы предавать русский и украинский народы, проливавшие свою кровь в войне с Турцией.

Измена Юнкера осталась безнаказанной. Всё же, несмотря на покровительство Бирона и Миниха, он оказался настолько скомпрометированным, что его пришлось срочно удалить из армии. Вместо кары за измену императрица Анна Иоанновна, по совету Бирона и Миниха, назначила Юнкера 30 июля 1737 года «надворным камерным советником и надзирателем украинских Бахмуцких и Торских соляных заводов».

Не обладая никакими положительными знаниями, Юнкер, конечно, ничего не мог сделать в этой чуждой ему и никогда не интересовавшей его области. Он занялся тем, на что был способен, а именно, попав в тяжелое положение, он поспешил сочинить новую оду, прославлявшую Бирона. Попутно заметим, что карьеристу Юнкеру удалось избежать неприятностей и в дальнейшем, когда пали его покровители — Бирон и Миних.

---

[1] Текст журнала главнокомандующего русской армии был впоследствии опубликован в Германии: Tagebuch des russisch-kaiserlichen Generalfeldmarschalls Burchardt Christoph Grafen von Münich über den ersten Feldzug des unter geführten russich-türkischen Krieges. (Опубликован в книге: E. Hermann, Beiträge zur Geschichte des russischen Reichs, Leipzig, 1843, стр. 117—229). Дневник, опубликованный Германном, хранился в Королевском государственном архиве Саксонии без указания на то, как сюда попал. Видимо, доставка его в Саксонию из действующей русской армии была связана с немалыми затруднениями: документ оказался подмоченным в дороге.

[2] Там же, стр. 178—179.

[3] Там же, стр. 126—127. Понятно, что, публикуя дневник через сто лет после его написания, Германн с восторгом ссылается в своем введении на «мнение» Юнкера о русских войсках.

[4] Там же, стр. 128.

[5] Там же, стр. 137.

Получив новое назначение, Юнкер стал действовать весьма ловко, чтобы выйти из ложного положения. Вместо того, чтобы заняться порученным ему делом в Торе и Бахмуте, он поспешил уехать возможно подальше от этих мест и на возможно более длительный срок. После назначения «надзирателем украинских соляных заводов», он отправился на несколько лет в Германию, куда и прибыл еще осенью 1737 года.

5

Нам неизвестно, что делал Юнкер два года в Германии, за исключением того, что он исправно получал жалованье за мнимую работу на Украине. Зато точно известно, что на исходе лета 1739 года он прибыл в Фрейберг, где находился тогда М. В. Ломоносов.[1]

К этому времени Ломоносов, достигший двадцативосьмилетнего возраста, стал зрелым исследователем, обратившим на себя внимание немецких ученых. Христиан Вольф, с которым Ломоносов был связан в Марбурге, признавал, что у молодого русского ученого «самая светлая голова». В июле 1739 года Вольф писал, что Ломоносов — это «молодой человек преимущественного остроумия», что он «безмерно любит основательное учение» и несомненно принесет много пользы своему отечеству.[2]

Прослышав о том, что говорили о Ломоносове, Юнкер не мог не понять, что молодой русский ученый представляет для него сущую находку.

В Фрейберге Юнкер сразу же разыскал М. В. Ломоносова и в дальнейшем (вплоть до своей смерти в 1746 году) использовал его знания и труд. Для новоявленного «специалиста по соляным делам» был особенно выгоден такой человек, как М. В. Ломоносов, который знал соляное дело еще с юных лет, всегда интересовался им и изучил соляные промыслы не только в России, но и в Германии.

Как писал сам М. В. Ломоносов, он еще в молодые годы «у Белого моря бывал многократно для покупки соли к отцовским рыбным промыслам и имел уже довольное понятие о выварке».[3] Кроме отечественных соляных промыслов, М. В. Ломоносов тщательно изучил соляное дело в Германии: «с прилежанием и обстоятельно в Саксонии высмотрел».[4]

Юнкер поспешил использовать знания М. В. Ломоносова для подготовки всех материалов, которые должны были свидетельствовать о компетенции «надзирателя украинских Бахмутских и Торских соляных заводов».

Выручая Юнкера, М. В. Ломоносов, конечно, не мог и подозревать, что последний является изменником; покровители Юнкера помогали ему так скрывать предательские дела, что он остался неразоблаченным и после своей смерти.

Чтобы понять, как мог отнестись М. В. Ломоносов к приезду Юнкера в Фрейберг, напомним, что к этому времени Ломоносов уже третий год был оторван от Родины, страстная и поистине пламенная любовь его к которой навсегда останется одним из самых ярких в истории примеров патриотизма.

Больше того, Юнкер для М. В. Ломоносова был не просто человеком, приехавшим из России, а и почетным академиком, вдобавок обязанным заниматься по долгу своей службы одной из отраслей горнозаводского

[1] Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 4.
[2] Б. Н. Меншуткин, Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова, М.—Л., 1947, стр. 37.
[3] Билярский, ук. соч., стр. 5.
[4] Там же.

дела. Изучение же горнозаводского дела, которому М. В. Ломоносов всегда уделял много внимания и сил, было во время его пребывания в Фрейберге основным занятием великого русского ученого.

Особенно важным для М. В. Ломоносова была возможность воспользоваться имеющимися у Юнкера многими документальными материалами, относящимися к отечественной соляной промышленности — так называемыми «екстрактами о соляном деле».

Такие экстракты, как известно, составлялись специально для начальства, в том числе и для Юнкера, искавшего теперь помощи у Ломоносова. Лишь к этим экстрактам относятся слова М. В. Ломоносова о том, что он во время пребывания Юнкера в Фрейберге «много в четыре месяца от него пользовался в знании соляного дела».[1] Разумеется, учиться чему-либо по соляному делу у самого Юнкера Ломоносов не мог.

Рассмотренные нами ниже материалы показывают, что М. В. Ломоносов был выдающимся знатоком соляного дела и выполнил огромную работу для развития отечественной соляной промышленности. Подытоживая сделанное им в этой области, ученый уже на склоне своих лет писал:

«Из сего можно рассудить, каково имеет сведение помянутой Ломоносов о соляном деле, будучи дватцать лет профессором химии и о соли издал в публику ясные понятия в Слове о рождении металлов и во втором прибавлении к Металлургии».[2]

К этому следует добавить, что, кроме помещенных в «Слове о рождении металлов от трясения земли» и во втором прибавлении к «Первым основаниям металлургии или рудных дел», М. В. Ломоносов опубликовал и другие важные научные материалы о соли, ее месторождениях и добыче.

Иначе обстояло дело у Юнкера, до конца жизни получавшего жалованье за «руководство» соляными промыслами. Как известно, все его старания что-то сделать не дали решительно никаких результатов. «...Юнкер, — свидетельствует М. В. Ломоносов, — не дождав к исполнению своих стараний, скончался».[3]

Единственным в печати следом того, что Юнкер числился «надзирателем» соляных заводов Тора и Бахмута, является извлеченная из его бумаг и напечатанная в 1764 году рукопись «О природном состоянии местности между рр. Доном и Днепром».[4] Однако никем не установлено, что ее автором является именно Юнкер. Он был занят совершенно другими делами, оставаясь верным своей основной специальности — стихотворному прославлению сильных мира сего. Когда на русский престол вступила императрица Елизавета, Юнкер поспешил написать хвалебную оду, в которой проявилось его старое «мастерство» стряпать верноподданнические вирши и издавать их на драгоценных тканях, как это он делал уже во времена Бирона.

Таким был и остался Юнкер, получавший на протяжении десятка лет солидное жалованье за «исполнение соляного дела в России», но решительно ничего не сделавший для него.

Всё это с несомненностью убеждает в том, что М. В. Ломоносов не был и не мог быть всего лишь переписчиком или переводчиком интересующего нас документа об украинских соляных заводах. Такой вывод под-

---

[1] См. А. Куник, Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865, стр. 377.

[2] Там же, стр. 378.

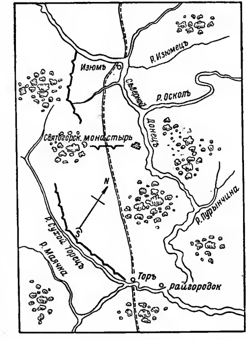
[3] Там же.

[4] Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnepr, aus einer Handschrift des ehemaligen Hoff—Kammer—Raths G. F. Junker. Sammlung Russischer Geschichte, SPb., 1764, S. 1—94.

крепляется также самим содержанием этого документа, которое вполне согласуется со всем, что мы знаем о великом русском патриоте, и совершенно исключает авторство Готлиба-Фридриха-Вильгельма Юнкера — государственного преступника и предателя интересов России.

6

«Нижайший доклад и непредрассудительное мнение» об украинских соляных заводах Бахмута и Тора — документ, исключительный по глубине постановки и решения политической, экономической, технической и научной стороны вопроса. Он сочинен человеком, отлично знавшим соляное дело и, в прямом смысле слова, писавшим «по основательном исследовании и зрелом рассуждении». Его автором мог быть только настоящий патриот, глубоко понимавший интересы государства и народа, рассматривавший частный экономический вопрос с точки зрения коренных нужд народных масс, заботы об облегчении условий их материального положения.



Участок пограничной территории между гг. Тором и Изюмом во второй четверти XVIII века.

Этим автором мог быть только Михаил Васильевич Ломоносов, но не Юнкер.

Лишь Ломоносов мог обосновать необходимость улучшения соляного дела тем, чтобы «подданные нарочитое облегчение имели». Никакие юнкеры не способны были даже приблизиться к подобному пониманию проблем экономики соли — одного из важнейших продуктов потребления народных масс.

В этом своеобразном документе ярко проявилась пронизывающая всю деятельность М. В. Ломоносова борьба за развитие отечественной промышленности. Намечая решение вопросов развития соледобычи на Украине, автор документа произвел прежде всего подсчет общего количества соли, необходимого «для провинции между Доном и Днепром». Из этого количества (2 миллиона пудов) на Бахмутских и Торских заводах «самую меньшую и почти четвертую часть... варят и продают».

Произведя эти подсчеты, автор документа указал на отрицательные последствия вынужденного импорта соли для левобережной Украины «ис Польши, Крыму и Кубанской степи»:

1. Ущерб для государства, наносимый платежами в зарубежные страны за ввозимую соль: «немалая сумма наличных денег вне государства выходит».

2. Потеря из-за ввоза иностранной соли сумм, которые могли бы поступать в государственную казну в виде налога на отечественную соль: «незаплата императорских пошлин».

3. Ущерб государству, наносимый из-за ввоза соли контрабандистами, а также фальшивомонетчиками: «к тайному непозволенному купечеству и к введению подложных денег случай подало».

4. Чрезвычайные затруднения в снабжении населения, так как соль ввозилась из стран, с которыми часто бывают войны: «особливо во время войны в соли великая скудость бывает».

Этот экономический анализ сопровождался обобщающей оценкой положения, создавшегося ввиду необходимости импортировать из-за рубежа основную массу соли: «и вообще императорской казне немалая утрата чинится».

Обосновывая пути такого развития отечественной соледобычи, которое бы дало народу «нарочитое облегчение» от снижения цен на соль, а государству — «известной и несравненно большей нежели прежде доход» от соляного промысла, М. В. Ломоносов разрабатывал научные основы экономики промышленности.

Вместе с тем, анализируя положение, существовавшее тогда на Бахмутском и Торском соляных заводах, М. В. Ломоносов дал классический образец рассмотрения в неразрывной связи вопросов техники и экономики, образец разработки научных основ экономики промышленного предприятия.

Перечислив сперва «главные причины» плохой работы заводов (пункты 1—7), автор документа разбирает каждую из них.

Прежде всего он обратил внимание на плохое устройство скважин для добычи рассола и соляных варниц: «Весма худое и без всякого рассуждения учрежденное строение».

Он указал, что в результате плохой постановки дела портится самое месторождение, ибо в подземные соляные растворы попадают воды осадков и грунтовые воды: «Колодези толь худо построены и укреплены, что, как дождевая, так подземелная вода в росол втекает и оную (рассол. — *В. Д.*) убожее чинят».

Изучив состояние эксплуатации соляных скважин, Ломоносов пришел к выводу о необходимости внести в нее коренные изменения, обусловленные следующими недостатками:

1. Неудовлетворительная конструкция скважин: «худо построены и укреплены».

2. Крайне примитивный способ добычи соляного раствора: «черпание росола ис колодезей в сковороды таким мешкотливым и трудным образом людскими руками».

3. Непомерные расходы на добычу соляного раствора из-за примитивной техники этой добычи: «плата за черпанье при такой скудной выварке соли болше нежели по дватцати пяти тысяч рублев в год».

Если учесть, что на Бахмутских и Торских заводах добывалось около пятисот тысяч пудов соли ежегодно, то только расходы на черпанье рассола составляли не менее 5 копеек на каждый пуд. За пятак же можно было тогда купить пуд хлеба.

Говоря о причинах, вызывающих эти непомерные расходы, М. В. Ломоносов обращал внимание и на чрезвычайно тяжелые условия труда и на невыгодность выполнения «людскими руками» такой трудоемкой операции, как черпанье рассола. Таким образом он очень ясно указывал на необходимость как-то механизировать подъем соляного раствора, что было вполне посильным в то время.

Еще более резко он охарактеризовал положение на соляных варницах, считая, что и здесь налицо «все те недостатки и пороки, которые быть могут».

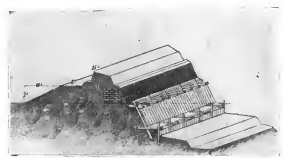
Видя один из наиболее существенных недостатков промыслов в отсутствии «разумной экономии» топлива, «нужного бережения дров», М. В. Ломоносов обнаружил глубокую проницательность в оценке положения на Бахмутских и Торских заводах, ибо главным препятствием для их развития на всем протяжении XVIII века был именно недостаток топлива.[1]

М. В. Ломоносов, однако, не только выяснял недостатки, но и как всегда предлагал меры борьбы с ними. Так он поступил и в данном случае, выдвинув основные принципы промышленной теплотехники.

Говоря современным языком, он предложил вести борьбу с тепловыми потерями:

1) путем правильного устройства заводских зданий — соляные варницы были открыты со всех сторон, из-за чего «переменной воздух выварку препятствует»;

2) путем создания рациональных конструкций печей — «еще же к тому печи и сковороды толь дровами утратны сделаны».



Устройство оборонительной ограды Бахмутской крепости. — По чертежу 1730 года.

Выдвигая эти предложения, М. В. Ломоносов не только дал блестящий теплотехнический анализ, но и продемонстрировал глубокое понимание экономической стороны дела. Произведя экономический расчет, М. В. Ломоносов показал, что расход топлива в Торе был вдвое больше, чем в Бахмуте: «к выварке 50 пуд соли, щитая вообще, по последней мере в Бахмуте 1, а в Торе 2 кубичных саженей дров исходит». Этим он подчеркнул, что даже при существовавшем способе соледобычи расход топлива, как это подтверждала практика одного из заводов, может быть уменьшен в два раза. А это повлекло бы за собой огромную экономию, значительное удешевление соли. М. В. Ломоносов подсчитал, что для выварки на обоих заводах 500 тысяч пудов соли расходуется не менее 10 тысяч кубических саженей дров, т. е. тратится около 40 000 рублей.[2] Следовательно, только стоимость дров составляла на каждый пуд соли — 8 коп., а вместе с расходами на добычу рассола — 13 коп. Отпускная же цена соли равнялась тогда около 10 коп. за пуд.[3]

Технико-экономический анализ работы заводов, произведенный М. В. Ломоносовым, имел таким образом большое государственное значение. Этот анализ всесторонне вскрывал вопиющие недостатки и пороки в организации производства на этих заводах.

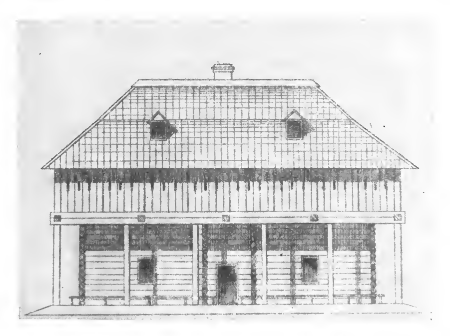
---

[1] В 1782 году заводы пришлось закрыть как раз потому, что из-за большого расхода топлива варка соли «приносила казне больше убытка, нежели прибыли». В решении было записано: «варение соли прекратить и лесов не опустошать». Только в дальнейшем, когда развилась добыча каменного угля, возродилось здесь и солеварение. (А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, Одесса, 1853, стр. 462—463.)

[2] Указав, что в Бахмуте дрова стоят по 4 рубля за кубическую сажень, а в Торе — по 1 рублю 40 копеек, М. В. Ломоносов принял при подсчетах более высокую стоимость, потому что общий расход дров для 500 тысяч пудов соли был определен исходя из количества топлива, расходуемого на 50 пудов соли не на Торском, а на Бахмутском заводе

[3] Я. Маркович, Дневные записки, М., 1859, стр. 355.

Здесь, как показал М. В. Ломоносов, было плохо поставлено всё, включая самое хранение соли. Соляные амбары слабо защищали соль от непогоды и вдобавок были построены так, что они были «и от огня небезопасны». Из-за пренебрежения противопожарными правилами и неудовлетворительности постройки, все запасы соли постоянно «во всегдашней опасности находятся». Соляные амбары были столь малы, что в них не могли вместиться даже самые незначительные запасы, которых «пристойная экономия» требует.



Деревянное укрепление — блокгауз из системы укреплений, прикрывавших границу Украины на Днепре между Киевом и Украинской линией. — По чертежу второй четверти XVIII века.

М. В. Ломоносов не оставил без внимания и вспомогательные цехи заводов. В конце текста документа сказано о кузницах, что и они очень плохи: «также лутчего состояния нет... горны и мехи очень худо зделаны». Нехватало инструментов, а имевшиеся были неудовлетворительными.

Автор «непредрассудительного мнения» отметил и безобразное отношение к приезжающим за солью, создававшее дурную славу для заводов: «грубое невежество и задержка, которую там приезжающим по соль людям чинят».

М. В. Ломоносов не ограничился оценкой положения внутри заводов, а коснулся и трудностей, лежащих за их пределами. Он остановился особо на важнейшей для заводов транспортной проблеме («худое содержание тамошних дорог и мостов»), не забыл сказать и о том, что развитию промыслов мешала постоянная угроза нападения со стороны крымских татар («понынешняя опасность тамошней стороны»).

Всё это показывает, что автор рассматриваемого документа был не только опытным знатоком соляного дела, но и человеком большого государственного ума. Владея исключительно широким кругом знаний в различных областях экономики, техники и промышленности, он охватил все сто-

роны соляного производства и выдвинул смелые предложения, направленные на развитие этой важной отрасли промышленности Украины.

Эксплуатация месторождений, конструкция скважин, техника подъема соляного раствора, способы сооружения заводских зданий и складов, устройство промышленных печей, горнов и воздуходувных мехов, работа кузнецов и их инструменты, борьба с тепловыми потерями и подземными водами, режим хранения соли — во все эти вопросы автор «нижайшего доклада» об украинских соляных заводах внес полную ясность, дал им конкретные, научно обоснованные решения. Такой диапазон был по плечу в те годы только М. В. Ломоносову.

Выше уже говорилось, что анализ целого ряда фактов свидетельствует против признания Юнкера автором документа об украинских соляных заводах. Но даже, если бы мы ничего и не знали о Юнкере — посредственном стихотворце-панегиристе, случайно оказавшемся у соляных дел, то на основе лишь одного текста рассмотренного доклада можно убедиться в том, что М. В. Ломоносов был не простым его переводчиком и переписчиком, а подлинным автором. Об этом говорит не только содержание документа, но и великолепный, сильный, выразительный язык, которым он написан. Каждая мысль изложена здесь так, как в то далекое время умел это делать только основоположник современного русского языка, передовой мыслитель и ученый. И, что самое главное, так писать мог только пламенный патриот, заботившийся о процветании Родины, о благе народа, о его «нарочитом облегчении» в использовании соли, которая, по словам М. В. Ломоносова, есть: «В человеческой жизни весьма необходимо нужная материя».[1]

7

Время, когда М. В. Ломоносов написал рассмотренный нами документ об украинских соляных заводах, точно не установлено. Исследователь автографов М. В. Ломоносова Л. Б. Модзалевский считает, что этот документ относится к 1739 или 1741 году.[2]

Датировку затрудняет то обстоятельство, что документ дошел до нас, видимо, не полностью; он заканчивается четвертой страницей, заполненной донизу и явно имевшей продолжение.[3] Нет никаких данных для датировки и в многочисленных, известных нам документальных материалах о жизни и деятельности М. В. Ломоносова.

Об изучении М. В. Ломоносовым украинского солеварения не упоминается и в его отчетах об испытании различных образцов соли, в печатных высказываниях ученого о соли и соляной промышленности, а также в обобщающем документе на эту тему, написанном самим М. В. Ломоносовым в последние годы его жизни.[4]

---

[1] М. В. Ломоносов, Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 22.

[2] Л. Б. Модзалевский, Рукописи М. В. Ломоносова, М.—Л., 1937, стр. 46—47.

[3] После текста, написанного М. В. Ломоносовым, нет ни подписи, ни даты. Самое содержание документа показывает, что его окончание не сохранилось. Так, переходя к анализу экономического и технического состояния заводов, М. В. Ломоносов перечислил в семи пунктах «главные причины» плохой их работы и затем перешел к детальному разбору каждого пункта («А имянно, что до первого надлежит» и т. д.). Этот детальный разбор обрывается на четвертом пункте. Последние три пункта упомянутого перечня в сохранившейся части документа детально не рассмотрены, хотя все они очень важны. После слов о кузнецах нет ни одной фразы, хотя бы намекающей на что-то подобное концовке.

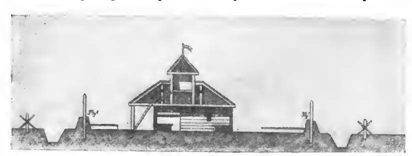
[4] См. записку М. В. Ломоносова о его работах по соляному делу. Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 85—86.

Отсутствие таких упоминаний в позднейших документах говорит о том, что когда М. В. Ломоносов их писал, он уже очень далеко отошел от занятий украинским солеварением.

Наиболее вероятной датой написания рассмотренного исследования об украинских соляных заводах представляется ранняя из возможных, т. е. 1739 год или время, самое близкое к нему.

Это был год, когда с одной стороны у М. В. Ломоносова еще свежи были впечатления от поездки на Украину, а с другой — он впервые получил возможность ознакомиться с официальными документами об украинских соляных заводах, привезенными Юнкером в Фрейберг.[1]

Осведомленность о положении дел на украинских соляных заводах, проявленная автором рассмотренного документа, позволяет предположить,



Укрепление на Украинской линии, прикрывавшей южную границу в районе Бахмута и Тора. — По чертежу второй четверти XVIII века.

что источники, из которых М. В. Ломоносов мог почерпнуть необходимые ему сведения, не ограничиваются документальными материалами, привезенными Юнкером в Фрейберг.

Еще на пути из Москвы в Киев М. В. Ломоносов, проезжая по Украине, имел возможность встречать обозы с солью, шедшие из Бахмута и Тора. Для него, хорошо знавшего соляные промыслы у Белого моря, такие встречи представляли большой интерес. Из бесед с возчиками соли он мог многое услышать о постановке украинских соляных промыслов.

В период, когда М. В. Ломоносов находился на Украине, внимание народа было постоянно привлечено к району Бахмута и Тора не только как к основному центру соляной промышленности.

Тогда проводились большие работы по строительству Украинской укрепленной линии, в состав которой в качестве важных опорных пунктов входили Тор и Бахмут.[2]

Бахмутская и Торская крепости неоднократно упоминаются в докумен-

[1] В пользу 1739 года говорят и такие указания, имеющиеся в рассматриваемом документе: «за мою должность признал» и «нижайший и моему званию пристойной генеральной рапорт». Эти слова показывают, что текст, разработанный и написанный М. В. Ломоносовым, должен был пойти, видимо, от имени Юнкера. М. В. Ломоносов мог писать так только в 1739 году, когда непосредственно общался с Юнкером. С 1741 года М. В. Ломоносов занял настолько высокое положение, что писал всё только от своего имени.

[2] Первый указ о начале работ по постройке Украинской линии относится к 23 мая 1730 года, а в 1731 году эти работы начались. Линия должна была состоять из 16 крепостей и 142 редутов. Работы были особенно усилены именно в 1733—1734 гг., так как в эти годы набеги крымских татар «производились с бо́льшим, чем когда-либо ожесточением». (Ф. Ласковский, Материалы для истории инженерного искусства в России, т. III, СПб., 1865, стр. 68—82.)

тах тех дней в связи с турецко-татарскими набегами. Такие нападения, называемые в документах «обыкновенными набегами», имели место и в 1733, и в 1734 гг.

«В 1734 г. пограничные российские провинции не меньше прежнего разоряемы были», — писало в 1736 году турецкому великому визирю русское правительство, имея в виду постоянные (с 1713 года) нападения, во время которых много приходилось терпеть жителям и Бахмута и Тора.[1]

Ввиду такого положения, работы по усилению укреплений Украинской линии и пограничных городов-крепостей велись ускоренными темпами.

Из Киева, Глухова и других городов, в которых на пути в Киев побывал М. В. Ломоносов, в Бахмут, Тор и прилегающие к ним места, постоянно отправляли людей для работ по постройке новых и усилению старых укреплений. Сюда везли строительные материалы. На Украине везде можно было встретить людей, поработавших или побывавших в этих районах.

Связь всех мест, которые посетил М. В. Ломоносов во время поездки на Украину, с южными рубежами была столь установившаяся, что побывать на соляных заводах Бахмута и Тора не составляло большого труда — стоило лишь присоединиться к любому обозу, направлявшемуся в тот район. Совершать же далекие поездки с обозами для М. В. Ломоносова было давно знакомым делом.

В Киевской академии, как известно, длительные отлучки студентов были обычным явлением. Участие в легко осуществимой тогда поездке в Бахмут и Тор могло быть чрезвычайно заманчивым не только для М. В. Ломоносова, но и для многих студентов. Отправившиеся с обозом могли иметь в дороге умного и энергичного товарища, обладавшего к тому же незаурядной физической силой. Самому же М. В. Ломоносову поездка на украинские солеварни могла дать очень много нового и избавить его хотя бы на время от забот о куске хлеба.

Следовательно, во время пребывания будущего ученого на Украине у него имелись весьма благоприятные условия для поездки в Бахмут и Тор. Предположение о возможности такой поездки подкрепляется содержанием уже рассмотренного нами документа. Последний составлен так, как мог это сделать скорее всего человек, непосредственно побывавший на соляных заводах Украины и на месте ознакомившийся с постановкой соледобычи.

Но о такой поездке нет никаких упоминаний в документах. Ничего не сказано о ней и в тексте, написанном самим М. В. Ломоносовым о его работах по соляным делам.[2] Однако, как это видно из трудов великого русского ученого, он лишь в редких случаях приводил названия даже тех мест, в которых часто бывал и которые знал очень хорошо. Достаточно отметить, что М. В. Ломоносов несколько лет жизни провел у стен московского Кремля, безусловно видел и знал это одно из наиболее замечательных мест нашей Родины, но нигде, ни в одном из своих сочинений не упомянул об этом.

Итак, отсутствие документального подтверждения не является категорическим доводом против возможности поездки М. В. Ломоносова в Бахмут и Тор. В то же время содержание составленного им документа об украинских соляных заводах убедительно говорит в пользу такой поездки.

---

[1] Ф. Ласковский, Материалы для истории инженерного искусства в России, т. III, СПб., 1865, стр. 694—696.

[2] Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 85—86.

Имеются, следовательно, достаточные основания для того, чтобы включить в круг мест, в которых мог побывать и работать М. В. Ломоносов, район Донецкого бассейна, ставший в дальнейшем одним из самых замечательных примеров плодотворности русско-украинских экономических и культурных связей.

8

Работа М. В. Ломоносова, касающаяся соляных заводов Украины, стала исходной для создания им в дальнейшем серии исследований, посвященных поваренной соли, ее месторождениям и их разработке.

В этих трудах М. В. Ломоносов заложил научные основы для развития всего соляного дела в России и для широкого распространения научных знаний о нем. Важно отметить при этом, что вопросами отечественной соляной промышленности великий ученый занимался постоянно, вплоть до конца своих дней.

Возвратившись в 1741 году в Россию после длительной заграничной командировки, он сразу же приступил к работе в этой области.[1]

Начав с исследований украинских соляных промыслов, он в дальнейшем пришел к выводу о том, что отечественная соль по своим качествам не только не уступает зарубежной, но и превосходит ее.

В 1745 году он произвел сравнительное исследование различных отечественных и зарубежных сортов соли.

18 февраля 1745 года М. В. Ломоносов направил в Кабинет е. и. в. рапорт (касающийся не только соли, но и слюды), в котором сообщались результаты выполненных им исследований различных образцов отечественной соли «для пробования их крепости и доброты одной против другой».[2]

В числе изученных М. В. Ломоносовым солей была «илецкая натуральная соль», о которой он писал, что она «всех протчих солей тверже», выделяется своим белым цветом и отличается малой гигроскопичностью: «с воздуха в себя влажности отнюдь не притягивает».

М. В. Ломоносов сообщал, что в илецкой соли «по пропорции против других солей воды меньше» и вместе с тем «больше той материи, которая в составлении соли есть главная». На основании различных опытов М. В. Ломоносов пришел к заключению, что илецкая соль лучше всех, известных тогда в России: «Для таких свойств надобно сию соль в твердости, силе и споризне предпочесть протчим солям».

Высоко оценил М. В. Ломоносов и астраханскую соль — «астраханской бузун тонкой серой слой», — признав ее следующей по качествам («в доброте, крепости и споризне») после илецкой натуральной соли. По мнению ученого, «астраханской бузун» также отличался твердостью и очень малой гигроскопичностью: «...влажности с воздуха в себя не тянет, в толчении тверд». В этом сорте соли, как выразился М. В. Ломоносов, есть «знак доброго пропорционального смешения солкой материи».

После тщательного опробования следующими по качеству были признаны М. В. Ломоносовым такие сорта отечественной соли, как «соль илецкая серце», «астраханской бузун белой толстой слой», «ингерская озерная соль», «обелейская озерная соль», «пермская соль».

Занимаясь исследованием этих образцов и опираясь на свой опыт изучения соляной промышленности, М. В. Ломоносов никогда не сводил дело

---

[1] Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 85—86.

[2] Центральный Государственный архив древних актов, фонд Госархив, XVI, № 808, лл. 150—152. См. также Сб. «Ломоносов», т. III, М.—Л., 1951, стр. 471—473.

к простому анализу соли, а стремился изыскать способы улучшения самого ее производства. По изучении пермской соли и форм ее кристаллов, он рекомендовал улучшить способы добывания, так чтобы «чрез порядочное варение доброту сея соли много повысить».

Вскоре после этого рапорта М. В. Ломоносов написал еще один отчет об изучении отечественных солей.

5 марта 1745 года он сообщил в Кабинет е. и. в. о произведенных им сравнительных исследованиях трех сортов иностранной соли с «российскими сольми».[1] Для сравнения он использовал только-что изученные им семь отечественных сортов, а из иностранных — «шпанскую», «сантутскую» и просто «заморскую» соли.

Исследование показало, что «сантутская» и «заморская» соли по своим качествам занимают такое же место, как и «ингерская» и «обелейская» соли, помещенные М. В. Ломоносовым среди отечественных образцов на пятое-шестое место. Только испанская соль приближалась к «илецкой соли — серце», занимавшей третье место: «шпанская соль толь же сильна как илецкая соль — серце, а илецкой натуральной соли и астраханского бузуну серого слою — слабее». Кроме того, испанская соль была много грязнее обоих сортов отечественной соли.

Произведя все эти исследования, М. В. Ломоносов показал, что отечественные солевары производят соль, намного превосходящую по своим качествам зарубежные сорта.[2]

9

Непосредственно помогая развитию отечественной соляной промышленности, М. В. Ломоносов многое сделал для разработки научных основ геологии соляных месторождений.

В своем «Слове о рождении металлов от трясения земли» (6 сентября 1757 года) он выдвинул смелую по тому времени теорию их происхождения: «вся горная соль есть соль морская; ...морская соль раждается от разрушения растений и животных».[3]

М. В. Ломоносов привел целую систему доказательств, обосновывающих выдвинутую им теорию. А именно, он указал, что «в горной соли морские животные находятся». Вместе с тем, он обратил внимание на сходство кристаллов морской и горной соли: «горная соль по большей части состоит из зерен разной величины, фигуры кубической, как обыкновенно морская соль варением садится».

Выдвинув и обосновав теорию осадочного происхождения ископаемой соли, М. В. Ломоносов опроверг широко тогда распространенное мнение, будто соль попадает в морскую воду из месторождений ископаемой соли: «И так, ...солоность моря не от горной соли, как многие думали, но обратным образом сия от оной, по большей вероятности происходит».

---

[1] Центральный Государственный архив древних актов, фонд Госархив, XVI, № 808, лл. 163—164. (См. также Сб. «Ломоносов», т. III, М.—Л., 1951, стр. 473—474.)

[2] Из сохранившихся документов видно, что М. В. Ломоносов всю жизнь занимался разнообразнейшими вопросами, связанными с изучением соли. В феврале 1745 года он собирал материалы, необходимые для анализа различных сортов соли. (Архив Академии наук СССР, ф. 3, оп. 1, № 94, л. 72 и № 1069, л. 250.) В 1750—1755 гг. исследовал различные образцы соли и ее физико-химические свойства. (Там же, ф. 3, оп. 1, № 1113, л. 480 об., 1750 г.; ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 143—148, 1752—1753 гг. и т. д.) В 1755 году он производил анализы соли самосадки и тузлука и дал им обстоятельные характеристики. (Там же, ф. 3, оп. 1, № 707, лл. 181—182.)

[3] М. В. Ломоносов, Соч., т. III, СПб., 1784, стр. 156—159.

Дав столь передовую по тому времени теорию происхождения морской соли, М. В. Ломоносов раскрыл картину круговорота соли в природе, изобразив со свойственной ему силой, глубиной и убедительностью процессы, происходящие «по целой земного шара поверхности».

Много внимания геологии соли уделил М. В. Ломоносов и в своем обобщающем труде по горнозаводскому делу «Первые основания металлургии или рудных дел», а также во втором прибавлении к этой книге, носящем название «О слоях земных».

В этой книге есть специальный раздел: «О загустелых соках минеральных или солях».[1] Здесь прежде всего устанавливается, что каменная или горная соль отличается от выварной: «она той тверже, вкусом крепче, большими кусками в земле находится, и в воде разпускается не столь скоро». Кроме того, Ломоносов рассмотрел действие огня на разные сорта соли, некоторые ее химические и физические свойства, ее перекристаллизацию и формы кристаллов. Он сообщил также ценные сведения о «великом множестве» мест нахождения соли в природе — в морской воде, в соляных источниках и в недрах земли, особо отметив изобилие каменной соли в Сибири. Всё это было завершено сопоставлением каменной соли и добываемой из подземных рассолов — с морской.

Обобщая результаты своих исследований, М. В. Ломоносов в труде «О слоях земных» дал описание некоторых отечественных и зарубежных месторождений соли,[2] разработав одновременно вопрос о месте, которое вообще месторождения соли занимают среди прочих ископаемых.[3] Как и в других случаях, он опирался при этом на опыт отечественной промышленности, обращаясь прежде всего к лучшим месторождениям, образцы соли из которых он уже изучал. Именно на примере илецкой соли он показал чередование пластов в месторождениях ископаемой соли:

«Илецкая соль лежит следующим порядком: 1) песок на две сажени толщиною, 2) илецкая ж натуральная соль в аршин; чиста, только не так прозрачна, как 3) следующая под нею соль, называемая сердце, в коей чистые и прозрачные хрустали находят около полуфута длиною, 4) под сим лежит хрящь затверделой. Примечания достойно, что в ямы, где соль вырыта, росол исподтиха сжимается и их наполняет новою солью. Положение места есть равное, от реки Илека на четыре версты расстоянием».[4]

Далекий от какой бы то ни было национальной ограниченности, М. В. Ломоносов отдавал должное и отечественным и зарубежным месторождениям соли. Так, он исключительно высоко оценил Карпатские месторождения: «В Европе нет славнее Польских соляных копей, что недалече от Кракова при Бохне и Величке. Ибо из них почти вся Польша и другие соседние места довольствуются».[5] В числе «соседних мест», как это видно из его исследования Бахмутских и Торских соляных заводов, М. В. Ломоносов имел в виду Украину.

В том же труде «О слоях земных» он обобщил свою теорию происхождения соли, как вторичного, т. е. осадочного минерала: «...соль есть материя сложенная... она, конечно, непервозданная».[6]

Этот решающий вывод для геологии соли М. В. Ломоносов подкрепил

---

[1] М. В. Ломоносов, Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 21—22. В конце книги он указал, что «ради краткости» не рассматривает солеваренные заводы как особую, специфическую отрасль горнозаводского дела (там же, стр. 157).

[2] М. В. Ломоносов, О слоях земных. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 183—184.

[3] Там же, стр. 185.

[4] Там же, стр. 203.

[5] Там же, стр. 202.

[6] Там же, стр. 259.

доказательствами, вытекающими из его химических исследований как соли, так и других веществ. Здесь же он в качестве одного из доводов, обосновывающих его теорию, привел положение о том, что «соль разрушается в несоль 1) чрез химическую перегонку, 2) в морских рыбах, которые, несмотря что в соленой воде родятся, возрастают и питаются солеными морскими травами и илом; однако ж свежи, и к сохранению своему от согнития не меньше соли требуют нежели свежие речные рыбы».

М. В. Ломоносов, таким образом, вопреки широко распространенному ошибочному представлению, изучал, и притом чрезвычайно глубоко, не только неорганическую природу, а и процессы, происходящие в живых организмах. Его мысли о том, что происходит с солью в организме рыб, имели важное значение для последующей разработки теоретических проблем физиологии и биохимии.

Опираясь на факты, установленные им при химическом и биохимическом исследовании, он завершил обоснование своей теории о вторичном происхождении соли выводом «о небытии соли с начала света».

Выясняя, где именно встречаются и как расположены одни относительно других различные месторождения соли, он писал, что «горная соль не меньше, лишь бы не больше, сыскивается в местах от моря отдаленных; не упоминаю о множестве соляных ключей, изтекающих из земного недра».[1]

Так М. В. Ломоносов разрабатывал и общие и частные проблемы геологии соли.

10

Разносторонний вклад, внесенный М. В. Ломоносовым в теорию и практику соледобычи, в науку о соли и ее месторождениях, находится в неразрывной органической связи с общей системой его теоретических взглядов и предложенных им практических решений, охватывающих все виды полезных ископаемых, весь комплекс горно-геологических наук и всё горнозаводское дело.

М. В. Ломоносов именно потому и смог первым в мире сделать этот вклад, что он стоял на почве самого передового тогда научного мировоззрения, исходящего из идеи вечной изменяемости природы. На основе идеи развития и взаимосвязи всех явлений, он не интуитивно предвосхитил, как иногда изображают дело,[2] а, опираясь на изученные им факты, разработал принципы научного истолкования существующего в природе круговорота материи.

Ставя в заслугу М. В. Ломоносову то, что он, далеко опередив Ляйэлля, был подлинным провозвестником принципа актуализма в геологических науках, современные исследователи уже отметили, что именно актуалистический подход позволил ему дать правильные представления и об общем ходе развития Земли, и о генезисе минералов, включая и данное им объяснение происхождения каменной соли.[3] Говоря о наличии органических остатков (морских животных) в пластах каменной соли, он и в этом случае впервые разрабатывал теорию, называемую теперь фациальной приуроченностью органических остатков. Почти за сто лет до Эли де-Бомона он не только выступил с учением «о слоях земных» и о многократности эпох их образования и нарушения, но и применил это учение к месторождениям

---

[1] М. В. Ломоносов, О слоях земных. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 202.
[2] А. С. Хабаков, Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России, ч. I, М., 1950, стр. 115.
[3] Там же, стр. 116.

каменной соли. Также опередил он всех ученых и в разработке теории строения кристаллов, к чему подвели его исследования разнообразных кристаллических веществ, в том числе и кристаллов соли, образующихся при различных условиях.

Таким образом, начатое М. В. Ломоносовым еще в годы пребывания на Украине изучение соляных месторождений помогло ему выдвинуть и обосновать взгляды и принципы, общепринятые теперь в горно-геологических науках.

Движущей силой, которая при этом руководила М. В. Ломоносовым, была его безграничная любовь к Родине, его стремление возможно шире поставить природные богатства на службу человеку.

«Солью поверхность земная немало изобилует»[1] — к этой мысли об изобилии природы, которое должно стать достоянием людей, М. В. Ломоносов возвращается в своих сочинениях неоднократно. Открывая человечеству знания о земле, о богатстве ее недр, он направлял его на поиски новых и новых месторождений:

«Примечания достойно, что горная соль в земле лежит слоями ж, в безмерно великом множестве, по разным местам всего света. Знатное ее количество, покрывающее часть земной поверхности, видели мы выше; но сколько оныя лежит закрытыя другими слоями? Думать надобно, что больше, нежели снаружи видно». И дальше: «Знатных только соляных копей на свете один реестр составить может нарочитую книгу».[2]

И Ломоносов больше кого-либо другого в XVIII веке сделал для того, чтобы вписать лучшие страницы в эту «нарочитую книгу» природы.

Изучение отечественных полезных ископаемых, начавшееся с работы об украинской соли, привело гениального ученого к величественному замыслу: создать книгу, охватывающую и раскрывающую все богатства земных недр.

Приступая к «толь важному делу и всему обществу полезному», он организовал сбор по всей стране сведений о полезных ископаемых, включая соль.

В октябре 1759 года Академия наук обратилась в Сенат с просьбой дать распоряжение о сборе сведений «для сочинения нового исправнейшего российского атласа».[3] Ниже подписи президента Академии К. Разумовского, бывшего тогда украинским гетманом, на этом документе стоит подпись: «Михайло Ломоносов».

К обращению в Сенат М. В. Ломоносов приложил перечень вопросов, по которым следует собирать сведения. Требовалось дать ответ по тридцати пунктам. В числе последних был специальный пункт о месторождениях горной, озерной и морской соли и о соляных промыслах: «10. Где есть усолья, сколько соловарен, и по многу ль чренов; где есть озерная или морская самосадка, либо горная соль; где есть старые оставленные усолья».

Вопрос о месторождениях и добыче соли входил как одно из звеньев в общую систему грандиозного плана М. В. Ломоносова охватить геологическими, географическими,[4] экономическими, статистическими[5] и иными

---

[1] М. В. Ломоносов, О слоях земных. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 183.

[2] Там же, стр. 201—202.

[3] Центральный Государственный архив древних актов, фонд Канцелярии Сената, № 3005, лл. 348—349.

[4] См. В. Ф. Гнучева, Ломоносов и Географический департамент Академии наук. Сб. «Ломоносов», т. I, М.—Л., 1940, стр. 245—266; А. И. Андреев, Труды Ломоносова по географии России, Сб. «Ломоносов», т. II, М.—Л., 1946, стр. 130—143.

[5] См. М. В. Птуха, М. В. Ломоносов как экономист и статистик, Сб. «Ломоносов», т. II, М.—Л., 1946, стр. 143—215.

исследованиями всю страну, включая, конечно, Украину. В этот план входило и создание специального печатного органа — ведомостей, освещающих внутреннюю жизнь страны, ее экономику, развитие промышленности.[1] Предусматривалась также, как одна из самых важных частей плана, организация в пределах всего государства сбора минералов и руд и создание сводного научного их описания — «Российской минералогии».[2]

Документы показывают, что во время всех этих работ М. В. Ломоносов всегда помнил о месторождениях соли и заботился о развитии ее промыслов.

Осенью 1761 года в одном из распоряжений Ломоносова по Географическому департаменту Академии наук говорилось в специальном пункте: «1. NB. От соляных дел справиться о всех российских усольях и куда соль развозят».[3]

В 1761 году М. В. Ломоносов направил в Сенат свой проект сбора во всем «пространном Российском государстве» всех минералов и руд,[4] а в 1763 году опубликовал проект создания «Российской минералогии», текст которого разослал во все концы страны.[5] По осуществлении этих проектов он намеревался в сводном труде отвести место обобщающей характеристике русских и украинских месторождений и промыслов соли. Именно об этом говорит промемория, подписанная М. В. Ломоносовым в августе 1763 года[6] и направленная из Канцелярии Академии наук в Главную соляную контору. В ней также шла речь о необходимости присылки в Академию сведений о месторождениях и добыче соли во всех местах Российского государства, в состав которого входила и Украина.

Все эти грандиозные начинания М. В. Ломоносову не пришлось довести до конца из-за преждевременной его смерти в апреле 1765 года. Тем не менее, он успел внести замечательный вклад в дело изучения и использования подземных богатств как в своем отечестве, так и в зарубежных странах.[7]

М. В. Ломоносов щедро отплатил и за то, что почерпнул во время своего пребывания на Украине. Начав с изучения донецких соляных месторождений, он в дальнейшем всесторонне осветил все вопросы, связанные с этой отраслью промышленности, заложил краеугольный камень для последующего развития техники соледобычи и самой науки о соли.

Учитель и наставник отечественных рудознатцев, горняков и заводских людей, он протянул руку помощи всем, кто разыскивал и разрабатывал месторождения полезных ископаемых по всей России и на Украине. Здесь

---

[1] Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 392—393.

[2] В. В. Данилевский, Ломоносов как исследователь русских руд. Сб. «Ломоносов», т. III, М.—Л., 1951, стр. 206—225; Б. Б. Кафенгауз. О «Российской минералогии М. В. Ломоносова». Исторический архив, т. V, 1950, стр. 179—189.

[3] Архив Академии наук СССР, ф. 3, оп. 10а, № 160, л. 63.

[4] Центральный Государственный архив древних актов, фонд Канцелярии Совета, № 3254, лл. 536—537; там же, № 3558, л. 203.

[5] Билярский, ук. соч., стр. 625—628; Центральный Государственный архив древних актов, фонд Берг-коллегия, № 1283, лл. 319—320, 322 и др.

[6] Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 3, № 135, лл. 1—2.

[7] Академические издания, в которых выступал М. В. Ломоносов, были известны во всех странах Европы. Здесь не только пользовались этими русскими изданиями, но и полностью их перепечатывали. Так, в 1740—1752 гг. итальянские ученые переиздавали в Болонье первые восемь томов комментариев русской Академии наук, опубликованных на латинском языке. (А. Куник, Материалы для истории Академии наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865, стр. 502—503.) О широком распространении в зарубежных странах трудов М. В. Ломоносова, как и других академических изданий, говорят и переиздания, а также многочисленные отклики и рецензии в иностранной печати. Этому вопросу в части, касающейся горно-геологических наук, посвящены специальные исследования (см. Очерки по истории геологических знаний, вып. I, М., 1953, стр. 7—35).

хорошо знали в те годы об изданиях Академии наук, публиковавшей труды М. В. Ломоносова.[1] И, если на Украине читали даже специальные академические издания на латинском языке, то гораздо шире был круг читателей, знавших такие обращенные к народу на русском языке труды М. В. Ломоносова, как «Слово о рождении металлов от трясения земли», «Первые основания металлургии или рудных дел», «О слоях земли» и «Известие о сочиняемой Российской Минералогии».

Таким образом, возникнув на основе русско-украинских культурных связей, работы М. В. Ломоносова, посвященные горнозаводскому делу, в том числе — поморским и украинским соляным промыслам, в свою очередь способствовали укреплению этих связей в научно-технической области.

Отмечая ныне 300-ю годовщину воссоединения Украины с Россией, русский и украинский народы могут с признательностью вспомнить о том, что у истоков русско-украинских научно-технических связей высится величественная фигура славнейшего из мужей мировой науки, что первая работа М. В. Ломоносова, относящаяся к отечественной промышленности и технике, была посвящена природным богатствам и промышленности Украины, и что его работы явились замечательным вкладом великого русского ученого в безбрежный и всепобеждающий народный труд.

---

[1] Во время пребывания М. В. Ломоносова на Украине здесь читали различные издания Академии наук. В дневнике Я. Марковича 10 апреля 1734 года записано: «Приехал из С.-Петербурга Андрей Горленко и привез мне... примечания русские Академии С.-Петербургской». (Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. Издание Александра Марковича, ч. I, М., 1859, стр. 423.)

Глава шестая

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С УКРАИНОЙ, В РАБОТАХ М. В. ЛОМОНОСОВА

1

Свое пребывание на Украине М. В. Ломоносов использовал для наблюдений, пригодившихся ему при разработке важных теоретических положений в различных областях науки. Будущий ученый накапливал здесь, в частности, наблюдения над климатом. Он хорошо знал, как протекает, например, зима в Киеве.

Разрабатывая учение о земной поверхности и окружающей ее воздушной оболочке — атмосфере, М. В. Ломоносов уделял большое внимание выяснению роли верхнего слоя последней — «морозного слоя» или «холодного слоя».[1] При этом он установил важную закономерность: «...тут зима, где морозной слой атмосферы до земли досягает».

Показав, что на экваторе «морозной слой» находится на высоте примерно четырех верст над уровнем моря, М. В. Ломоносов пришел далее к выводу, что этот слой «около полярных поясов, то есть на 66½ градуса, лежит уже на земли».

Рассматривая все явления природы не в статическом состоянии, а в их движении и взаимной связи, М. В. Ломоносов показал, что и расстояние между «морозным слоем» и земной поверхностью непрерывно изменяется: «Сие соединение перемениется, отдаляясь от оного пояса (полярного круга. — *В. Д.*) летом к северу, зимою к полудни».

[1] М. В. Ломоносов, О слоях земных. В книге: Первые основания металлургии или рудных дел. Прибавление второе. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 174.

Эти теоретические положения М. В. Ломоносов использовал при разработке своего учения о климате, согласно которому климатические условия в любом пункте земной поверхности определяются не только географическим положением (широтою) данного пункта, но и его высотой над уровнем моря.

В то время еще не было систематических, научно поставленных метеорологических наблюдений, необходимых для обоснования этого открытия. М. В. Ломоносов, однако, нашел выход: он воспользовался личным опытом, накопленным в местах, где бывал, — в Москве, Киеве и Петербурге. Неслучайно обоснование выдвинутого им важного теоретического положения о зависимости климата от расстояния между земной поверхностью и «морозным слоем» атмосферы М. В. Ломоносов начинает такими словами: «Удивительно покажется, ежели кто подумает о разности климатов и о разности разтворения теплоты и стужи в Санктпетербурге, в Москве и в Киеве».[1]

Прежде всего, ученый напоминает о географическом положении этих городов: Киев — 50 градус с. ш., Петербург — 60 градус с. ш., а Москва «на половине сей разности», т. е. на 55 градусе. Однако, рассуждает далее М. В. Ломоносов, если бы всё дело сводилось только к широтному положению географических пунктов, то «...должно бы в Москве быть зиме посредственной между Санктпетербургскою и Киевскою». В действительности же положение было иным. Московская зима мало отличалась от петербургской: «Однако, Московская зима едва чувствительно разнится от здешней». Между тем длительность зимы в Киеве резко отличалась от того, что было и в Москве, и в Петербурге: «Напротив того Киевская короче двумя, а иногда и тремя месяцами, нежели Московская».

Подобное положение, как следует из теории, выдвинутой М. В. Ломоносовым, можно было объяснить разностью высот над уровнем моря. Однако ученый, видимо, не располагал соответствующими измерениями, зато указал другие критерии для решения задачи. Он обратил внимание на то, что истоки великих русских рек, протекающих в европейской части России, расположены ближе всего к Москве:

«Но разсмотрев по течению рек, что Москва на горе, а Санкт-Петербург и Киев лежат на подолах, ясно уразумеем, что сколько Москва отдалением от полюса больше теплоты должна иметь перед Санктпетербургом, сколько ж оныя теряет повышением и приближением к морозному слою атмосферы».

Что касается краткости зимы в Киеве, то она, по мнению М. В. Ломоносова, зависит от двух факторов: географической широты и значительно меньшей, чем в Москве, высоты над уровнем моря: «Напротив того Киев, отдалясь от полюса к екватору и от морозного слоя атмосферы к равновесию морской поверхности, пользуется двумя согласующимися в произведении теплоты причинами».

Рассмотренный текст из сочинения «О слоях земных» позволяет прийти к следующим выводам.

М. В. Ломоносов использовал знание динамики явлений природы на Украине для решения чрезвычайно важных теоретических задач и притом в столь сложной области, как наука о климатах.

Опираясь на свои личные наблюдения, он впервые в истории начал научную разработку вопросов климатологии для Украины.

Следует при этом обратить внимание на одно существенное обстоятельство. Замечание о длительности зимы в Киеве («короче двумя, а ино-

---

[1] М. В. Ломоносов, О слоях земных. В книге: Первые основания металлургии или рудных дел. Прибавление второе. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 175.

гда и тремя месяцами нежели Московская») высказано Ломоносовым не вскользь, не мимоходом. Вряд ли бы он стал выдвигать важное положение для теоретических решений только на основании лишь чьих-то случайных рассказов.

Следовательно, приведенный выше текст представляет собой еще одно из доказательств пребывания М. В. Ломоносова в Киеве. Это пребывание к тому же было настолько длительным, что Ломоносов мог наблюдать здесь и начало и конец зимы. Так как он мог приехать в Киев только после зимы 1732/33 года и возвратился в Москву в середине 1734 года, имеются основания утверждать, что М. В. Ломоносов провел в Киеве зиму 1733/34 года.

2

Материалы, относящиеся к Украине и привлеченные М. В. Ломоносовым для разработки различных научных проблем, касаются не только мест, в которых он побывал или мог побывать.

Внимание М. В. Ломоносова неоднократно привлекали, например, Карпаты. Он знал о природных богатствах, скрывающихся в их недрах. Как уже указывалось, он специально писал о месторождениях поваренной соли на Карпатах.[1]

Приступив к созданию теории происхождения янтаря, М. В. Ломоносов использовал для ее обоснования материалы, относящиеся к Карпатам.

«В Карпатских горах, — писал он, — лежит помянутая материя при рудных местах, но больше во флецах и в соседстве окаменелого и мозглого дерева».[2]

Разрабатывая свое учение о поверхности земли, о материках и о горах, М. В. Ломоносов постоянно вспоминал о Карпатах.

«Четыре известные части света, — писал он о материках, — представляют пять гор главных, то есть целая Азия, Африка, Европа, Южная, Северная Америка».[3] Затем, говоря о великой русской равнине, он указывал на Рифейские горы (Урал) на востоке и на Карпатские хребты на западе.

М. В. Ломоносов особо подчеркнул значение Карпат, выдвигая свою теорию «четырех главных возвышений», то есть горных стран Европы.

На первом месте он назвал Валдайскую возвышенность, поднимающуюся в центре великой русской равнины, на втором — Карпаты, и только на третьем и четвертом местах — Пиренеи и Альпы. Такая последовательность была не случайной.

«Первое весьма пологое, — писал М. В. Ломоносов о «четырех главных возвышениях» Европы, — около Ржевы пустой и в других близ лежащих местах, из коих протекают великие и знатные реки во все четыре главные стороны света: Волга на возток, Днепр на полдень, Двина на запад, Волхов на север. Второю вершиною почесть должно Карпатские горы; Пиринейские и Альпийские хребты, третьею и четвертою».[4]

Из приведенного текста видно, что М. В. Ломоносов при определении «главных возвышений» исходил не из абсолютной высоты гор, но из других, более важных признаков.

Отводя первое место Валдайской возвышенности, он учитывал ее определяющее значение для самой большой части европейской территории.

---

[1] М. В. Ломоносов, О слоях земных. В книге: Первые основания металлургии или рудных дел. Прибавление второе. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 22 и 202.
[2] Там же, стр. 267.
[3] Там же, стр. 171.
[4] Там же, стр. 178.

Поднимаясь в центре восточной Европы, эта возвышенность давала исток четырем великим европейским рекам, бассейны которых охватывали всё пространство от Северного Ледовитого океана и Балтики до Черного моря.

Ставя на второе место Карпаты, М. В. Ломоносов тем самым подчеркивал значение для Европейского материка и этой замечательной горной страны Украины.

Немало имеется в трудах великого ученого и иных высказываний, показывающих, как хорошо он знал территорию Украины и какое значение он придавал многим ее местам для познания строения земного шара.

Знание Украины М. В. Ломоносов неоднократно использовал для обоснования своего учения о внешних и внутренних факторах изменения лика Земли.

Оценивая роль внешних факторов, М. В. Ломоносов указал, что их воздействие «чувствуют почти только материи слабые, как песок, глина, чернозем и сим подобные».[1] Он проиллюстрировал это, в частности, на изменении морских берегов и на движении песков. Анализ роли «внешних действий» он завершил словами: «Но таким силам не подвержены великие горы».

Для обоснования этого вывода М. В. Ломоносов сослался из отечественных мест только на Днепровские пороги.

Образно передавая мысль о могучей способности гор выдерживать удары внешних сил, он писал: «Свидетельствуют сильным бурям и тучам смеющиеся каменные хребты и вершины, презирающие ужасную быстрину великого Океана, малые острова и пороги Днепрские, Нильские и Ниагарские и другие, ни во что вменяющие с ужасным шумом падающих тяжких вод стремление».[2]

Тщательно изучив различные внешние факторы изменения поверхности Земли, М. В. Ломоносов пришел к выводу, что еще более важное значение имеют внутренние факторы. «Иной силы требовала земная равная наружность, чтобы много выше равновесия морского поднять всю Азию, или хотя часть ее Рифейские горы. Иное должно было происходить движение, иной шум, звук и гром, нежели каковы чувствуем во время сильной грозы и бури, при волнах бьющего в береги моря, или от стремления падающих [вод с] великих порогов».

Разрабатывая основы новой отрасли науки — динамической геологии, — М. В. Ломоносов и в других случаях прибегал к материалам, относящимся к территории Украины. Он неоднократно писал о Черном море, омывающем ее берега. В связи с проблемой происхождения соли он критиковал ученых, ошибочно объяснявших высокое содержание соли в водах Черного моря тем, что оно якобы где-то в своих глубинах вымывает горную соль из ее месторождений: «...напрасно некоторые ученые стараются Черное море осолить горною солью, которою оное, якобы в себя вымывая, больше протчих морей оныя содержит, что и в самом деле едва ли правда».[3]

Наряду с интересом к украинским соляным промыслам, М. В. Ломоносов в годы его пребывания на Украине мог ознакомиться и с распространеным здесь тогда добыванием селитры — отраслью промышленности, ставшей впоследствии также предметом исследования для великого рус-

---

[1] М. В. Ломоносов, О слоях земных. В книге: Первые основания металлургии или рудных дел. Прибавление второе. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 238—239.

[2] Там же, стр. 239.

[3] Там же, стр. 257. — М. В. Ломоносов писал о том, что «было некогда время, когда весь Океан и все протчие моря состояли из воды пресной».

ского ученого.[1] Как и каждый, бывавший на Украине, он имел возможность видеть здесь селитряницы, остатки которых сохранились до наших дней у околиц очень многих украинских сел.

Для украинского народа очень важно и то, что М. В. Ломоносов положил начало науке об одном из самых драгоценных полезных ископаемых — каменном угле, которым так богаты недра Украины. Он разрабатывал основы изучения каменноугольных месторождений.[2] Ему принадлежит роль зачинателя в деле изучения подземных пожаров каменных углей.[3] Идеи М. В. Ломоносова по этому вопросу были развиты затем русскими учеными, что, как известно, привело к открытию Д. И. Менделеевым подземной газификации углей, названной В. И. Лениным одной из великих побед техники.[4]

М. В. Ломоносову были известны весьма разнообразные ископаемые находки на Украине. Он писал об обнаруженных в земле бивнях мамонтов: «Мамантову кость по Сибире, и в самой великой и в малой России, также и в Северных краях Пустозерских в земле находят».[5]

Все эти факты были необходимы М. В. Ломоносову для обоснования разрабатываемых им основ палеонтологии.

Выдвинув тезис, что «науки наукам много весьма взаимно способствуют»,[6] М. В. Ломоносов дал замечательные примеры решения самых сложных теоретических проблем на основе комплексного использования многих отраслей научного познания. В свою очередь, это открывало широкие перспективы для плодотворного изучения и использования природных богатств всей России, в том числе и Украины.

Способствуя своими трудами укреплению и развитию русско-украинских культурных и научных связей, М. В. Ломоносов вооружал и русских и украинских «любителей рудных дел» знаниями, которые он назвал «отменным зрением, коим не токмо по земной поверхности, но и в недра ее глубоко проникнуть можете, то есть по наружности и о внутренностях дознаться; или, как просто говорят, по нитке знаете и клубка добраться».[7]

Призывая к познанию недр родной страны, М. В. Ломоносов впервые начал разработку геологии и физической географии Украины.

Создавая проекты астрономических экспедиций Академии наук, М. В. Ломоносов предусмотрел их работу и на Украине. В составленный им в сентябре 1764 года список «Експедиции, расположенные от севера к полудни» он включил экспедиции в Глухов, Киев, Запорожье, Бахмут.[8] В списке «Експедиции, расположенные от запада к востоку» им были предусмотрены Бахмут, Запорожье и Киев. Эти, как и другие его проекты, впоследствии помогли изучению Украины.

Забота об Украине, о развитии ее промышленности проявились и при разработке М. В. Ломоносовым задания для составления «карты продуктов российских». Он намечал для всей страны три таких карты, а одну из

---

[1] М. В. Ломоносов, Диссертация о рождении и природе селитры. В книге Б. Н. Меншуткина: Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.—Л., 1936, стр. 292—327; М. В. Ломоносов, О слоях земных. Соч., т. IV, 1784, стр. 183.

[2] М. В. Ломоносов, О слоях земных. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 197—201, 263—264; Соч., т. III, СПб., 1784, стр. 160 и т. д.

[3] М. В. Ломоносов, О слоях земных. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 264—265.

[4] В. И. Ленин, Одна из великих побед техники. Соч., т. 19, стр. 41—42.

[5] М. В. Ломоносов, О слоях земных. Соч., т. IV, СПб., 1784, стр. 188.

[6] Там же, стр. 278.

[7] Там же, стр. 280.

[8] Л. Б. Модзалевский, Рукописи М. В. Ломоносова в Академии наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 202—208 и 348—349.

них специально для Украины «со всеми заднепрскими местами и границами польскими и турецкими».[1]

В памяти народа навсегда останется то, что именно М. В. Ломоносов положил начало научному изучению Украины и ее природных богатств.

3

Выдающийся вклад внес М. В. Ломоносов в разработку истории древнерусского государства, с возникновения которого началась история и России, и Белоруссии, и Украины.

Киевской Руси М. В. Ломоносов целиком посвятил одно из своих замечательных исследований: «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года».[2] Вопросы истории Киевской Руси получили также освещение в «Кратком Российском, летописце»[3] и в других сочинениях великого ученого. В «Идеях для живописных картин из Российской истории» он назвал целый ряд сюжетов, относящихся к эпохе Киевской Руси: «Взятие Искореста», «Основание христианства в России», «Совет Владимиру от духовенства», «Единоборство князя Мстислава», «Горислава», «Мономахово единоборство», «Мономахово венчание на царство».[4]

Во всех этих сочинениях М. В. Ломоносов проявил себя как замечательный ученый-патриот.

Он первым выступил против лженаучной «теории» норманизма, которую начали распространять в те годы ученые из иностранцев, нашедшие приют в нашей стране и отплатившие народу за его гостеприимство клеветническими вымыслами о происхождении древнерусского государства.

Разоблачая попытки Г. Ф. Миллера извратить русскую историю, М. В. Ломоносов писал:

«Все ученые тому дивиться станут, что древность, которую приписывают российскому народу и имени все почти внешние писатели, опровергает такой человек, который живет в России и от нее великие благодеяния имеет».[5]

В своих замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского» М. В. Ломоносов показал, что это сочинение представляет собой грубейшую фальсификацию: «...на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечем истребляют».[6] По словам М. В. Ломоносова, если бы Г. Ф. Миллер «умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».[7]

С возмущением клеймил М. В. Ломоносов наглую клевету Миллера о якобы иностранном происхождении даже самого «имени российского»: «Но едва можно чуднее что представить, как то, что господин Миллер думает, якобы чухонцы варягам и славянам имя дали».[8]

---

[1] Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 135—136 и др.
[2] М. В. Ломоносов, Соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 163—286.
[3] Там же, стр. 287—306 и 346—351.
[4] Там же, стр. 367—369
[5] Там же, стр. 42.
[6] Там же, стр. 21.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 22.

Когда Академия наук предложила М. В. Ломоносову «освидетельствовать вторично» эту диссертацию, то он опять очень четко ответил: «На сие я репортую, как и прежде, по присяжной моей должиости, как прямому сына отечества надлежит, что оной диссертации никоим образом в свет выпустить не надлежит». [1]

М. В. Ломоносов неустанно боролся с попытками фальсифицировать русскую историю и стремился восстановить правду о народе, «к величию и славе рожденном». Лучшим способом для этого он считал самостоятельное исследование н на все происки врагов и злопыхателей ответил созданием своей «Древией Российской истории».

Несмотря на то, что исторические источники тогда были еще очень слабо изучены, М. В. Ломоиосов сумел показать древиость и величие древнерусской народиости, ее историческую роль, мощь и величие созданного ею древнерусского государства.

С присущей ему живостью, силой и убедительностью М. В. Ломоносов дал современным читателям яркое представление о древиерусском государстве, которое уже при Ярославе Мудром пришло «к великой зиатности и славе» [2] и положило иачало русской истории.

Украинцы, как и русские н белоруссы, читая его исторические сочинения, встречали на их страиицах очеиь многие упомииания о землях, входящих ныие в состав Украины. М. В. Ломоносов писал о Волыни, [3] Древляиской земле, [4] Червоиой или Чермиой Руси; [5] часто, в связи с миогочисленными событиями, называл такие украинские реки, как Днепр, [6] Десна, [7] Припять, [8] Сула, [9] Рось [10] и другие. Неодиократио писал ои про такие древние украинские города, как Переяславль, [11] Берестов, [12] Вышгород, [13] Чернигов [14] и т. д.

В его работах упоминается немало и ииых географических пунктов, иаходящихся на территории Украины. Но особенно часто в трудах М. В. Ломоносова фигурирует древиий Киев. [15]

Внимание Ломоносова неоднократно привлекали важиейшие исторические события, происходившие на Украине и связанные с совместной борьбой русских и украинцев с иностраиными интервентами.

Исторические воспоминания о победоносиом Полтавском бое со шведами вдохновлялн Ломоиосова-патриота, когда в 1755 году он писал свое нзвестиое «Слово похвальное Петру Великому». [16] О Полтавской баталии писал он много раз. [17]

---

[1] М. В. Ломоиосов, Соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 80.
[2] Там же, стр. 285.
[3] Там же, стр. 175, 274 и 279.
[4] Там же, стр. 230, 232, 235 и др.
[5] Там же, стр. 175.
[6] М. В. Ломоиосов, Надпись иа илумииацию... 1753 год. Соч., т. I, М., 1757, стр. 169; см. также: Соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 25—27 и др.
[7] М. В. Ломоносов, Соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 175, 190 и 270
[8] Там же, стр. 175, 190 и 296.
[9] Там же, стр. 175, 190, 235 и 270.
[10] Там же, стр. 211 и 249.
[11] Там же, стр. 222, 228 и 272.
[12] Там же стр. 256, 275 и 281.
[13] Там же, стр. 235, 256 и др.
[14] Там же, стр. 222, 228 и др.
[15] Там же, стр. 175, 204, 214, 215, 219—223 и ми. др.
[16] М. В. Ломоиосов. Собраиие разных сочииеиий в стихах и прозе, ки. 1, изд. 2, М., 1757, стр 231—232.
[17] М. В. Ломоиосов, Примечаиия иа рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера, 1757 г. Соч., т. 6. М.—Л., 1952, стр. 91; Его же, Краткий Российский летописец. Соч., т. 6, стр. 341—342.

Конечно, в постановке и разрешении проблем русской истории М. В. Ломоносов был ограничен условиями своего времени и уровнем тогдашней исторической науки.

Однако еще за два столетия до наших дней он наметил верное направление в исторических исследованиях. Для него всегда были неразрывны исторические судьбы русского и украинского народов, и он уже тогда рассматривал Украину как неотделимую часть великого русского государства, созданного и развивавшегося, как мы теперь знаем, на основе совместного исторического творчества русского народа с такими братскими народами, как украинцы и белоруссы.

4

В трудах М. В. Ломоносова неоднократно встречаются высказывания, показывающие, что он очень хорошо знал быт украинского народа.

В сочинении «О сохранении и размножении российского народа» он указал на вред распространенного, особенно среди украинской молодежи, обычая постригаться в монахи. Отметив, что монашество всегда ведет «к греху, а не ко спасению» и из-за этого к «приращению народа немалая отрасль пресекается», М. В. Ломоносов писал:

«Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини, которое хотя в нынешние времена и умалилось пред прежним, однако еще много есть излишества, особливо в Малороссии и при синодальных школах».[1]

Считая, что монашество в молодости представляет собой не что иное, как «черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода», он требовал: «...клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет».

Наблюдение М. В. Ломоносова относительно чрезвычайного распространения монашества среди украинской молодежи было несомненно почерпнуто им в Киеве, где в годы его пребывания монахи и вообще люди духовного звания (носившие клобуки и рясы) составляли основную часть городского населения.

Как показывает приведенное высказывание, М. В. Ломоносов обратил особое внимание на распространение монашества среди питомцев «синодальных школ», т. е. студентов Московской и Киевской академий.

Эти наблюдения входят в систему фактов, подтверждающих не только поездку М. В. Ломоносова на Украину, но и плодотворность этой поездки для формирования будущего ученого, а также его глубокую заинтересованность в судьбе украинского народа, в частности, в вопросе о естественном приросте украинского населения.

Своим исследованием «О сохранении и размножении российского народа» М. В. Ломоносов совершил по крайней мере три важнейших дела. Как автор этого сочинения, он явился одним из основоположников общей демографии — науки, изучающей население. В то же время, рассматривая конкретные вопросы, он положил начало демографии как русского, так и украинского народов.

И во многих других своих сочинениях М. В. Ломоносов писал в этом плане об Украине и ее населении. Он неоднократно называл в своих трудах жителей различных мест Украины. Такие названия, как киевлянин,

---

[1] М. В. Ломоносов, Соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 387.

прилучанин[1] приводятся им наравне с аналогичными обозначениями обитателей других городов и местностей страны: холмогорцев, куростровцев, москвичей, ярославцев, туляков, костромитян, ржевцев.

Накапливая примеры, необходимые ему для решения грамматических задач, М. В. Ломоносов неоднократно записывал и термины, связанные с жизнью украинского народа, вроде гетманьша, шляхтянка, козачка.[3] Часто при освещении вопросов грамматики вспоминал он названия украинских городов, рек и среди них в первую очередь Днепр,[4] Киев,[5] Нежин[6] и другие города, лежавшие на пути из Москвы в Киев.

Конечно, большинство украинских географических терминов привлекалось М. В. Ломоносовым не только потому, что он побывал на Украине, а еще и в связи с изучением различных материалов, ее касающихся.

Украина и Россия были для М. В. Ломоносова в такой мере неразделимы, что он считал, что существует единый «российской язык», разделяющийся «на три диалекта: 1) московской, 2) поморской, 3) малороссийской».[7]

Говоря об этом взгляде М. В. Ломоносова не следует, однако, забывать, что он жил в далеком XVIII веке. Понадобилось почти целое столетие, в течение которого совершил свой творческий подвиг бессмертный Т. Г. Шевченко и развернулась деятельность И. Котляревского и других представителей передовой украинской литературы, для того чтобы чудесный украинский язык предстал во всем своем великолепии, как оригинальный и самостоятельный язык великого народа.

Но уже М. В. Ломоносов фактически рассматривал украинский язык как вполне равноправный с «московским», т. е. с русским языком. Украинский народ никогда не забудет, что первое выступление в научной печати об его языке принадлежит великому русскому ученому, познакомившемуся с украинским языком во время поездки в Киев.[8]

Называя в своих сочинениях обитателей и разнообразнейшие места Украины, великий ученый о многих из них впервые упомянул в русской печати. А это было очень важно, ибо слово М. В. Ломоносова сильно звучало и широко расходилось по всей России, проникая в самые отдаленные части страны. В своих произведениях он распространял знания об Украине, о делах, происходивших здесь и при его жизни и в далеком прошлом.

5

Неоднократно со времени появления первых его поэтических произведений, М. В. Ломоносов писал о совместной борьбе русского и украинского народов с общими врагами. В своих произведениях он воссоздавал

---

[1] М. В. Ломоносов, Материалы к Российской грамматике. Соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 638.

[2] Там же, стр. 638.

[3] Там же, стр. 639.

[4] Там же, стр. 647. См. также стр. 102 и 374.

[5] Там же, стр. 574, 575, 624, 641, 647 и 671.

[6] Там же, стр. 647.— Здесь же рядом с Нежином он назвал и свой родной Куростров.

[7] Там же, стр. 608. См. также его же Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен. Там же, стр. 83.

[8] Об украинском языке идет речь и в других, помимо приведенных, местах сочинений М. В. Ломоносова. Так, имея в виду переход буквы «ять» в «і», он писал, что украинцы «в просторечии е от ѣ явственно различают» (Соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 431)

героические картины борьбы с печенегами во времена Святослава, воспевал подвиги, совершенные при Владимире, и иные дела.

В 1739 году в оде на победу над турками и татарами и на взятие Хотина М. В. Ломоносов писал:

Козацких поль заднестрской тать,
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать
С пшеницей где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Ни где не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал,
Влекут к тому торжеств изрядства.[1]

Поэтически называя украинские земли, прилегающие к Черному морю, «краем Понтийским», М. В. Ломоносов в 1742 году в одной из своих од напоминал шведам, — «смиренным мстительным огнем», — об их поражениях:

Примеры храбрости Российской
Представь теперь в уме своем;
Воззри на Дон и край Понтийской
Смиренный мстительным огнем.
Там степи кровью напоенны
Родили лавры нам зелены
Багрова там земля тряслась,
И к небу с дымом пыль вилась;
Россиян твердо грудь стояла,
И слава их во мгле блистала.[2]

Особенно часто, как уже указывалось, М. В. Ломоносов обращался к одному из самых крупных событий, происшедших в прошлом на землях Украины — к Полтавской битве. В 1748 году он снова описал тяжелое поражение, нанесенное русскими и украинцами шведским захватчикам, которых привел на украинскую землю «Гот» — Карл XII:

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где Гот гордящийся упал
С торжественныя колесницы,
При коей в узах он держал
Сарматов и саксонов пленных,
Вселенну в мыслях вознесенных
Единой обращал рукой.
Но пал и звук его достигнул
Во все страны, и страхом двигнул,
С Дунайской Вислу быстриной.[3]

Славя героизм народа в борьбе с чужеземными захватчиками, М. В. Ломоносов постоянно писал о созидательном общенародном труде, придавая особенное значение развитию просвещения, науки. Говоря о бескрайних просторах великого государства, «где Волга, Днепр, где Обь течет», он убежденно предсказывал:

Богатство в оных потаенно
Наукой будет откровенно...[4]

---

[1] М. В. Ломоносов, Собрание разных сочинений в стихах и прозе, кн. 1, изд. 2, М., 1757, стр. 152.
[2] Там же, стр. 44.
[3] Там же, стр. 90—91.
[4] Там же, стр. 78.

Он призывал все народы, населяющие Россию, выдвигать из своей среды «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов».

В памяти народов нашей страны навсегда сохранится обращенный к ним страстный призыв великого ученого и патриота — укреплять государство, развивать промышленность и технику, науку и искусство.

6

Во время поездки М. В. Ломоносова на Украину началось его знакомство с особой отраслью производства, созданной в нашей стране еще во времена Киевской Руси, а именно с производством мозаик из цветных стекол.

М. В. Ломоносов возродил и развил русское мозаичное дело с такой силой и совершенством, что оно за короткий срок далеко превзошло достижения в этой области, имевшиеся в зарубежных странах. Разработав оригинальную технику изготовления цветных стекол и мозаичного набора из них, он вместе с тем заложил научные основы для всего последующего развития теории и практики этого производства. Создавая теперь мозаики, украшающие подземные дворцы Московского метрополитена и другие монументальные сооружения, советские мозаичисты успешно продолжают дело, начатое М. В. Ломоносовым.

В этом замечательном начинании исходным для М. В. Ломоносова было древнерусское мозаичное искусство. В Киев ведут нити, соединяющие его первое знакомство с мозаиками, и шедевры, которые он создал впоследствии.

Однако вплоть до последнего времени было распространено ложное мнение, будто М. В. Ломоносов при воссоздании и развитии мозаичного дела в России отправлялся не от русского, а от римского опыта и всего лишь «подражал» образцам, изготовленным в мастерских Ватикана.

Подобная версия, получившая широкое хождение, возникла еще в XVIII веке. Уже тогда Я. Я. Штелин утверждал, что М. В. Ломоносов якобы лишь около 1746 года впервые воочию увидел мозаику и что вдобавок это была не русская, а римская мозаика, подаренная М. И. Воронцову папой Бенедиктом XIV.[1] Больше того, Я. Я. Штелин в своей записке «О мозаике» сделал даже попытку изобразить эту римскую мозаику не только первой увиденной М. В. Ломоносовым, но и вообще первой в России. Говоря о привезенных М. И. Воронцовым из Рима «разнообразных и отличных образцах старых и новых мозаик», Я. Я. Штелин добавил: «это были первые вещи этого рода, подобных которым в России никогда не видали».

Аналогичное мнение повторили в XVIII веке и другие биографы М. В. Ломоносова.[2] Распространяя подобные измышления, Я. Я. Штелин внушал читателям, будто Ломоносов не знал русских мозаик и, увидев римские, стал всего лишь подражать последним: «...пожелал он тотчас произвесть подобную работу в России».[3]

---

[1] См. В. К. Макаров, Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики, М.—Л., 1950, стр. 288.

[2] [М. И. Веревкин], Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова. Соч. М. В. Ломоносова, т. I, СПб., 1784, стр. XVI; Я. Я. Штелин, Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его слов Штелиным, 1783 года. В книге: А. Куник, Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII в., ч. II, СПб., 1865, стр. 402.

[3] См. А. Куник, ук. соч., ч. II, стр. 402.

Эти измышления пересказывались последующими авторами вплоть до самого последнего времени.[1] В результате возникла ложная версия, согласно которой М. В. Ломоносов якобы никогда не видел древнерусских мозаик и занялся мозаичным делом исключительно только в порядке подражания мозаичным образцам, изготовленным в Риме в папских мастерских.

Разоблачение этой вредной версии чрезвычайно важно не только потому, что речь идет о М. В. Ломоносове, выступившем организатором мозаичного производства в России, но еще и потому, что в связи с мозаичным делом он разрабатывал важнейшие вопросы науки.

М. В. Ломоносов приступил к изучению и изготовлению цветных стекол с высокой научной целью.

Одной из самых любимых тем, которыми он занимался, была разработка теории света и теории цветов.[2] С предельной краткостью он сформулировал важное положение: «Цветы происходят от Света». Чтобы изучить световые явления и заложить основы цветоведения как науки, М. В. Ломоносов избрал в качестве основного материала для опытов стекло, позволяющее изучать световые явления при проходящем и при отраженном свете, и притом, при любой окраске. В «Письме о пользе стекла» (1752 год) он писал, что «все, что есть прекрасно, стекло являет нам приятно, чисто, ясно», что стекло «чрез оптику» позволяет прогнать «глубокую неведения тьму» и что «далече до конца стеклу достойных хвал, на кои целый год едва бы мне достал».[3]

В конце 1763 года в «Росписи» своих работ М. В. Ломоносов указал, что он лично выполнил более четырех тысяч опытов по изготовлению цветных стекол, причем «не токмо рецепты сочинял, но и материалы своими руками по большей части развешивал и в печь ставил, несмотря на бывшую тогда жестокую ножную болезнь».[4]

Выполнив собственноручно столь гигантскую работу, которой могло бы хватить на целую жизнь, М. В. Ломоносов, одновременно занимавшийся множеством других первостепенных работ, блестяще решил поставленные им перед собой научные задачи в области оптики и цветоведения. Вместе с тем, он разрешил и огромную производственную задачу, построив в 1753—1754 гг. Усть-Рудицкую фабрику для производства цветных стекол любых тонов и расцветок, из которых изготавливались разнообразнейшие изделия, в том числе и смальты для мозаичного набора.[5]

Усть-Рудицкая фабрика является первым известным нам промышленным предприятием, созданным на основе научных исследований. Кроме

---

[1] В 1948 году, приведя аналогичные высказывания Б. Н. Меншуткина, М. А. Безбородов писал: «Мы не обсуждаем вопроса об источниках и о времени появления интереса у Ломоносова к стеклу; весьма возможно, что Б. Н. Меншуткин прав, связывая начало увлечения Ломоносова стеклом с эстетическими восприятиями его, полученными при ознакомлении с итальянской мозаикой, привезенной М. Л. Воронцовым из-за границы. Могут быть, однако, и другие предположения. Недостаток материала не дает нам надежных оснований для их высказывания». (М. А. Безбородов, М. В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов. М.—Л., 1948, стр. 74—75.)

[2] М. В. Ломоносов, Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее, июля 1 дня 1756 года говоренное. Соч., т. III, СПб., 1784, стр. 105—142.

[3] М. В. Ломоносов, Соч., т. II, СПб., 1803, стр. 188—202.

[4] М. В. Ломоносов, Записка о своих трудах (Роспись сочинениям и другим трудам советника Ломоносова). Публикация Л. Б. Модзалевского. В книге: Научное наследство, т. I, М.—Л., 1948, стр. 17.

[5] На основе пятилетних археологических раскопок Усть-Рудицкой фабрики, произведенных нами в 1949—1953 гг. в Ломоносовском районе, Ленинградской области, заканчивается теперь подготовка специального труда, где будут освещены все стороны деятельности М. В. Ломоносова по производству и изучению цветных стекол. В связи с этим ограничиваемся здесь только краткими указаниями на то, что М. В. Ломоносов знал древнерусские мозаики, находящиеся в Киеве, и изучал опыт их творцов.

того, она была своеобразным заводом-лабораторией, где производственная деятельность постоянно сочеталась с научной.

Всё это показывает, насколько важно решить вопрос о том, что же послужило исходной основой для М. В. Ломоносова при разработке им как сложного комплекса проблем науки о свете и цвете, так и теории и практики производства цветных стекол, теории и практики мозаичного дела. Явилась ли таким отправным пунктом традиция самобытного отечественного народного искусства, или М. В. Ломоносов только подражал образцам, привезенным от папы Бенедикта XIV?

При решении этого вопроса необходимо учесть важное указание самого М. В. Ломоносова о том, что воссоздавая мозаичное дело, он стремился противопоставить свой труд сделанному в мастерских Ватикана и даже превзойти последнее. В упоминавшейся уже «Росписи» 1763 года М. В. Ломоносов писал об особой задаче, которую он поставил перед собой. «И сверх сего мозаичное художество, как делать из оных составов картины живописные; великими и неусыпными трудами привел в совершенство, против Римского, чего там больше двух сот лет доходили». [1]

Остановимся теперь на одном собственноручном тексте М. В. Ломоносова, который был воспроизведен в советской печати двадцать лет тому назад и остался не замеченным исследователями, занимавшимися изучением его творчества в мозаичном деле.

«Достать Киевской мусии», — написано рукой М. В. Ломоносова в его «Химических и оптических записках». [2]

Уже одна эта запись представляет собой неопровержимое доказательство того, что М. В. Ломоносов знал о киевских мозаиках. Но она свидетельствует о большем: о стремлении изучить древнерусские цветные стекла и использовать результаты такого изучения при создании своих мозаичных составов, при выработке своей техники мозаичного набора.

Однако, даже если бы не сохранилось этой важнейшей записи, на основании одного только факта поездки М. В. Ломоносова в Киев можно было бы утверждать, что во время его пребывания здесь он неоднократно видел мозаичные произведения древнерусских мастеров.

Как уже указывалось, М. В. Ломоносов по прибытии в Киевскую академию должен был явиться к ее протектору — архиепископу. Кафедра последнего, как и его квартира, находились при Киево-Софийском соборе. Но помимо этого Софийский собор постоянно привлекал внимание всех бывавших в Киеве. М. В. Ломоносов с его глубочайшим интересом к истории Киевской Руси, вероятно, не просто посещал, а изучал этот собор, как один из самых выдающихся памятников древнерусского зодчества.

Особую славу Софии Киевской составляют ее мозаики из цветных стекол, выстоявшие на протяжении веков, несмотря на неоднократное разорение собора татарами и другими завоевателями. О том, какое впечатление производил этот исторический памятник на посещавших его, можно судить по отзыву одного из путешественников, побывавшего в 1640 году в Софийском соборе:

«Вид его прекрасен, с какой стороны на него посмотришь; стены его украшены мозаическими изображениями и картинами, составленными из разноцветных, блестящих подобно стеклу, камешков, столь искусно подобранных, что сии картины трудно отличить от живописных...» [3]

Даже, если учесть, что во время пребывания М. В. Ломоносова

---

[1] Научное наследство, т. I, М.—Л., 1948, стр. 17.
[2] М. В. Ломоносов, Соч., т. VII, Л., 1934, стр. 428.
[3] Цит. по книге: Орнаменты Софии Киевской. Киев, 1949, стр. 15.

в Киеве софийские мозаики были в значительной части закрыты позднейшими записями, а оставшиеся открытыми выглядели далеко не так, как теперь, то и в таком состоянии они должны были производить неизгладимое впечатление своей монументальной мощью. Особым почетом пользовалась тогда так называемая «нерушимая стена» в алтарной части, где находилось знаменитое изображение Оранты.

Мозаичные картины были также в Киевском Золотоверхо-Михайловском монастыре. Значительные количества мозаик находили в развалинах древних киевских церквей. Кроме того, осыпавшаяся мозаика сохранялась «великими кучами» в ризницах при церквях.[1] Следовательно, М. В. Ломоносов имел много возможностей ознакомиться в Киеве с древнерусскими мозаиками.

Остается выяснить еще одну сторону вопроса. Очень долго было распространено мнение, будто «киевская мусия», т. е. мозаичные составы (которыми так интересовался М. В. Ломоносов), были привезены из-за рубежа. Так, например, специально занимавшийся историей Софии Киевской Е. Болховитинов, имея в виду Византию, утверждал, что мозаики, украшающие собор, привезены «из других земель».[2]

Советские ученые полностью опровергли эти вымыслы о происхождении киевских мозаик.

Раскопки в Киеве, Чернигове и во многих других местах Украины уже давно показали, что Киевская Русь располагала высокоразвитым производством цветных стекол и изделий из него.[3] Однако до последнего времени не было точно установлено существование в Киевской Руси производства именно смальт, то есть специальных цветных стекол для мозаичного набора. Потому было и невозможно опровергнуть вымысел об иностранном происхождении смальт для древнерусских мозаик. Теперь полная ясность внесена и в этот вопрос.

В 1950 году В. А. Богусевичем при раскопках в Киеве были обнаружены в слое конца XI — начала XII вв. остатки мастерской с глинобитными горнами.[4] Хотя эти места сильно повреждены в XX веке, здесь удалось найти, помимо остатков стекольных печей, «куски стеклянных сплавов и смальты, обломки стеклянных браслетов, перстней и тонкостенной стеклянной посуды (стенки небольших бокалов и круглые донца), а также разноцветные стеклянные бусы».[5]

В следующем году были получены еще более важные материалы о производстве мозаичных смальт в древнем Киеве.

В апреле 1951 года в митрополичьем саду Государственного музея-заповедника Киево-Печерской лавры произошел обвал подземных ходов

---

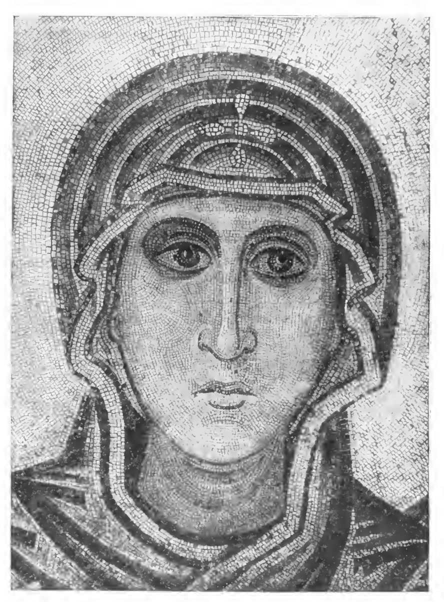
[1] [Е. Болховитинов], Описание Киево-Софийского собора, Киев, 1825, стр. 31.

[2] Е. Болховитинов дошел до утверждения, будто не только мозаичные материалы, но и гранит и другие материалы для сооружения Софии Киевской были доставлены из-за рубежа: «Уцелевшая доныне в Софийской церкви на стенах мозаическая живопись с греческими надписями, мраморные колонны при входе в церковь с запада и на хорах, фигурные из гранита выделанные плиты, оставшиеся также на хорах, и по некоторым местам пола белой мрамор и красный лещадник, доказывают, что он (Ярослав Мудрый — *В. Д.*) должен был доставать из других земель, на что потребно было немалое время. О всем сем однакож молчат наши летописи». (Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии, Киев, 1825, стр. 13—14.)

[3] См. напр., Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 397—400.

[4] Раскопки производились на Подоле, на территории 124-й женской школы, в районе пересечения улиц Героев Триполья и Волошской.

[5] В. А. Богусевич, Вновь открытые мастерские по изготовлению стекла и смальты XI века в Киеве. Институт археологии АН УССР, 1953 (рукопись), стр. 2. — Пользуюсь случаем высказать признательность В. А. Богусевичу за предоставление возможности ознакомиться как с этой рукописью, так и со всеми материалами раскопок.



Оранта. — Деталь мозаичной картины в Софии Киевской, выполненной в XI веке.

из-за прорыва проложенных здесь водопроводных труб. В результате произведенных археологических раскопок в культурном слое конца XI века были найдены остатки мастерской по производству стекол, посуды и мозаичных смальт.[1] Особенный интерес представляют найденные части керамических тиглей и горшков с застывшей стеклянной массой, а также множество стеклянных капель и других отходов производства.

Изучение находок показало, что «главным видом продукции лаврской мастерской было изготовление смальты».[2] Здесь производились смальты для мозаичного набора, подобные примененным при изготовлении мозаик Киево-Софийского собора: «белая, черная, желтая, голубая, сине-лиловая, красно-коричневая, зеленая». Было найдено также много смальт для золотого мозаичного набора: стекло, покрытое слоем золота, на котором в свою очередь для предохранения нанесен еще один тонкий слой стекла (канторель).

Открытие этих мастерских имеет выдающееся значение. Работы В. А. Богусевича и его сотрудников неопровержимо доказали, что для нужд монументального строительства в древнем Киеве существовало высокоразвитое по тому времени производство смальт и что древнерусские мозаики, с которыми мог познакомиться М. В. Ломоносов во время его поездки на Украину, не были заморскими, а являлись плодом творчества местных мастеров, работавших в XI в.

Однако и сказанным не ограничивается то, с чем мог познакомиться М. В. Ломоносов на Украине в производстве стекол. Оказавшись в Киевской академии, он получил возможность общаться с украинскими стекловарами, непосредственно связанными с Киево-Братским монастырем, в стенах которого находилась академия.

В те годы на Украине действовало много гут — стекольных заводов, изготавливавших как бесцветные, так и цветные стекла. Одна из таких гут находилась неподалеку от Киева — в Карпиловке, и входила в число «маетностей» Киево-Братского монастыря.[3] То, что Карпиловская гута работала в период пребывания М. В. Ломоносова в Киеве, подтверждается рядом документов. В «Экстракте з реестров приходных и расходных» за 1730—1732 гг. названы доходы «з гуты Карпиловской».[4] О ней упоминает и Феофан Прокопович в своем письме, отправленном 8 марта 1736 года Рафаилу Заборовскому.[5]

Из Карпиловки в Киево-Братский монастырь привозили стеклянные изделия, приходили люди, работавшие на гуте. Известно также, что и студенты Киевской академии бывали в Карпиловке.[6]

Так, выясняющиеся при обращении к документальным материалам всё новые и новые факты показывают, сколь плодотворной с самых различных сторон была поездка М. В. Ломоносова на Украину. Вплоть до последнего времени о ней необоснованно писали как о безрезультатной.

[1] В. А. Богусевич, Вновь открытые мастерские по изготовлению стекла и смальты XI века в Киеве. Институт археологии АН УССР, 1953 (рукопись), стр. 3—10. Раскопки производились Лаврским отрядом экспедиции «Большой Киев» под руководством В. А. Богусевича.

[2] Там же, стр. 9.

[3] Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии, т. I, ч. I, с введением и примечаниями Н. И. Петрова. Киев, 1904, стр. XXI—XXII и 168.

[4] Там же, стр. 205.

[5] Там же, стр. 185.

[6] Там же, стр. 389—390. Студенты Киевской академии вели занятия с детьми обитателей Карпиловки, бывали у последних в гостях. Например, в январе 1749 года студент философии Федор Ольшанский посетил Карпиловского жителя Григория Мороза, с сыном которого он «трактовал... в Киевской академии под Сломеским школу философию» (Гедеон Слонимский преподавал в Академии философию).

Теперь мы видим, что в действительности эта поездка имела выдающееся значение для молодого русского ученого. На это указывают и многочисленные места его рукописей, в частности его «Химических и оптических записок», где против слов, касающихся Украины, Ломоносов собственноручно поставил знак нотабена. Именно этим знаком отмечена его запись: «Достать Киевской мусии».

7

Всё еще неопубликованными до сих пор остаются крылатые слова М. В. Ломоносова о российском народе, под которым он подразумевал не только русских, но и украинцев и белоруссов: [1]

«Российской народ природной плотник.

Кто умеет строить по рекам разные суда и мосты, опускать струбы в преглубокие колодези, выводить высокие домы и ограждения, деревянные церкви и колокольни; того учить как сделать жердяную лестницу или описывать и рисовать всякое звено и часть водочерпного колеса или бадьи за излишно почитаю». [2]

Эти, незаслуженно пребывающие в забвении, слова великого патриота должны теперь стать широко известными народам нашей страны. Простые и могучие, эти слова исполнены веры в неиссякаемую творческую силу народа, раскрывают изумительные черты народа-труженика, народа-техника, народа-созидателя.

Так сказать мог только тот, кто глубоко знал народную жизнь. М. В. Ломоносов же не только знал ее, но и глубоко понимал и чувствовал во всех ее тончайших проявлениях.

Поездка на Украину имела выдающееся значение для М. В. Ломоносова в том отношении, что она обогатила его знание и понимание жизни народа, помогла ему охватить народную жизнь в масштабе огромной страны, простиравшейся на север от Москвы до берегов Белого моря и Северного Ледовитого океана, а на юге — до берегов Днепра и Черного моря.

И, конечно, никак не учеником был Ломоносов, а глубоким мыслителем, когда совершил он поездку из Москвы в Киев. Здесь он накапливал важные для его последующих исследований наблюдения над климатом и природой Украины, знакомился с народным искусством, в частности с киевскими мозаиками, углублял свои знания в латинском языке, критически осваивал всё сделанное киевскими учеными в области риторики и поэзии, изучал древнерусские летописи, расширял свой кругозор в области экономики, техники и промышленности.

Если Москва была для Ломоносова его первым университетом, то Киев стал вторым. Сделав еще на далеком Севере среди поморов первый шаг по пути, который в конце концов привел его к вершинам знания, М. В. Ломоносов твердо стал на почву науки в Москве. На заложенной здесь прочной основе он продолжал в Киеве, а затем в Петербурге освоение духовных богатств, накопленных российским народом.

К моменту поездки за границу он был основательно вооружен

---

[1] См. М. В. Ломоносов, Материалы к Российской грамматике. Соч., т. 7, М.—Л., 1952, стр. 608.

[2] Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 64 об. — Эти слова первоначально были включены М. В. Ломоносовым в текст предисловия к книге о горной науке, начинающегося словами: «Рудных дел обстоятельное знание неменьше, есть как металлов употребление...» (М. В. Ломоносов. Соч., т. VII, Л., 1934, стр. 19—22). В дальнейшем М. В. Ломоносов решил не давать в этой книге приведенные нами слова: «Российской народ природной плотник...» и ограничился замечанием: «И посему тот писатель преступает пределы своея должности, кто посторонние работы изъяснять станет даже до мелочей».

разносторонними знаниями и опытом, почерпнутыми в родной стране. И ни одного часа он не «ходил» за рубежом в учениках, а действовал как зрелый ученый, критически отбиравший самое ценное из культурной сокровищницы других народов.

Благодаря этому именно здесь, в чужой стране, М. В. Ломоносов окреп как непримиримый враг всякого раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной. Территориально отделенный от родной земли, он в действительности не только ни на миг не ослаблял духовных связей с своим народом, но еще теснее связал себя с ним, закаляясь для своей последующей борьбы с «непрнятельми наук российских».[1] Именно поэтому М. В. Ломоносов смог создать за рубежом свои бессмертные патриотические труды от первого сочинения по промышленным вопросам, посвященного украинскому солеварению, до «Письма о правилах российского стихотворства», революционизировавшего отечественную поэзию.

Только безграничная любовь к Родине и кровная связь с ней дали ему силу вдохновения для создания такого поэтнческого пронзведения, как ода на победу над турками н татарами и на взятие Хотина. Поведав о разгроме «козацких поль, заднестрского татя», он дал ставшую крылатой поэтическую формулу патриотизма:

> Крепнт отечества любовь
> Сынов Российских дух и руку...[2]

Вышедший из народа и у него черпавший свои силы, М. В. Ломоносов был силен своей нерушимой связью с народом, и он щедро отблагодарил его своим творчеством, свонми бессмертными сочинениямн, открытиями и изобретениями.

Подводя итоги нашему исследованию, отнюдь не преследовавшему целн осветить значение трудов М. В. Ломоносова для Украины, мы можем с полной уверенностью сказать, что его поездка в Киев имела большое значение. Ее плодотворные результаты проявились в работах великого русского ученого как в области общественных наук и естествознания, так и в области промышленности, техники н искусства.

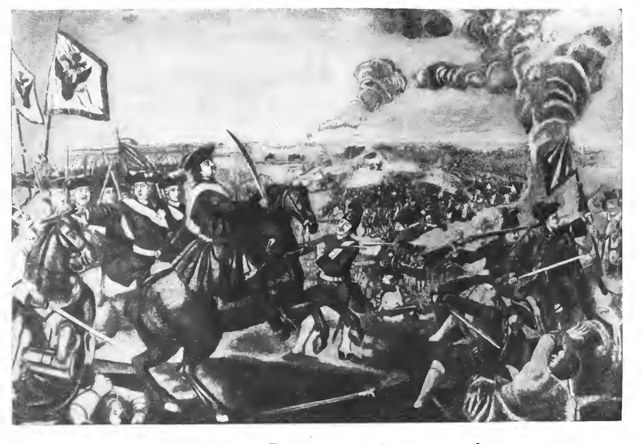
Необходима, конечно, дальнейшая работа по изучению результатов поездки М. В. Ломоносова на Украину. Также необходимо всесторонне осветить вопрос о том, что́ дало творчество М. В. Ломоносова украинскому народу. Это столь большая проблема, что нсчерпывающе разрешить ее можно только коллективными усилиями украинских и русских ученых. Об огромных возможностях для исследования, открываемых в связн с этой проблемой, можно судить, сопоставнв некоторые факты нз нстории хотя бы одной области творчества, которую так любил М. В. Ломоносов. Обратим, например, внимание на следующее.

Все лучшие из мозаик, созданных до М. В. Ломоносова, принадлежат Украине. Это — «Оранта» и другие мозаики Софни Киевской, это —

---

[1] В январе 1761 года М. В. Ломоносов в письме, посланном на Украину, указал, имея в виду К. Г. Разумовского и Г. Н. Теплова: «Неодиократио писал я... от истиниого усердия к расширеиию наук в отечестве, в Москву и иа Украйиу, и представлял здесь словесио и письмеиио о исправлеиии застарелых непорядков» (Билярский, Материалы для биографии Ломоиосова, СПб., 1865, стр. 499—503). Закаичивается это письмо словами, получившими широкую нзвестиость: «Чтож до меия надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с иеприятельми иаук Российских бороться, как уже борюсь двадцать лет, стоял за иих смолада, на старость не покиию». Эти замечательные слова подчеркивают со всей остротой необходимость поисков миогочислеииых писем, посылавшихся М. В. Ломоносовым иа Украииу (К. Г. Разумовскому в Батурин и др.) и всё еще ие иайдеиных.

[2] М. В. Ломоносов, Соч., т. I, СПб., 1803, стр. 58.



Мозаичная картина М. В. Ломоносова „Полтавская баталия“, хранящаяся в Ленинграде в главном здании Академии наук СССР.

мозаики Киевского Золотоверхо-Михайловского монастыря, мозаики Чернигова и другие, созданные еще во времена Киевской Руси.

Самая величественная и грандиозная из мозаичных картин М. В. Ломоносова посвящена событию, происшедшему на территории Украины, имевшему величайшее значение для русского и украинского народов. Это — «Полтавская баталия», хранящаяся ныне в Ленинграде, в главном здании Академии наук СССР.

Наилучшие из мозаик, которые завершают путь, пройденный советским мозаичным искусством, также посвящены Украине. Это — мозаики, созданные советскими мозаичистами для станции Московского метрополитена «Киевская-кольцевая».

Все восемнадцать мозаик посвящены теме «Вековая нерушимая дружба украинского и русского народов».[1] Мозаики созданы многочисленным коллективом художников-монументалистов, возглавляемых А. Мизиным и А. Ивановым под общим руководством начальника художественно-мозаичной мастерской Н. Тупицына.[2]

Эту великолепную серию открывает картина, посвященная событию, 300-летие со дня которого торжественно отметили ныне все народы СССР. Картина изображает Переяславскую Раду.

Высоко поднял булаву Богдан Хмельницкий, призывая народ к воссоединению Украины с Россией. Величава фигура русского посла, читающего обращение к украинскому народу. Развеваются знамена. Под ними, в глубине картины показан строй казаков, вооруженных грозными для врага пиками. Вокруг Богдана Хмельницкого и русского посла теснится народ, единодушно высказывающийся за воссоединение Украины с Россией, «чтоб есми вовеки вси едино были».[3]

Особо выделяется во всей серии полная динамики картина, посвященная Полтавской битве. Высоко над войском реет русское знамя. Барабанщик бьет атаку. Взяв ружья на руку, преображенцы идут на врага. Они уже направили на него (выходящие за пределы картины) штыки, изобретенные и введенные русскими в те годы. Рядом с преображенцами идет в бой украинский казак, что напоминает о боевых узах, издавна связывающих русских и украинцев. Вдали видны пешие и конные войска, стремительно наступающие на шведов. Великолепен Петр I. Ветер раздувает плюмаж его шляпы. Рука с палашом, протянутая в сторону противника, показывает русским войскам путь к победе. По силе и динамизму изображения эта мозаичная картина является одной из лучших.

Полная движения «Полтавская баталия» сменяется картиной, данной в ином плане. Перед нами Украина в дни пребывания здесь А. С. Пушкина. Он стоит у векового дуба, окруженный народом. У ног задумавшегося поэта присел, видимо, один из будущих декабристов. И старые, и молодые сыны украинского народа пришли послушать пушкинское слово. Медленно перебирает старик струны бандуры.

И здесь всё говорит об извечной дружбе русских и украинцев. Образ бандуриста напоминает о том, что великий русский поэт А. С. Пушкин

[1] Проект станции «Киевская кольцевая» был разработан киевлянами — действительным членом Академии архитектуры УССР Е. Катониным, художником членом-корреспондентом Академии архитектуры УССР А. Мизиным, архитекторами В. Скугаревым и Г. Голубевым. (Коллективный труд художников-монументалистов. Советская культура, 1953, № 66, стр. 1.).

[2] Одновременно с опытными специалистами Л. Хаютиной, А. Карнауховой, Т. Шиловской, Б. Корниным в создании мозаик приняли участие молодые художники М. Сидоров, В. Фукс, В. Хрящев, Ю. Пермяков, А. Орловский, Р. Сурская, Л. Черепанова и другие. (Советская культура, 1953, № 66, стр. 1.).

[3] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы, т. III, 1953, стр. 461.

Полтавская битва, 1709 год. — Мозаичная картина на станции „Киевская-кольцевая“ Московского метрополитена, 1954 год. Авторы — член-корреспондент Академии архитектуры УССР А. В. Мизин и А. Т. Иванов. Исполнители — Б. А. Корин и О. В. Богословская.

чутко прислушивался к думам и чаяниям украинского народа, запечатленным в песнях его певцов.

В следующей картине тема дружбы украинского и русского народов запечатлена в образах их замечательных представителей. Т. Г. Шевченко читает в Петербурге свои произведения Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Некрасову и Н. А. Добролюбову. На стене показан портрет В. Г. Белинского. На заднем плане через открытое окно виден силуэт Петропавловского собора с его шпилем, стремящимся ввысь. На столе под рукой Добролюбова лежит герценовский «Колокол» — этот живой голос передовой России.

Ряд мозаичных картин посвящен эпизодам борьбы народа, которую возглавила Коммунистическая партия. На одной из картин изображена группа русских и украинских рабочих, читающих в заводском цехе ленинскую «Искру».

Динамична мозаика, посвященная Донбассу. На картине показан 1905 год, когда русские и украинские пролетарии высоко подняли знамя революционной борьбы. На заднем плане видны шахта и терриконы, над которыми развевается красное знамя революции. Лица рабочих полны боевой решимости. Это — рабочий класс России, уже взявший в руки оружие и вступивший на путь, завершенный победой Великого Октября.

Об этой всемирно-исторической победе говорит мозаика, воспроизводящая незабываемый исторический момент — провозглашение В. И. Лениным Советской власти. Вооруженный народ, собравшийся у Смольного, слушает вождя, возвестившего всему миру о начале новой эры в истории человечества. Рядом с В. И. Лениным — его верные соратники: И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов. Протянув характерным для него жестом руку вперед, Ильич говорит с представителями рабочего класса, с крестьянами, одетыми в солдатские шинели и матросские бушлаты, с русскими, украинцами и другими сынами народа, ставшего с тех дней советским.

Тема о вечной нерушимой дружбе украинского и русского народов раскрывается и в мозаике, напоминающей о днях гражданской войны, когда в борьбе с белогвардейской контрреволюцией и иностранными интервентами украинский народ выдвинул из своей среды таких полководцев, как Н. А. Щорс.

С красным знаменем идет к мирным победам тракторная бригада первой машинно-тракторной станции. За штурвалом — украинец, он ведет машину, изготовленную руками русских рабочих.

Русские и украинские трудящиеся окружают трибуну, с которой М. И. Калинин говорит народу о том, что нет уже больше Днепростроя, что вступила в строй Днепровская ГЭС, созданная творческим трудом братских народов.

Есть на «Киевской-кольцевой» и мозаики, воспроизводящие такие исторические события в жизни советского народа, как воссоединение всех украинских земель в 1939 году, освобождение советскими воинами Киева в дни Великой Отечественной войны, всенародный праздник Победы в Москве в 1945 году.

Несколько картин посвящено расцвету социалистической жизни трудящихся нашей страны, великой дружбе русских и украинских рабочих, колхозников, братскому содружеству всех народов СССР как источнику силы и могущества советского многонационального государства.

Серию мозаик увенчивает монументальная картина, посвященная XIX съезду КПСС — съезду великого единения Коммунистической партии, Советского правительства и народа.

Будучи каждая вполне самостоятельным произведением — все картины

XIX съезд — съезд единства Коммунистической партии, Советского правительства и народа.— Мозаичная картина на станции „Киевская-кольцевая“ Московского метрополитена, 1954 год. Авторы — член-корреспондент Академии архитектуры УССР А. В. Мизин и А. Т. Иванов. Исполнители — В. Е. Хрящев и Б. М. Лобанихин.

вместе дают яркое представление об основных событиях на пути, пройденном украинским и русским народами от Переяславской Рады до наших дней, когда советские люди под водительством Коммунистической партии успешно строят коммунизм.

Цикл мозаичных картин на станции «Киевская-кольцевая» вместе с тем наглядно демонстрирует выдающиеся успехи советского искусства в области мозаики, которую возродил М. В. Ломоносов два столетия тому назад.

Работая в Усть-Рудице и создавая здесь свои замечательные смальты, великий русский ученый писал:

Я зрю здесь в радости довольствий общих вид,
Где Рудица, вьючись сквозь каменья, журчит,
Где действует вода, где действует и пламень,
Чтобы составить мне, или превысить камень,
Для сохранения геройских славных дел,
Что долг к отечеству изобразить велел.[1]

Прошли века, и теперь, видя, как советские мастера мозаики высоко подняли дело, начатое М. В. Ломоносовым, можно его же словами сказать о созданных ими мозаичных произведениях:

Которы в век хранят геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц;
Чрез множество веков себе подобны зрятся,
И ветхой древности грызенья не боятся.[2]

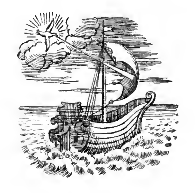
Московские мозаики, посвященные дружбе народов-братьев, прекрасный дар мастеров русского и украинского искусства к 300-летию воссоединения Украины с Россией.

Они напоминают о том, как много уже осуществлено и как неизмеримо больше можно будет совершить еще на основе русско-украинских связей, в развитие и укрепление которых внес в прошлом свой вклад великий русский ученый М. В. Ломоносов.

---

[1] Из письма к Г. Г. Орлову 19 июля 1764 г. (М. В. Ломоносов, Соч., т. II, СПб., 1893, стр. 274).

[2] М. В. Ломоносов, Письмо о пользе стекла. Соч., т. II, СПб., 1893, стр. 93.



ПЕРЕЧЕНЬ ЗАСТАВОК И КОНЦОВОК, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ

Заставки

К введению: Московский Кремль.— По гравюре 1705 г.

К главе первой: „Славный град Киев". — По лубочной картинке 40—50 гг. XVIII в.

К главе второй: Китай город в Москве. — По детали гравюры, напечатанной в первой четверти XVIII в.

К главе третьей: Златые врата в Киеве. — По рисунку первой половины XIX в.

К главе четвертой: Митрополичий дом в Киеве.— По изображению на гравюре, напечатанной в Киеве в 1739 г.

К главе пятой: Подол в Киеве (слева направо — бурса, собор Киево-Братского монастыря, Киевская академия, магистрат). — По рисунку XVIII в.

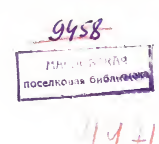
К главе шестой: Золотоверхо-Михайловский монастырь в Киеве. — По изображению на гравюре, напечатанной в Киеве в 1739 г.

Концовки

К введению: по концовке из книги, изданной в Киеве в 1758 г.

К главам первой — шестой: по виньеткам на гравюре, напечатанной в Киеве в 1739 г.

СОДЕРЖАНИЕ



45.